

ISSN 2308-6947 (Print)
ISSN 3034-3763 (Online)

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

СЕВЕРО-ЗАПАД В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 30

Под редакцией В. Н. Никулина

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2024

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

С28

Рецензенты

В. Н. Томили, д-р ист. наук, проф.,
Липецкий государственный педагогический университет;
М. И. Роднов, д-р ист. наук, Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН

Редакционная коллегия

А. Ю. Дворниченко, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *В. В. Кондрашин*, д-р ист. наук, проф. (Институт российской истории РАН); *В. Н. Никулин*, д-р ист. наук, проф. — отв. редактор (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *Л. Н. Жданович*, канд. ист. наук, доц. — отв. секретарь (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *З. А. Тимошенкова*, канд. ист. наук, доц. (Псковский государственный университет); *Е. Н. Швейковская*, д-р ист. наук (Институт славяноведения РАН)

В оформлении обложки использована картина художника А. А. Платова «Выборы комитета бедноты» (1940).

С28 **Северо-Запад в аграрной истории России** : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. — Вып. 30. — 166 с.

Содержит статьи по актуальным проблемам как общероссийской, так и региональной аграрной истории дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Затронуты вопросы экономического положения страны, социального развития российской деревни, реформ в сфере сельского хозяйства.

Адресован научным работникам, преподавателям, студентам-историкам и всем, интересующимся историей Отечества.

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

© БФУ им. И. Канта, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иванов В. И.</i> Степень устойчивости крестьянских хозяйств Поморья в XVII — начале XVIII века (по материалам Шуерецкой волости).....	4
<i>Черкасова М. С.</i> О хозяйственной структуре Троице-Сергиева монастыря по Описи 1701—1702 годов.....	21
<i>Соколова Н. В.</i> Суздальские и владимирские вотчины Патриаршего дома в начале XVIII века: общее и особенное.....	32
<i>Степанова Л. Г.</i> Моделирование зернового бюджета крестьянских хозяйств Северо-Запада России по данным материалов Генерального межевания конца XVIII века.....	46
<i>Александров Н. М.</i> Костромская деревня накануне отмены крепостного права (по воспоминаниям А. Н. Куломзина).....	56
<i>Кабытов П. С., Баринова Е. П.</i> Дворяне прибалтийских губерний в дискурсе съездов объединенного дворянства.....	67
<i>Никулин В. Н.</i> Сапожный промысел новгородских крестьян во второй половине XIX — начале XX века.....	77
<i>Дианова Е. В.</i> Сельскохозяйственные выставки в Вологодской губернии в 1910-е годы.....	86
<i>Карпачёв М. Д.</i> Новые веяния в жизни воронежской деревни в годы проведения столыпинской аграрной политики.....	95
<i>Бершадская О. В.</i> Коллективные формы хозяйственной деятельности в черноморской деревне в период новой экономической политики (1920-е годы).....	114
<i>Наухацкий В. В.</i> Сельское хозяйство Северо-Кавказского региона в 1922—1991 годах: этапы и динамика.....	122
<i>Багрянцева Е. А.</i> Продовольственная программа 1982 года и совершенствование системы управления АПК СССР: проекты и предложения.....	134
<i>Логунова И. В.</i> Фермерские хозяйства Центрального Черноземья в начальный период «сплошной фермеризации» (по материалам единовременных статистических обследований).....	141
Перечень публикаций в сборнике «Северо-Запад в аграрной истории России» за 2020—2024 годы.....	157
Об авторах	164

В. И. Иванов

**Степень устойчивости крестьянских хозяйств
Поморья в XVII — начале XVIII века
(по материалам Шуерецкой волости)**

На основе исследования разных источников, прежде всего окладных книг Шуерецкой волости XVII — начала XVIII в., реконструируется история отдельных крестьянских семей и определяется степень устойчивости их хозяйств. Крестьянское хозяйство велось преимущественно малыми семьями, а семейные разделы, выделение женатых братьев, племянников происходили регулярно и среди богатых, и среди зажиточных. Некоторые из них сохраняли свой статус, но примерно половина пополняли ряды беднейших. Рискованность промыслового хозяйства крестьян Поморья, очевидно, превосходила риски земледельческих хозяйств Центра России.

Drawing on various sources, primarily the okladnye knigi (tribute records) of the Shueretsky volost from the 17th to early 18th centuries, this study reconstructs the histories of several peasant families and assesses the stability of their farms. Peasant farms were predominantly managed by small families, with divisions of property and land allotments to married brothers and nephews occurring in both affluent and impoverished households. Some land recipients maintained their status, but nearly half joined the ranks of impoverished

peasants. The level of risk faced by Northern fishery peasants was noticeably higher than that encountered by agricultural farmers in Central Russia.

Ключевые слова: крестьянская семья, XVII — начало XVIII века, Поморье, устойчивость крестьянских хозяйств

Keywords: peasant family, 17th — early 18th century, Pomorye region, stability of peasant farms

В данной работе ставится задача проследить историю отдельных крестьянских семей-хозяйств Шуерецкой волости с целью определения устойчивости их развития в XVII — начале XVIII в. Шуерецкая волость расположена на юго-западном побережье Белого моря, ее население и хозяйство уже были предметом ряда исследований [1, с. 195—208; 2, с. 58—72; 3, с. 18—31; 4, с. 15—25].

Хозяйство Фефила Михайлова

Фефил Михайлов был человеком пришлым, поселившимся в Шуерецкой волости, после ее перехода в состав владений Соловецкого монастыря. В «Росписи шуречаном, которые в отдельных и в писцовых книгах Иева Карпова 122 (1614) году имяны не написаны», составленной властями Соловецкого монастыря, которую можно датировать временем около 1660 г., сообщается, что Ф. Михайлов (он записан первым среди «прожиточных лутчих людей») пришел «с Корелы» (район Карельского перешейка) лет 40 назад (значит, около 1620 г.), а «на луковом згодье» живет лет с 30, то есть до этого десятков лет он жил на положении бобыля. Сын его, Илья Фефилов, родился уже в Шуе и у него есть жена и дети [5, ф. 1201, оп. 1, д. 13, л. 1]. В переписной «писцовой» книге Л. Азарьева 1646/47 г. он с сыном Ильей записаны бобылями [5, ф. 281, д. 4421, л. 19—20.]. В январе 1668 г. во дворе Фефила Михайлова записан другой его сын — Пронька [5, ф. 137. Сумской посад, д. 1, л. 90].

В 1652/53 г. по книге сбора денег Ф. Михайлов платил за землю (1 лук) 40 коп., за работника (1 «голова») — 9 коп. и за имущество и доходы (с 77 руб. «поживотного») — 1 руб. 54 коп. [6, ф. Р-І, оп. 2, д. 5, л. 2]. В 1659/60 г. в книге сбора денег Фефил платил уже с 1,5 лука 90 коп., с 2 голов — 24 коп., поживотного со 120 руб. — по 5 коп. с рубля = 6 руб., с 1 «дыма» — 50 коп. [6, ф. Р-І, оп. 2, д. 14, л. 1]. В 1660/61 г. по книге сбора денег даточным людям Фефил платил луковых 54 коп. (очевидно, за 1,5 лука), за 2 головы — 20 коп., поживотного — 6 руб., подымного (с 1 избы) — 50 коп. [6, ф. Р-І, оп. 2, д. 17, л. 2].

Окладная книга 1663 г. содержит подробную картину его хозяйства. У него сочтены 2 головы (2 руб.), згодья 1,5 лука (3 руб.), лошадь вороная (3,5 руб.), 2 кобылы (4,5 руб.), 3 коровы (1,5 руб.), лодья (47 руб.), три судна мурманских (30 руб.), торг мурманский (50 руб.), судно весновское (2 руб.), добыча весновская (3,5 руб.) и всего оклад 147 руб. [6, ф. Р-І, оп. 2, д. 24, л. 1]. Эти данные показывают, что хозяйство Ф. Михайлова являлось самым богатым в волости и его можно охарактеризовать как крупное торгово-промысловое. Около половины окладной суммы дают морские транспортные и промысловые суда, а еще треть — мурманская торговля. У других зажиточных крестьян сумма оклада не превышала 100 руб. [3, с. 24—26].

Самые поздние по времени упоминания Фефила Михайлова и его внука Ивана Прокопьева (последний записан дважды [5, ф. 1201, оп. 1, д. 80, л. 12]) встречаются после подавления восстания в крестоприводной книге августа 1676 г. «черница» (иеромонаха?) Никиты и поручика Ивана Афанасьева [5, ф. 1201, оп. 1, д. 80, л. 11] и в переписной книге 185 (1676/77) г.: во дворе Ф. Михайлова записан внук Иван Прокопьев (сын Проньки) и сосед Максим Кирилов со своим сыном Григорием [5, ф. 1201, оп. 1, д. 702, л. 22].

В окладной книге 1681 г. Фефила Михайлова, также, как и его сыновей, и внука не обнаружено [6, ф. Р-І, оп. 2, д. 69]. Возможны различные обстоятельства, в том числе и трагиче-

ские. Если верны наши расчеты, то Фефилу Михайлову к этому времени должно быть не менее 80 лет. Что касается его сына и внука, то их исчезновение могло быть связано с репрессивными мерами правительства, с приверженностью к старообрядчеству и переходом на другое место жительства.

Хозяйство Михаила Денисова

Происхождение Михаила Денисова и точное время появления его в Шуерецкой волости выяснить пока не удалось. Отсутствие его в росписи пришедших шуерчан, которая датируется нами около 1660 г., позволяет предположить, что он поселился там после ее составления. Самое раннее упоминание зафиксировано в платежной росписи 1659/60 г., по которой Михаил Денисов платил с 1,25 лука, с 2 голов и с 80 руб. животов 4 руб., с 1 дыма — 50 коп. [6, ф. Р-І, оп. 2, д. 14, л. 3]. В 1660/61 г. по книге сбора денег М. Денисов платил уже за 1,583 лука 95 коп., за 2 головы — 24 коп. и за 87 руб. поживотного — 5 руб. 22 коп. [6, ф. Р-І, оп. 2, д. 17, л. 16]. В начале этого дела есть роспись того же года под заголовком «Книги Андрея Васильева што с ково взято даточным людям», в которой нет упоминания Михаила, зато назван Иван Денисов, заплативший с луков 63 коп., с голов — 20 коп., поживотного — 2 руб. 62 коп., с дыма — 50 коп. Судя по всему, он был родным братом Михаила Денисова [6, ф. Р-І, оп. 2, д. 17, л. 7].

Окладная книга 1663 г. дает подробную характеристику хозяйства М. Денисова: сочтено 2 головы (2 руб.), згодья уже 1,75 лука (3,5 руб.), жеребья (2 руб.), 3 коровы (1,5 руб.), треть лодьи (10 руб.), судно мурманское (10 руб.), промысел мурманский «на треть» (28 руб.), рыбный торг (24 руб.), судно весновское (2 руб.), добыча весновская на 2 участка без 1/8 доли (= 1,875) осеннего привозу (4 руб.), полневода (0,5 руб.), переметы (0,5 руб.), а всего оклад 95 руб. (наш подсчет по тексту дает сумму 86 руб. — *В. И.*) [6, ф. Р-І, оп. 2, д. 24, л. 10]. По величине оклада он был вторым после рассмотренного выше Ф. Михайлова, возглавляя группу из 5 крупных промысловоторговых хозяйств. Треть окладной суммы дала промысловая

добыча, еще почти половину — торговля и морские суда. В переписной книге 1676/77 г. во дворе М. Денисова записаны его племянники Отноша и Тимоша Омельяновы дети [5, ф. 1201, оп. 1, д. 702, л. 22].

Если волость в целом, по мнению некоторых исследователей [2, с. 60—65], за время восстания и осады заметно обеднела, то хозяйство М. Денисова находилось на подъеме. На это указывает прежде всего такой показатель как окладная сумма, которая за тридцать лет увеличилась более, чем в два раза, достигнув в 1692 г. суммы — 216 руб. (табл. 1). Вместо 3 голов у него записаны 2, а земельные угодья уменьшились на 0,875 лука. Это говорит о том, что в самостоятельное хозяйство выделился его племянник — Игнат Иванов сын Денисов. В 1692 г. хозяйство Игната Иванова имело 2 головы (очевидно, с братом Аникием), 0,875 лука земли, 3 коровы, лодью, полсоймы, 2 судна мурманских, которые давали 15 руб. промысловой добычи, а общий оклад — 54 руб. [5, ф. Р-1, оп. 2, д. 124, л. 3], который был вторым по величине после Михаила Сидорова.

Таблица 1

Хозяйство Михаила Денисова во второй половине XVII в.

Год	Головы	Луки	Лошади и жеребят	Коровы	Крупные суда (лодья, соймы)	Мурманские суда	Малые суда	Промыслы, руб.	Торговля, руб.	Оклад, руб.	6, ф. Р-1, оп. 2
1663	2	1,75	1	3	1/3	1	1	32	24,5	95	д. 24, л. 10
1681	3	2,625	7,5	6	2	3	3	35	51,5	165,5	д. 69, л. 1
1684	3	2,875	3,5	4	2,5	4	1	13	100	182	д. 76, л. 16
1685	3	2,875	4,5	4	2,5	3	3	27	80	173,5	д. 79, л. 2
1686	3	2,125	3	2	3,5	3	8	32	105	200	д. 88, л. 1
1689	3	2,125	2	2	3,5	4	4	35	100	210	д. 101, л. 8
1690	3	2,125	2	2	3,5	4	2	31	90	203,5	д. 118, л. 17
1692	2	1,25	2	2	2,17	3	3	9	150	216	д. 124, л. 3

Уже на следующий 1693 г. во главе этого хозяйства записан сын Михаила Денисова — Сидор (Исидор) Михайлов сын Денисов (1 голова, 1,25 лука земли, оклад 241 руб.). Его двоюродные братья значатся в одном хозяйстве — Игната Иванова (2 головы, оклад 73,5 руб.) [6, ф. Р-1, оп. 2, д. 132, л. 21], но в 1695 г. мы видим уже два самостоятельных, почти равных хозяйства: Игната Иванова (1 голова, 0,438 лука, оклад 23 руб.) и Аникия Иванова (1 голова, 0,438 лука, оклад 24 руб.) [6, ф. Р-1, оп. 2, д. 124, л. 3].

При Сидоре Михайлове в 1699 г. окладная сумма его хозяйства достигла рекордной величины в 300 руб., то есть увеличилась за 30 лет в 3 раза. В последующие несколько лет она заметно снижается, а в 1708 г. из оклада совсем исчезают торговые доходы, что приводит к уменьшению общей суммы оклада почти в 3 раза. Позднее оклад стал возрастать, а в 1718 г. окладная сумма этого хозяйства достигла 150,5 руб. [6, ф. Р-1, оп. 3, д. 175, л. 2] (табл. 2).

Таблица 2

**Хозяйство Сидора Михайлова сына Денисова
в конце XVII — начале XVIII в.**

Год	Головы	Луки	Лошади	Коровы	Крупные суда (лодья, соймы)	Мурманские суда	Малые суда	Промыслы, руб.	Торговля, руб.	Оклад, руб.	6, ф. Р-1
1693	1	1,125	2	2	2,67	3	3	52	113	241	оп. 2, д. 132, л. 21
1695	1	1	2	2	3	4	2	41,9	103,5	241	оп. 2, д. 150, л. 3
1696	1	1,125	2	2	3	4	2	52,5	111	271	оп. 2, д. 159, л. 2
1698	1	1,542	2	2	3	4	2	41	112	256	оп. 2, д. 182, л. 1

Год	Головы	Луки	Лошади	Коровы	Крупные суда (лоды, соймы)	Мурманские суда	Малые суда	Промыслы, руб.	Торговля, руб.	Оклад, руб.	6, ф. Р-1
1699	1	1,542	1	3	3	4	...	14,5	205,5	300	оп. 2, д. 193, л. 2
1701	1	1,542	1	3	2	4	1	61	133	294,5	оп. 3, д. 80, л. 2
1702	1	1,542	2		2	4	2	5	187,5	275	оп. 3, д. 82, л. 2
1704	2	1,542	2	3	2	4	171	230	оп. 3, д. 95, л. 1
1705	2	1,542	1	3	2	4	155	210	оп. 3, д. 273, л. 1
1708	2	1,542	2	3	0,5	3	1	48,5	...	103	оп. 3, д. 136, л. 2
1710	2	1,417	2	4	1,5	4	...	43	...	129	оп. 3, д. 147, л. 2
1711	2	1,417	2	4	1,5	3	1	60	...	159	оп. 3, д. 151, л. 2
1714	2	1,417	2	2	1,5	4	1	37,5	...	131,5	оп. 3, д. 165, л. 3

К концу XVII в. группа крупных промыслово-торговых хозяйств в этой общине исчезает, а самый высокий оклад после Сидора Михайлова сына Денисова был у его двоюродных братьев. У Игната Иванова сына Денисова он равнялся 50 руб., причем половину этой суммы (деньгами и хлебом) дал займы сам Сидор Михайлов (!). У Аникия Иванова оклад составлял 22,5 руб. (20 руб. он занял у того же С. Михайлова) [6, ф. Р-1, оп. 2, д. 193, л. 3]. В 1714 г. братья Игнат и Аникий имели оклады всего лишь по 6 руб., причем у первого не было ни одной

головы, а у второго — только «полголовы» [6, ф. Р-1, оп. 3, д. 165. л. 3—4] (так могли обозначить сына-подростка), что говорит о болезни или каких-то чрезвычайных обстоятельствах, которые не позволяли им заниматься промыслами и своим хозяйством.

Хозяйство Семёна Чешухина

Крестьянская семья Чешухиных ведет свое происхождение из черносозного Ильинского Шуезерского погоста Водской пятины. В росписи шуерчанам, которые поселились после 1614 г. она значится одной из 6 семей «прожиточных лутчих людей». Там говорится, что Семейка, отец двух братьев, Онтипки и Дениски, пришел в Шуерецкую волость «с Шуезера тому больше 40 лет» [5, ф. 1201, оп. 1, д. 13, л. 1]. Следовательно, Семён появился в волости в период между 1614 и 1620 гг. и сразу приобрел тяглые земельные угодья, получив статус крестьянина.

По окладной книге 1663 г. хозяйство этой семьи (главой назван уже сын Антип Семенов) оценивалось в 25 руб. Указаны три «головы» (работника), скорее всего, это были братья, кроме уже известных Антипа и Дениса, третьим был Климентий, очевидно, младший из них. Тяглых угодий они имели пол-лука «ни сполна», а также лошадь (4 руб.), корову (0,5 руб.), 1,75 весновских участков и весновское судно, одну «человечью долю» сетей, занимались извозом («в Каргополь ездил»), за что начислен 1 руб. [6, ф. Р-1, оп. 3, д. 16, л. 13]. Хозяйство братьев Семёновых можно назвать зажиточно-промысловым. По величине оклада они занимали 17-е место в волости (из 75 хозяйств), уступая самому богатому шуерецкому крестьянину Фефилу Михайлову почти в 6 раз. Средний оклад одного хозяйства равнялся в это время чуть более 20 руб.

Это крепкое крестьянское хозяйство в середине 1670-х гг. стало дробиться. Выделение женатых братьев, сопровождалось разделом имущества, естественным для тех мест и для того времени процессом.

Раздел в этой семье начался, очевидно, в 1675 г. и сопро-вождался нарастающим озлоблением сторон. Несколько раз монастырскому приказчику и волостным людям пришлось рассматривать жалобы членов семьи [5, ф. 1201, оп. 1, д. 82]. Летом 1675 г. жена Дениса Евдокия пожаловалась старцу Аврааму на побои со стороны Климентия и показывала сломанную руку. Причиной драки (или побоев) явилась ссора по поводу неразделенного теса. Когда Денис подал челобитную и началось разбирательство, брат Климентий при старце «хватил за горло, хотел удавить» Дениса, которого с трудом отняли [5, ф. 1201, оп. 1, д. 82, л. 5, 8]. Нет ничего удивительного в том, что после этого Евдокия бросала в Клима из окна камень, обзывала: «гузыня ты, блядин сын, вор», обвиняла в краже, убийстве чужой овцы и т.д. Она грозила, по словам Клима, что, когда вернется муж и ночи будут темные, «на ноже тебя остужу» [5, ф. 1201, оп. 1, д. 82, л. 1].

На следующее лето (4 июня 1676 г.), прежде чем отправиться на мурманский промысел, Денис поделил с братьями полевые земли. Денису выделили не треть земли (как одному из трех братьев), а только четверть. Учили, вероятно, долю взрослого племянника Галахтиона, сына Антипа. Евдокия установленную межу, забитые колья, частью посекала, другие выдергала и переставила на новое место. Повторное измерение веревкой показало, что у нее «в лишки полтора аршина на гору, а под горою два аршина» [5, ф. 1201, оп. 1, д. 82, л. 4].

Поздно вечером 10 декабря 1676 г., когда Денис был, очевидно, еще на промыслах, Климентий разбил поленом ставни, проломил «окончину» в его доме, ворвался в избу и принялся избивать его жену. Она в тот момент держала на руках больного оспой младенца, которого Климентий вырвал и бросил. Потом, схватив ее за горло и за волосы, свалил на пол, несколько часов давил и топтал, сорвал крест с шеи [5, ф. 1201, оп. 1, д. 82, л. 5]. Шуерецкий приказчик Авраамий признавал, что не мог дать справедливого суда на жалобы Дениса, потому что его братья «люди сильные, мочи моей столько нет», «яз де на таких сильных людей управы не могу дать, стрельцов нет, а

слуг не слушают» [5, ф. 1201, оп. 1, д. 82, л. 5, 8]. Эти слова подтверждают тот факт, что в крестьянской общине «сильные» — совсем не обязательно самые богатые. Их, «сильных», выделяет, по-видимому, темперамент, своенравие, склонность к сутяжничеству, умение влиять на людей и добиваться своих целей.

По переписным книгам 1676/77 г., составленным после подавления Соловецкого восстания, Антип и Клим Семёновы дети, названные Чешухиными, записаны вместе в одном дворе. У первого из них зафиксированы три сына: Галашка, Стёпка и Оська, а у Клина — только один сын Мишка. Денис Семёнов значится в отдельном дворе (ни фамилии, ни детей у него в этом источнике не указано) [5, ф. 1201, оп. 1, д. 702, л. 22, 24].

Через несколько лет, в 1681 г., Денис имел развитое промысловое крестьянское хозяйство (табл. 3).

Таблица 3

Хозяйство Дениса Семёнова сына (Чешухина) и его вдовы

Год	Имя	Головы	Луки	Лошади	Коровы	Соймы	Мурманские суда	Малые суда	Промыслы, руб.	Оклад, руб.	б, ф. Р-1, оп. 2
1681	Денис Семёнов	1	0,5	2	3	0,5 + 0,5	0,5	0,5	4,5	18,5	д. 69, л. 3
1684	Вдова Дениса	...	0,5	...	1	3	2,8	д. 76, л. 11
1685	Вдова Дениса	...	0,5	...	1	1	1	д. 79, л. 7

Денис один владел пол-луком «нисполна» земельных угодий (это столько же, сколько имела вся семья в 1663 г.), 2 лошадами и 3 коровами. Пополам, судя по всему, с братом Кли-

мом они владели 2 соймами, весновским и мурманским малыми судами. Кроме того у Дениса была 8-я доля црена для выварки соли. Общая сумма оклада его хозяйства с учетом рыболовных снастей, промысловой добычи и вываренной соли составила 18,5 руб. Вскоре после 1681 г. Денис, очевидно, скончался. В окладной книге 1684 г. Евдокия названа уже вдовой. В оклад ей положили только пол-лука «нисполна» земли, 1 корову, 1 участок мурманского промысла и добычу, всего — 2,8 руб. На следующий год «добычи» уже не было, а оклад равнялся 1 руб. В дальнейшем никаких прямых свидетельств о вдове Дениса Семёнова или его потомках нам не встречалось. Эта ветвь семьи Чешухиных, очевидно, пресеклась.

Братья Антип и Климентий Чешухины разделились не позднее 1681 г., но в этот год информация об Антипе с его детьми по непонятным причинам отсутствует в окладной книге. Старший брат Антип имел зажиточное промысловое хозяйство (табл. 4), которое передал своим сыновьям в 1687—1688 гг.

Таблица 4

Хозяйство Антипа Семёнова сына Чешухина и его детей

Год	Имя	Головы	Луки	Лошади	Коровы	Соймы	Малые суда	Промыслы, руб.	Оклад, руб.	б, ф. Р-1, оп. 2
1684	Антип Семёнов	3	0,5	3	3	1	1	7	19	д. 76, л. 11
1685	Антип Семёнов	3	0,5	3	3	1		10	16	д. 79, л. 7
1686	Антип Семёнов	4	0,75	2	3	1		12,5	18,5	д. 88, л. 3
1689	Стефан Антипин	4	0,75	2	3	1		14	18	д. 101, л. 10
1690	Галактион Антипин	3	0,75	2	3	1		19	23,5	д. 118, л. 14

В окладной книге за 1689 г. хозяином назван уже Стефан, однако количество голов в хозяйстве осталось прежним (4), что можно объяснить или продолжением активной хозяйственной деятельности самого Антипа, или включением взрослого внука. На следующий же, 1690 г. главой назван старший брат Галахтион, а число голов уменьшилось на одну. Скорее всего, в этом году Антип умер (или отошел от дел). Если наше предположение, высказанное выше, о том, что Антип и Денис родились до перехода их отца в Шуерецкую волость, верно, то Антипу должно быть много более 70 лет.

Сыновья Антипа — Стефан и Галахтион разделились в 1692 г., имея оклады 16 и 16,5 руб. [6, ф. Р-1, оп. 2, д. 124, л. 5—6]. Хозяйства их в начале XVIII в. постепенно приходили в упадок, теряли земельные угодья и перешли в разряд беднейших, оклад которых опускался иногда до 1—1,5 руб. (табл. 5, 6).

Таблица 5

**Хозяйство Стефана Антипина сына Чешухина
в начале XVIII в.**

Год	Головы	Луки	Коровы	Промыслы, руб.	Оклад, руб.	6, ф. Р-1, оп. 3
1702	1	0,5	1	2	1,5	д. 82, л. 4
1704	1	0,5	1	3,5	3,5	д. 95, л. 3
1708	...	0,33	1	1,5	...	д. 136, л. 3—4
1710	...	0,33	д. 147, л. 3
1714	0,5	0,25	1	1	4	д. 165, л. 5

Таблица 6

Хозяйство Галахтиона Антипина сына Чешухина

Год	Головы	Луки	Лошади	Коровы	Промыслы, руб.	Оклад, руб.	6, ф. Р-1, оп. 3
1702	1	0,833	1	2	1	2	д. 82, л. 18
1704	1	0,5	1	2	2,33	3	д. 95, л. 24

Окончание табл. 6

Год	Головы	Луки	Лошади	Коровы	Промыслы, руб.	Оклад, руб.	б, ф. Р-1, оп. 3
1708	1	0,3	1	1		1	д. 136, л. 20
1710	1,5	0,3		2	2,5	2	д. 147, л. 17
1714	2,3	0,3	1	2	3,5	14	д. 165, л. 31

В 1708—1710 гг. хозяйство Стефана Антипина вообще не окладывали, так как у него не было ни одной головы, то есть работника. А в 1714 г. записаны только полголова (табл. 5). Эта ситуация могла быть связана с тяжелой болезнью главы семьи или какими-то другими чрезвычайными обстоятельствами. В хозяйстве Галактиона Антипина, в отличие от брата Стефана, при почти равной бедности в 1714 г. половину окладной суммы (довольно большой — 14 руб.) составила оценка 2,3 голов (7 руб.), в оклад включили, очевидно, подросших сыновей, а на промыслы пришлось лишь 3,5 руб. (табл. 6).

Хозяйство Клима в 1680-е гг. держалось на грани мелких и бедных промысловых хозяйств с окладом 10—14 руб., но в 1690-е гг. стало усиливаться, закрепившись на позиции зажиточных (табл. 7).

Таблица 7

**Хозяйство Клима Семёнова сына Чешухина
и его сыновей Никифора и Антона**

Год	Имя	Головы	Луки	Лошади	Коровы	Соймы	Мурманские суда	Малые суда	Промыслы, руб.	Оклад, руб.	б, ф. Р-1
1681	Клим	1	0,5	1	2	0,5 + + 0,5	0,5	0,5	3,2	12,75	оп. 2, д. 69, л. 4

Продолжение табл. 7

Год	Имя	Головы	Луки	Лошади	Коровы	Соймы	Мурманские суда	Малые суда	Промыслы, руб.	Оклад, руб.	6, ф. Р-1
1686	Клим	1	0,5	...	2	0,5	...	1	5,5	10,5	оп. 2, д. 88, л. 3
1689	Клим	2	0,5	...	1	0,5	1	1	7,5	12,5	оп. 2, д. 101, л. 10
1692	Клим	3	0,5	...	2	0,5	1	...	12,5	14	оп. 2, д. 124, л. 5
1696	Клим	3	1	1	3	0,5	10	17,5	оп. 2, д. 159, л. 3
1698	Клим	3	0,833	1	3	0,5	8,5	14,5	оп. 2, д. 182, л. 4
1699	Клим	3	0,833	1	3	0,5	16,5	20	оп. 2, д. 193, л. 4
1701	Клим	3	0,833	1	3	0,75	14,5	21	оп. 3, д. 80, л. 5
1702	Клим	3	0,833	1	4	0,75	6	12	оп. 3, д. 82, л. 4
1708	Никифор Климов	2	0,833	1	3	0,75	0,5	...	24	29,5	оп. 3, д. 136, л. 3—4
1710	Никифор Климов	2	0,833	1	4	0,5	...	1	20	37,5	оп. 3, д. 147, л. 3

Год	Имя	Головы	Луки	Лошади	Коровы	Соймы	Мурманские суда	Малые суда	Промыслы, руб.	Оклад, руб.	б, ф. Р-1
1714	Никифор Климов	1	0,417	...	2	0,25	[1]	...	20	33,5	оп. 3, д. 165, л. 5
1714	Антон Климов	1	0,416	...	2	0,25	20	34	оп. 3, д. 165, л. 5

В 1708 г. хозяйство Клина Семёнова перешло его сыну Никифору Климову. Две головы в этом источнике обозначали самого Никифора и его брата Антона.

К 1714 г. Никифор и Антон Климовы тоже разделились и вели самостоятельные хозяйства, но землей пользовались совместно (табл. 7). Причем в этот год они довольно успешно занимались морскими промыслами (по 20 руб.), а оклад каждого из них (33,5 и 34 руб.) почти достигал их совместного оклада за 1710 г. (37,5 руб.).

Выводы

Представленный материал показывает следующее.

1. Самое богатое в первой половине — середине XVII в. торгово-промысловое хозяйство (Фефила Михайлова) сохранило единство и свой статус, но вскоре после Соловецкого восстания 1667—1676 гг. по неизвестным пока причинам исчезло.

2. Другое крупное хозяйство (Михаила Денисова), бывшее до восстания вторым по доходам и имуществу, становится са-

мым крупным, а при наследнике (Сидоре Михайлове) в 3 раза увеличивает свое благосостояние, при том что из этого хозяйства выделились 2 племянника, которые в начале XVIII в. из зажиточных середняков, несмотря на помощь, перешли в ряд беднейших.

3. Из одного зажиточного промыслового хозяйства (Чешухиных), выделились примерно равные 3 ветви (середняков). Одна ветвь (Денисова) в середине 1680-х гг. пресеклась. Из двух других в начале XVIII в. выделились и существовали два зажиточных хозяйства (Климовы) и два беднейших (Антипины).

Обобщая наблюдения, можно отметить, во-первых, что в Шуерецкой волости в XVII — начале XVIII в. крестьянское хозяйство велось преимущественно малыми семьями, а семейные разделы, выделение женатых братьев, племянников происходили регулярно. Во-вторых, размеры земельных владений отдельных семей часто менялись, что говорит о достаточно свободном рынке недвижимости в волости. В-третьих, частые колебания происходили и в составе движимого имущества, хозяйственных средств, промысловых и торговых доходов крестьянских хозяйств. В-четвертых, особенно тяжелым испытанием для крестьянских хозяйств всех уровней стали первые два десятилетия XVIII в., проходившие в условиях Северной войны, во время которых отмечается значительный упадок торговых и промысловых доходов даже крупных хозяйств, превращение части зажиточных хозяйств в бедные и беднейшие.

Список источников и литературы

1. *Старостина Т. В.* Шуерецкая волость в XVI — XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба феодальной России : сб. ст. памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 195—208.

2. *Старостина Т. В.* Влияние подавления Соловецкого восстания на хозяйство поморских волостей // Вопросы истории. Ученые записки Петрозавод. гос. ун-та. Петрозаводск, 1974. Т. 19, вып. 4 : Исторические науки.

3. *Иванов В.И.* Хозяйственные занятия и дифференциация крестьян Поморья в конце XVI — XIX веке // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2021. Вып. 27. С. 18—31.

4. *Иванов В.И.* Уровень стабильности населения и особенности расслоения крестьян Шуерецкой волости в XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2023. Вып. 29. С. 15—25.

5. *Российский* государственный архив древних актов.

6. *Научный* архив Карельского научного центра РАН.

**О хозяйственной структуре
Троице-Сергиева монастыря
по Описи 1701—1702 годов**

Данная статья является продолжением публикации в предыдущем выпуске сборника. В ней рассмотрены основные отрасли хозяйства Троицкой духовной корпорации, включавшей, помимо основного монастыря, еще более десятка приписных обителей. Документальной основой стали переписные книги 1701—1702 гг. — результат правительственной ревизии начального этапа церковной реформы Петра I.

Building on the contribution to the previous issue of the journal, this article examines the main economic branches of the Trinity Ecclesiastical Corporation, which included not only the main monastery but also more than a dozen affiliated monasteries. The primary sources are the census books from 1701 and 1702, compiled during the government revision in the initial phase of Peter I's church reform.

Ключевые слова: Троице-Сергиев монастырь, приписные монастыри, Опись 1701—1702 гг., хлебный бюджет, хозяйство, налогообложение

Keywords: Trinity Monastery of St Sergius, attached monasteries, Inventory of 1701—1702, grain budget, economy, taxation

Предлагаемая статья продолжает работу, опубликованную автором в 29-м выпуске данного Сборника [1, с. 4—14]. Обращение к двум переписным (описным) книгам Троицкого мо-

настыря с его филиалами за 1701—1702 гг. позволяет сравнить показатели экономического развития на середину XVII и начало XVIII века [2, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, ч. 1, кн. 27, 40]. Продуктивный опыт сравнения состава монашеской братии по этим описям был представлен С. В. Николаевой, что вывело ее на более крупную проблему системы управления в огромном монастыре и его владениях, должностным связям внутри него [3, с. 34—55].

Две переписные книги 1701/02 гг. (№ 27 и 40) являются частью обширного корпуса описаний (имущественных и кадастровых) церковных учреждений, проведенных администрацией Монастырского приказа в начале Петровских реформ [4]. Троицкая корпорация была описана по распоряжению его дьяка Ефима Изотова (во исполнение именного государева указа в марте 1701 г.) архимандриту Илариону, келарю старцу Мисаилу Григорову и казначею старцу Пахомию Барташеву. Те, в свою очередь, направили наказную память соборному старцу Софронию Постригичеву, приказному Мих. Митеневу и слуге Петру Меншикову. Им было приказано описать церкви, иконы и всю церковную утварь, печатные и рукописные книги [5, с. 83—87]. Официальный характер книге 27 придает скрепа дьяка Монастырского приказа Герасима Потопиева посередине листов по их правому краю, подписи Мих. Митенева («вместо соборного старца Софрония Постригичева») и слуги П. Меншикова. Описание происходило в апреле — мае 1701 г., а 22 февраля 1702 г. троицкий стряпчий Сем. Брехов представил данную опись в соответствующее повытье Монастырского приказа.

В отличие от большинства других монастырей, описание Троице-Сергиева в 1701 г. было проведено силами самих старцев, слуг и приказных. Общей чертой правительственных ревизий 1641/42 и 1701/02 гг. было отсутствие описаний собственно троицких вотчин кроме 3 подмонастырных сел в 1641/42 г. Ревизия начала 1700-х гг. охватила только мона-

стырь с его разветвленной хозяйственной инфраструктурой, обширным служебным аппаратом и владения приписных филиалов с их имуществом, хозяйством и населением.

Н. В. Соколовой удалось обнаружить сборник № 6567, содержащий несколько описаний троицких вотчин в Нижегородском, Балахнинском, Тверском, Стародубском уездах [6, с. 44—60]. Ее статьи были построены на материалах нижегородских монастырей (Макарьева Желтоводского, Амвросьева Дудина [7, с. 550—558], патриарших Печерского, Благовещенского), в связи с чем ею затронуто и описание нижегородских владений Сергиева монастыря. Исследовательница подробно разобрала документальный состав сборников и описательных статей в них, преамбулы и указы писцам, маршруты их движения по уезду. Нижегородские и балахнинские села Троицы были описаны стольником П. Б. Вельяминовым [8, с. 66—82]. Тверские села монастыря были описаны в июне 1702 г. стольником М. Ф. Пушкиным.

В программу описания входила фиксация численности крестьянских и бобыльских дворов и ее сравнение с показателями переписи 1678 г. Особое внимание уделялось составу феодальной ренты с вотчинных комплексов, включая взимания на приказчиков. Важны сведения об окладных единицах (выти, осьмаки), их разновеликости в разных имениях по количеству тяглых дворов. Еще один принципиальный момент описания — выявление беглых солдат, служилых людей государя, дворцовых, помещичьих, «вотчинниковых» крестьян. Переписные книги 1701/02 г. содержали также элементы вотчинных инструкций сельским приказчикам, чтобы те никакого разорения и убытка крестьянам не чинили, оберегали их от обид, «взятков никаких не имали» и довольствовались своим указным доходом. С другой стороны, и крестьянам запрещалось принимать к себе беглых людей разных владельческих категорий под страхом смертной казни, они должны были быть послушны сельским приказчикам [2, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 6567, л. 64—490].

В перечне повинностей важны указания описи 1702 г. о том, чтобы государственные налоги собирались в общей совокупности натуральных и денежных взиманий, а «про доимки они не ведают, то известно в монастыре для того, что всякие великого государя подати они, крестьяня, платят в тот монастырь» [2, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 6567, л. 458, 473]. Характер записи налоговых поступлений в книге 6567 такой же, как и в более ранних писцовых книгах и вотчинных описаниях: отработочная и натуральная рента, таможенные и свадебные пошлины («повытный оброк, дымные деньги, «проезжая» рожь, даваемая, согласно устному объяснению В. И. Иванова, нуждающимся крестьянам «на ежу / еду»), масло коровье, холсты, «белой корм», ямские прогонные деньги, пролубное, стряпческие, холсты, дрова). Отработочная повинность, денежные и хлебные оброки на монастырь и приказчиков в равной мере претерпевали коммутацию, что и показала перепись 1702 г. Относящиеся к приказчикам сведения отражают личностные аспекты властвования в системе и их книжных собраниях (рукописных и старопечатных вотчинного управления. Историко-культурная информация описей 1701—1702 гг. включает сведения об архитектуре сельских церквей). Сошлемся на статью Н. В. Соколовой, в которой был рассмотрен состав книг в приходских церквях Нижегородского и Балахнинского уездов [9, с. 35—48].

Н. В. Соколовой в фонде Монастырского приказа была также выявлена приходо-расходная книга мирского старосты приписного Троице-Алатырского монастыря Вас. Васильева за март — сентябрь 1696 г. (кн. 6356) [10, с. 186—203]. Ее местонахождение в том же самом фонде, что и валовые описи 1701—1702 гг. (кн. 27, 40), как и в случае общетроицкой приходо-расходной книги 1703 г. (кн. 911) обусловлено пристальным вниманием государства на начальном этапе церковной реформы Петра I (1690-е-1700-е гг.) к текущей финансово-экономической жизни корпорации, в том числе и на самом низовом уровне крестьянской общины в монастырской вотчине.

По Описи 1701 г. хлебный бюджет монастыря включал в себя все перечисленное ниже. На Житничном (Житном) дворе было отмечено 46 больших, средних и малых житниц. Находился он под наблюдением *большого житничного старца* Иоасафа Алешкова, которому подчинялись рядовые житенные старцы. На Житном дворе находились даже две житницы «строения преподобных Сергия и Никона Радонежских», что придавало этому сугубо хозяйственному объекту явно мемориальный оттенок.

На основе приходных книг и по смете на 9 апреля 1701 г. в кн. 27 были указаны виды запасов хлеба и хлебопродуктов в четвертях: рожь — 10,091, овес — 14,416, ячмень — 244, пшеница — 1,716, горох — 183, конопля — 181, греча — 115, мука пшеничная — 310, мука гречневая — 2,5, крупа овсяная — 816, крупа гречневая — 125, ядрица толокняная — 687, толокно — 40, сухари — 1350, полба — 3, менее всего солода тминного — 1,5 четверика [2, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 27, л. 407—408]. Итого получается около 30 тыс. четв., что почти на 10 тыс. четв. больше, чем по Описи 1641/42 г. Лидирующее место занимали овес — 47,7% и рожь — 33,3%. Преобладание овса объясняется многочисленным конным поголовьем, поскольку он составлял основу кормовой базы для лошадей.

С учетом большой численности монашеской общины и работников Троицы (400—500 чел. [427 имен в большом монастыре, а в наиболее крупных приписных филиалах 121: Николю-Песношском — 59 чел., Троице-Астраханском — 62 чел. [2, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 27, л. 412—426; 3, с. 46—49]) находят объяснение внушительные запасы хлеба в амбарах на *Хлебном дворе*: 4600 четв. муки ржаной братской, 30,5 четв. муки ржаной белой и 106 четв. муки пшеничной лежалой, идущей в «росхожие хлебы». В *Хлебне белой*, управляемой *большим хлебным старцем* Никоном Племянниковым, находилось шесть «ларей мушных», один ларь с ржаным отрубьем, 11 кадей «что муку носят», две осьмины «что муку меряют» [2, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 27, л. 409]. В белой Хлебне имелась

братская *хлеבודарня* и две *мукосейни* — обиходная (с 2 «лярами мушными») и белая. К белой Хлебне относились также кельи, в которых проживали *посошные* люди — работники, выполнявшие повинности пешими, в отличие от конных. В состав Хлебного двора входили также две *поваренные палаты*: в одной «рыбу режут», в другой — живут работные люди. В каменной поварне готовилась «пища про братию». В описи 1701 г. отмечены и запасы солода на Пивном дворе, управляемом *чашиником* Моисеем Брянчанином: ржаного — 151 четв., ячного — 1278 четв., овсяного 1633 четв. [2, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 27, л. 407—408, 410—411].

Значительные запасы хлеба были отмечены Описью 1701 г. в барщинных подмонастырных селах Кесове, Копнине и Тарбееве. Конюшенные хозяйства в них находились под управлением *конюшенного старца* Николы Мыленикова, составившего свою опись этой важной отрасли монастырской экономики по распоряжению властей в апреле 1701 г.

Две трети хлебных ресурсов, хранящихся в житницах в подмонастырных селах, также составляли овес (63,8%) и рожь (36,1%). На запас остальных хлебов приходилось менее 1%. О расходах троицкой казны на поддержание барщинного хозяйства имеются сведения в расходной книге за 1703 г. В ней отмечено, что в Москве был куплен 41 конь «в табуне» для монастырской пахоты за 214 руб., включая «пятинные пошлинные деньги», значит, одна рабочая лошадь стоила примерно 5,2 руб. [2, ф. 237, оп. 1, ч. 2, кн. 911, л. 215].

Переработка больших объемов зерновых культур с подмонастырских десятин и в барщинных селах, была бы невозможна без водяных мельниц. В 1703 г. были куплены 3 «грохота для подсевыванья монастырского хлеба», за которые было заплачено 15 алт. 2 ден. [2, ф. 237, оп. 1, ч. 2, кн. 911, л. 199], а также различные материалы для мельничной починки — 493 ведра и 33 лагуна дегтя, свыше 11 тыс. прутов и клинцов, 515 пуд. тульского железа, 485 батонов устюжского укладу, 20 «поставов жернов» [2, ф. 237, оп. 1, ч. 2, кн. 911, л. 217—218]. Объе-

мы потребительского помола на большой Троицкий монастырь, его Богоявленское подворье в московском Кремле и «стряпчему во двор» (тот находился в Китай-городе на Ильинском крестце) с нескольких подмосковных мельниц были регламентированы.

Потребительское назначение зерна и муки из него при описании водяных мельниц определялось двояко: «мелют про брацкой расход» и «мелют на помол всяким людям». Во втором случае доход шел в троицкую казну, либо крестьянам, бравшим мельницы в аренду (индивидуально или группами). В вотчине приписного Троице-Махрицкого монастыря мельница на р. Молохче была дана на оброк одному из крестьян д. Тарасовки «на урочные годы».

С пригородной монастырской мельницы в д. Ершове ежегодный сбор помольных денег в троицкую казну составлял 54 руб. [2, ф. 237, оп. 1, ч. 2, кн. 911, л. 88]. Совокупный доход Троицкого монастыря от оброчных платежей за использование своих мельниц в 1703 г. составил 1074 руб. 18 алт. 3 ден. [2, ф. 237, оп. 1, ч. 2, кн. 911, л. 191].

В мае 1701 г. слуга Сем. Туленин описал дворы, многие из которых были отмечены в свое время и в Описи 1641/42 гг. — Воловой, Колесенный, Плотничий, Кожевенный, Неводный, Токаренный, Капустный, Дровяной, Известной, Пивной, Бочаренный, Полозовый. Им же были описаны яблоневые сады, капустные и луковые огороды, рыбные пруды и садки, овины, кирпичные сараи [2, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 27, л. 436—457]. Садоводство, важное для производства огромного количества напитков, включало на тот момент 367 «яблоней больших и малых дерев разных наливов», красную и черную смородину.

Одновременно с «большой» Троицей в 1701/02 гг. были составлены описи 11 приписных к ней монастырей (кн. 40). К этой работе по распоряжению троицких властей были привлечены соборные старцы, строители, подьячие, слуги: Иларион Ремезов (Киржацкий Благовещенский в Переславском

уезде и Троице-Астраханский монастыри), Макарий Теряев (Успенский Стромьинский монастырь в Московском уезде), Серафим Рагозин (Троице-Казанский монастырь). За неграмотного Серафима данное описание было скреплено старцем Иоасафом Кайсаровым [2, ф. 237, оп. 1, кн. 40, л. 60—84], Феодосий Шабунин (Троице-Свияжский монастырь), Иона Шатилов (Троице-Алатырский монастырь [11, с. 321—331]), иеромонах Геронтий Вологженин (вологодский Троице-Авнежский монастырь), Иона Селицкий (Троице-Георгиевский монастырь в Гороховце), слуга Андрей Белкин (Троице-Махрищский монастырь в Переяславском уезде), слуга Никифор Козлов (Николо-Песношский монастырь в Дмитровском уезде), подьячий Борис Яхонин (Троице-Белопесоцкий монастырь рядом с Каширой [12, с. 178—218]).

Отличительной чертой этих описаний (кн. 40) стала тщательная фиксация в них крепостной документации. Заметную долю среди документов составили многочисленные выписи из писцовых, дозорных и переписных книг, а еще заемные кабалы на взятие крестьянами хлеба и денег у властей своих монастырей в долг. В кн. 27 проверка и фиксация крепостных документов не отражены, видимо, они и не проводились. Общей же чертой книг 27 и 40 стали списки духовенства и монашества, всех категорий слуг, служебников, полевых, ремесленно-промысловых работников.

Но и здесь были свои исключения: в описи каширского Троице-Белопесоцкого монастыря братия не зафиксирована. Еще одно важное сходство — сведения о запасах хлеба и хлебопродуктов на территории самих монастырей и в их вотчинных селах, а также посевов на подмонастырных полях и в барщинных селах. В большинстве из них показана структура хлебного бюджета — запасы «от пахоты прошлых годов», урожайность ржи на монастырском поле данного года, посев ржи к следующему (1702-му) году, посев и урожайность хлебов на яровом поле, величина хлебных долгов на крестьянах за несколько последних лет.

У Стромьинского Успенского монастыря в 1701 г. на 72-х дес. ярового поля было посеяно 250 четвертей овса, 22 — пшеницы, 10 — яровой ржи, 6 — ячменя, 1 — конопли, 1 — гречи, 20 — «пыжу травы гречневой», 0,5 — гороха. На 74 дес. озимого поля в посеве к 1702 г. было 170 четв. ржи [2, ф. 237, оп. 1. ч. 1, кн. 40, л. 95].

Зерновые культуры в Троице-Белопесоцком монастыре были описаны на Житном дворе с погребом, сушилом и 5 житницами, которыми ведал житничный старец Игнатий Клапиков. Хлебные ресурсы здесь включали «сухари в кулях» (их количество не отмечено), 8 четв. ячменя, кладь ржи (в ней 30 копен сотных), две клады овса (60 копен сотных) и кладь гречи (10 копен сотных). Сведения об этом («скаску») переписчику давал волостной староста д. Ступина Савка Панкратов. На подмонастырных 12 дес. к 1702 г. было посеяно 12 четв. ржи. На скотном дворе было 20 коров, 1 бык-пороз, 37 овец, 2 «старых боранов», 5 «свиненков-корытников», 3 подтелка и 2 «теленочка малых» [12, с. 216—217].

Наиболее слабой земледельческая база в 1701 г. была в приписном Троице-Георгиевском монастыре Гороховецкого уезда занимавшимся исключительно бортничеством. Последнее включало «129 бортей всяких сосновых и дубовых и с порубленными» [2, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 40, л. 225]. В Астрахани монастырское хозяйство специализировалось на соледобыче, рыбных промыслах, разведении фруктов и винограда, сдаче в аренду лавок, харчевен и дворов в городе [2, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 40, л. 318—320]. Не было домениальной пашни и барщины в вотчине новоприписного Николо-Песношского монастыря в с. Большое Рогачево Дмитровского уезда. Здесь крестьяне занимались торговлей и платили денежный оброк. В остальных же его селах в Дмитровском и Кашинском уездах были отмечены немалые запасы разных хлебов и хлебопродуктов, а также посевы озимой ржи.

Таким образом, переписные книги 1701—1702 гг. отразили большое разнообразие земледельческо-промышленной структуры огромной Троицкой корпорации как хозяйственного организма.

Список источников и литературы

1. *Черкасова М. С.* О хозяйственной структуре Троице-Сергиева монастыря по Описи 1641/42 года // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. Вып. 29 / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2023. С. 4—14.

2. *Российский* государственный архив древних актов.

3. *Николаева С. В.* Состав монашеской братии Троице-Сергиева монастыря в XVII в. (по Описи 1641 и Описи 1701 гг.) // Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. М., 1998. С. 34—55.

4. *Баинин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I. Правовой статус и имущественное положение. М. ; СПб., 2022.

5. *Попеску Т. А.* Переписная книга 1701 г. // Советские архивы. 1978. №3. С. 83—87.

6. *Соколова Н. В.* Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII в.: опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2008. С. 44—60.

7. *Соколова Н. В.* Нижегородские вотчины Амвросиева Дудина монастыря в начале XVIII в. // Землевладение, хозяйство, крестьяне, община // Исторический журнал: научные исследования. 2013. №6. С. 550—558.

8. *Соколова Н. В.* Нижегородские вотчины Троице-Сергиева монастыря по описаниям стольников П. Б. Вельяминова и П. А. Волынского: Козино, Копосово, Черное // История Балахны и Балахнинского уезда с древности до начала XX в. Балахна, 2017. С. 66—82.

9. *Соколова Н. В.* К проблеме совместного бытования рукописных и печатных книг в среде провинциального духовенства на рубеже XVII—XVIII вв. // Исторический курьер. 2023. №2 (28). С. 35—48.

10. *Соколова Н. В.* Крестьянская община и мирское самоуправление в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в Алатырском уезде в конце XVII в. // Особенности российского исторического процесса. М., 2009. С. 186—203.

11. *Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612—1703 гг.* / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. Ульяновск, 2015. С. 321—331.

12. *Шамина И.Н.* Переписная книга Троицкого Белопесоцкого монастыря 1701 г. // *Источники по истории русского Средневековья и Нового времени.* Вып. 1. М., 2022. С. 178—218.

Н. В. Соколова

**Суздальские и владимирские вотчины
Патриаршего дома в начале XVIII века:
общее и особенное**

Представлены результаты изучения хозяйства Патриаршего дома в селах Суздальского и Владимирского уездов. Задачей исследования является выявление территориально-хозяйственных комплексов, которые могли бы служить в качестве «модели» того или иного типа аграрной специализации в крупных церковных вотчинах на рубеже XVII—XVIII вв.

The article presents the results of a study on the Patriarch's votchinas in the Vladimir and Suzdal *uyezds*. The study aims to identify territorial economic complexes that could serve as models for a specific agrarian specialisation in large church votchinas at the turn of the 17th and 18th centuries.

Ключевые слова: описные книги 1701—1703 гг., Суздальский уезд, Владимирский уезд, патриарх, вотчина, земледелие

Keywords: inventory books 1701—1703, Suzdal uyezd, Vladimir uyezd, Patriarch, votchina, agriculture

Описные книги вотчин Патриаршего дома в 17 уездах Европейской России, составлявшиеся в ходе описания церковно-монастырских имуществ по январскому указу 1701 г. Петра I [1, № 1834], позволяют сформировать некоторое общее пред-

ставление о «домовом хозяйстве» патриарха [2, с. 127—140]. Одной из задач данного исследования было выявление территориально-хозяйственных комплексов, которые могли бы служить в качестве базовой «модели» того или иного типа аграрной специализации в вотчинах крупных церковных землеладельцев на рубеже XVII—XVIII вв. С этой точки зрения ранее изучены описные книги южных владений Патриаршего дома — в Лебедянском и Елецком уездах [3, с. 26—37]. В настоящей статье рассматриваются вотчины во Владимирском и Суздальском уездах, обычно ассоциирующихся с понятием «Владими́ро-Сузда́льское Ополе́» и представлениями о зоне, благоприятной для земледелия.

В сохранившемся «патриаршем» конволюте [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 992—1013] описание с. Михайлова Страница (Суздальский уезд) представлено двумя текстами. Первый документ имеет все атрибуты подлинных описных книг начала XVIII в. (скрепа переписчика — стольника Ивана Мироновича Кологривова, рукоприкладства священников, преамбула, помета дьяка Монастырского приказа Ивана Иванова о поступлении книг в приказ 14 апреля 1702 г. и его же скрепа по листам). В преамбуле описание датируется 1701-м годом, без указания конкретной даты. Косвенные данные не противоречат такой датировке: в тексте 1701 г. назван «нынешним». Второй документ озаглавлен «Список с переписных книг переписи стольника Ивана Миронова сына Кологривова 1701-го году». Он скреплен рукой переписчика, то есть является официальной копией, одновременной описанию или близкой по времени.

Во Владимирском уезде описание патриарших вотчин в 1701—1702 гг. производили независимо друг от друга два переписчика — стольник князь Иван Васильевич Барятинский [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 163—196, 241—252, 323—376] и стольник Гаврила Павлович Савелов [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 197—240, 254—314, 316—321].

Стольник И. В. Барятинский известен как составитель описных книг Владимирского Рождественского монастыря

(1701 г.) [4, ф. 237, оп. 1, д. 4265, л. 2—4; 5, с. 2—4]. По-видимому, он же описывал и расположенный рядом патриарший «городской» двор и прочее хозяйство («В городе Владимире домовой осадной да загородные дворы да сад вишневый» [4, ф. 236, оп. 1, д. 157]), описи которых не сохранились или еще не выявлены. Скрепой Бярятинского были помечены также описные книги соборной церкви Рождества Богородицы в Муроме (в преамбуле указан октябрь 1701 г., книги поданы в Монастырский приказ в декабре). В феврале 1702 г. он осматривал церкви в селах и на погостах Замотренского, Унженского и Дубровского станов Муромского уезда, описывал патриаршую Ярымовскую волость (Дубровский стан), в марте — вотчины муромской соборной Рождественской церкви (описные книги привезли в Москву 11 мая) [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 753—811; ф. 237, оп. 1, д. 36, л. 17—39, 221—280]. Затем Бярятинский возвращается во Владимирский уезд, где, в частности, за июнь — август составляет описи патриарших Сенежской и Баглачевской волостей, а также «деревни Белкова з деревнями».

На первый взгляд «хаотичные», перемещения Бярятинского обретают осмысленность, если предположить, что ему изначально было поручено провести описание в обоих уездах. Соответственно, как того и требовал наказ Монастырского приказа, он сначала работал в уездных городах, а затем приступил к описанию «объектов» из своего перечня, располагавшихся на территории уездов. Косвенным подтверждением этой гипотезы может служить упоминание в преамбулах его книг (и владимирских, и муромских) наказов с «приписью» одного дьяка Монастырского приказа — Ефима Зотова.

Примечательно, что в описных книгах по Владимирскому и Юрьев-Польскому уездам, составленных стольником Г. П. Савеловым, в преамбулах также фигурирует наказ «за приписью» дьяка Ивана Шапкина. Сохранились описные книги 1701 г., которые этот переписчик составил, «приехав в Юрьевской уезд Польского в Сорогожин стан в вотчины святейшаго пат-

риарха в село Ильинское с приселки...» [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 694—752]. Но все его «владимирские» описи патриарших вотчин датированы 1702 г., в июне того же года он описывал «Володимирского уезду Юрьевской приписи Полского Боголюбского стану вотчины Вознесенского девича монастыря, что на Москве» [4, ф. 237, оп. 1, д. 226, л. 2]. Однако дьяк Иван Шапкин работал в Монастырском приказе только в первый год его существования. По-видимому, Савелов также был послан описывать церковно-монастырские владения и имущества в двух соседних уездах уже в 1701 г.

Как делопроизводственный казус можно расценить отсутствие упоминания о его работе во Владимирском уезде в документе, подготовленном Монастырским приказом в декабре 1702 г. для Разряда: «Гаврило Павлов сын Савелов был для переписки в Юрьеве Польском и от переписки свободился (то есть закончил и сдал в Монастырский приказ готовые описные книги. — *Н. С.*). После велено ему быть для переписки на Волоку Ламском, в Рузе. И от того дела не свободился» [4, ф. 237, оп. 1, д. 349, л. 2]. Как представляется, причина в том, что описывавшиеся им владимирские земли по переписным книгам 1678 г. еще числились за Юрьев-Польским уездом, что нашло отражение в приправочной документации. Приписка данных территорий к Владимирскому уезду произошла в 1683 г., потому в преамбулах описных книг Савелова владения Патриаршего дома обозначены как находящиеся в «Юрьевской приписи Польского», соответственно, Опольского или Боголюбского стана Владимирского уезда.

Большое село Михайлова Строна в Суздальском уезде, в котором насчитывалось 83 двора крестьянских и 7 бобыльских, находилось на противоположном берегу р. Каменка немного ниже Суздаля по течению. Вероятно, именно фактор близости к уездному центру обусловил коммутацию к началу XVIII в. всех видов ренты в денежный оброк. Согласно представленной переписчику стольнику И. М. Кологривову «скаске» бурмистров и рядовых крестьян, «домовой пашенной зем-

ли у них нет», а «в домовую казну платят они за пашню, и за сенные покосы, и за мельницу, что под селом Михайловой стороной на реке на Каменке, и за ярымовские подводы (имеются в виду подводы «под хлеб» для его перевозки в Москву из упомянутой выше патриаршей Ярымовской волости в Муромском уезде. — *Н. С.*), и за всякие столовые запасы, оброку на год по сту по осмидесят рублей» [4, ф. 236, оп. 1, д. 119. л. 1001].

Отсутствие в селе владельческой запашки означало, что поселских старцев здесь не было и до соответствующего указа Монастырского приказа 1701 г. («посельные монахи к ним в село не въезжают, и дач им никаких (крестьяне. — *Н. С.*) не дают»). В роли патриаршего управителя выступал приказчик, получавший с сельского мира содержание «по наказу» — «денег по пяти рублей без гривны, да хлеба ржи и овса по четырнадцати четвертей, сена по семи возов, дров по четырнадцати возов». Однако на момент описания приказчика в селе нет. Вопрос о взаимосвязи этого факта с появлением здесь «бурмистров» требует дальнейшего изучения. Переписчик зафиксировал, что «денежные и хлебные всякие поборы собирают с них крестьян мирские люди, а не бурмистры». Это означает, что в общине существовали еще какие-то мирские выборные [4, ф. 236, оп. 1, д. 119. л. 1001].

Ретроспективное картографирование, в основе которого лежат планы Генерального межевания (далее — ПГМ), позволило установить местоположение владимирских владений патриарха [4, ф. 1354 Планы дач генерального и специального межевания, 1746—1917 гг. (коллекция), оп. 44—57; ф. 1356 Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766—1883 гг. (коллекция)]. Все вотчины Патриаршего дома, описанные стольником кн. И. В. Барятинским, находились на правом берегу р. Клязьмы. «На юг от Владимира, за р. Клязьмой природные условия были совершенно иные, чем в Ополе, — писал С. Б. Веселовский. — Большие леса и болота препятствовали развитию земледелия, и здесь

главным занятием населения были рыболовство, ловля бобров и бортничество. Соответственно этому преобладающим типом селений здесь были не большие села, а мелкие деревни. Здесь, в быв[шем] Клекове стану, митрополичьему дому принадлежал большой бортный лес, границы которого не поддаются по наличным актам определению. ... В том же стану митрополитам принадлежала волость Баглач» [6, с. 369—370]. В неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей» за 1878 г. современное автору положение дел описывается так: «Грунт земли по всему Баглачеву одинаков — песчаник, изредка только сменяющийся суилком и суглинком. Уже по одному этому можно судить, насколько хорошо здесь родится хлеб. А если еще принять во внимание, что местность эта заселена издавна, и стало быть почва здесь донельзя истощена, то вы можете себе представить то бедственное положение, в котором находился бы бедный крестьянин этой местности, если бы не выручали его отхожие и еще кой-какие промыслы — эта соломинка, за которую он хватается задавленный нуждой...» [7].

В начале XVIII в. в патриаршей Баглачевской волости Клековского стану (ПГМ, Судогодский уезд Владимирской губернии, дача № 711) насчитывалось 60 деревень. Термин «волость» и словосочетание «деревня Головачево с деревнями» в источниках используются как синонимы. Отмечу, что во всех владимирских патриарших вотчинах правобережья р. Клязьмы источник фиксирует только этот тип поселений, — сел там не было. Самыми крупными оказались деревни Улыбышева (21 двор), Буланова (19), Подольная (18). В последней располагался патриарший «домовой» двор. Из шести десятков поселений 2 деревни были однодворными, еще в 2 было по 2 двора, в 9 — по 3. Перепись зафиксировала в Баглачевской волости 447 крестьянских дворов, 1 двор нищих, 54 — пустых. В среднем на поселение приходилось 7,45 двора (или 7,33 двора, если отбросить крайние значения) [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 326—373].

Патриаршая Сенежская волость («деревня Оксенова з деревнями»), расположенная на правом же берегу Клязьмы (ПГМ, Покровский уезд Владимирской губернии, дача № 599), на момент описания включала 28 деревень. Здесь было переписано 218 крестьянских дворов, 5 дворов нищих, 35 — пустых. В среднем на поселение приходилось 7,78 двора (или 7,73 без экстремальных значений) [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 162—193].

Таким образом, тезис А. Н. Сахарова о том, что «деревня, объединяющая вокруг себя другие деревни, насчитывает не один десяток дворов» (с деревнями Баглачевской и Сенежской волостей в качестве примера) [8, с. 207—208, 221], не находит подтверждения в описании начала XVIII в.: в баглачевской деревне Головачево стольником Бярятинским зафиксировано 4 крестьянских двора, в сенежской Оксеновой — 7.

Третья патриаршая вотчина, «деревня Белкова с деревнями» в Медушинском стане (ПГМ, Ковровский уезд Владимирской губернии, дача № 2), включала всего 4 деревни, ранее дворцовых. Самым крупным поселением здесь оказалась деревня Белкова — 33 двора, в деревне Погост было 14 дворов, в Лихачевой — 7, в Сухановой — 5; всего переписчик зафиксировал 59 дворов крестьянских, 1 двор нищих и 9 пустых [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 243—250].

Включенные в описные книги стольника Г. П. Савелова вотчины Патриаршего дома во Владимирском уезде находились на левом берегу р. Клязьмы. Первая книга содержит описания владений в Боголюбском стане — сел Порецкое, Ославское, Бродницы (131, 110 и 50 дворов соответственно), деревень Корякино, Степанов Прудок (18 и 8 дворов); всего здесь насчитывалось 317 дворов. В другую вошли вотчины в Опольском стане, а именно села Сеславское, Богословское, Спасское, Старый двор, Павловское, Яновец (69, 94, 77, 110, 95 и 34 двора соответственно) и деревня Варламов починок (18 дворов); всего переписчиком зафиксировано 497 дворов [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 197—240, 254—314, 316—321].

Деревня Пречистенская гора (8 дворов) была описана отдельно. Она располагалась далеко от прочих владимирских вотчин патриарха (ПГМ, Юрьевский уезд Владимирской губернии, дача №220). Патриаршие крестьяне переселились сюда, на пустошь, «из домово́й монастырской вотчины Козмина монастыря Яхринского из села Лыкова лет с пятнатцеть» [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 317—318]. Судя по январской дате в преамбуле, переписчик оформил данную опись раньше прочих владимирских патриарших описаний, возможно, оказавшись там в процессе своего перемещения из Юрьев-Польского уезда во Владимирский.

Одним из результатов ретроспективного картографирования стала гипотеза о возможности существования во владимирских патриарших владениях хозяйственного комплекса, включающего поселения различной административно-территориальной принадлежности. В материалах Генерального межевания единую дачу составляют не только села Спасское и Богословское Опольского стана (ПГМ, Владимирский уезд, дача №275) или Порецкое и Ославское Боголюбского стана (ПГМ, Владимирский уезд, дача №478), но и Сеславское и Бродницы (ПГМ, Владимирский уезд, дача №470), согласно описным книгам стольника Савелова, относившиеся к разным станам Владимирского уезда.

Если в суздальском селе Патриаршего дома — Михайлова Сторона — «домовая пашня» отсутствовала, то во владимирском Ополе она фиксируется описными книгами 1701—1702 гг. в 4 селах. В Порецком, Ославском, Сеславском и Богословском запашка составляла от 20 до 40 дес. в одном поле (табл. 1). В селах Опольского стана (Сеславское и Богословское), по которым есть данные за два года, наблюдаются несущественные колебания площадей под яровыми культурами, впрочем, при сохраняющемся равенстве ярового и озимого полей.

Таблица 1

**Владельческая пашня в вотчинах Патриаршего дома
во Владимирском уезде в 1701—1702 гг. (десятин)**

Сельско-хозяйственная культура	Порецкое	Ославское	Сеславское		Богословское		Всего	
			1701	1702	1701	1702	1701	1702
Рожь	30	28	40	40	20	20	118	
Овес	21	19,5	27	30,25	12,75	13	80,25	83,75
Ячмень	6	5	9,75	7,25	4,25	4	25	22,25
Пшеница	2	2	1,75	1,5	2	1	7,75	6,5
Горох	1	1	1,5	1	1	2	4,5	5
Итого (яровых)	30	27,5	40	40	20	20	117,5	117,5

Сведения, представленные мирскими старостами на основе «хлебных» приходо-расходных книг, позволяют судить о нормах высева, урожайности и основных статьях расхода хлебного бюджета патриарших вотчин. Безусловно, сведения об урожайности за один год сами по себе малоинформативны. Но они интересны для исследователя, занимающегося изучением аграрных проблем в патриарших, архиерейских и монастырских вотчинах в начале XVIII в., могут быть использованы в трудах сравнительно-исторического характера. Например, сопоставимые данные по тем же селам сохранились от начала 1720-х гг. [4, ф. 796, оп. 5, д. 462; 9, стб. ХСVI—СIII, СХII—СХVII]. Что касается хлебного бюджета, то наиболее пространными оказались перечни статей расхода овса и ржи; в отношении остального хлеба, как правило, указаны 2 расходные статьи — отправка в Москву и семена [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 209—210].

Согласно описным книгам Боголюбского стана, в с. Порецкое «с пяти вытей работают они крестьяне домовое святейшаго патриарха изделье» [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 217].

Таким образом, барщина распространялась лишь на часть тяглого населения (71,5% от общего числа вытей), еще с двух вытей платили денежный оброк. Ту же формулу использовал староста с. Бродницы, где в источнике домовая пашня не зафиксирована: «с трех вытей без трети работают они крестьяне домовое изделье» (73%), а с одной — платят денежный оброк [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 236—238]. В «скаске» о повинностях в с. Ославское, где патриарший «домовой жеребей» в описании есть, отмечен денежный оброк с 1,25 выти (22%) и «конюшенные припасы» с 4,5 вытей (78%); упоминание об отработочной ренте в тексте отсутствует. Но, вероятно, эта лакуна возникла при беловании книг.

Не столь лаконична оказалась «скаска» мирских выборных с. Сеславское (Опольский стан): «А с четырех вытей домовую святейшаго патриарха десятинную пашню они пашут, и санные покосы косят, и всякие изделья делают, и на домовую Порецкую мельницу всякие мельничные лесные припасы покупают и по розвытке ставят и работу на той мельнице работают, и домовую святейшаго патриарха всякой хлеб и из домового володимерского саду яблока, вишни и всякие ягоды к Москве возят. Да с тех же пяти вытей берутся с них по вся годы к Москве на домовые святейшаго патриарха санные покосы косцов по два человека, да в Ярымовскую волость по хлеб ездят по указу по одиннатцати подвод на год» [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 264]. Таким образом, в этом селе для 80% вытей существовала барщина, причем наряду с работами полевого цикла речь идет и об отработочной ренте в иных формах. В описных книгах села Богословского отмечено, что крестьяне «с трех вытей с третью пашню пашут» [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 275]. Для определения содержания понятия «домовое изделье» в вотчинных селах Боголюбского стана требуется расширение источниковой базы.

Соотношение площади домовой пашни и количества вытей в этих 5 селах (табл. 2) дает основания думать, что крестьяне с. Бродницы (Боголюбский стан) выполняли полевою барщину

в с. Сеславское (Опольский стан). Похоже, данный хозяйственно-экономический комплекс, зафиксированный в материалах Генерального межевания (см. выше), существовал уже в начале XVIII в.

Таблица 2

Соотношение площади владельческой пашни и крестьянского вытного тягла, приходящегося на полевою барщину, в патриарших вотчинах Владимирского уезда (1701—1702 гг.)

Село	Озимая рожь, дес.	Яровые культуры, дес.	Количество вытей на полевою барщине	В среднем на выть, дес. в двух полях
Порецкое	30	30	5	12,0
Ославское	28	27,5	4,5	12,33
Сеславское	40	40	4	20,0
Богословское	20	20	3 ¹ / ₃	12,01
Всего	118	117,5	19,5*	12,08

Примечание. * — с учетом данных по селу Бродницы.

Отработочная рента была и в прочих владимирских селах. Так, в «скаске» выборных крестьян с. Спасское зафиксированы следующие работы: «Да с тех же пяти вытей берутся с них по вся годы к Москве на домовые святейшаго патриарха сенные покосы косцов по два человека»; «Да они ж крестьяня на домовую святейшаго патриарха Порецкую мельницу всякие мельнишные лесные припасы покупают и... с прочими селами и работу на той мельнице работают» [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 283—284]. В Багачевской вол. крестьяне сообщили: «Да с них же де берут к Москве на патриаршу домовую работу по дватцати по пяти человек косцов на год. Да с них же де берут в патриарши домовые розных уездов вотчины для хлебные повоски к Москве по полтораста подвод на год» [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 374—375]. В целом же, чаще прочих называ-

лись посылка сезонных работников в Москву (на сенокос), поставка подвод под хлеб (в Ярымовскую волость в Муромском уезде), различные работы во Владимире (патриарший двор и сад), работа на «Порецкой» мельнице на р. Нерль. В двух патриарших вотчинах в «скасках» выборных указан единственный вид работы: в Сенежской волости — это косцы, а в д. Варламов починок — пасака («Да они ж крестьяня в той деревне строят домовою святейшаго патриарха пчелной двор и улии готовят. А на том де пчелном дворе ныне со пчелами 13 ульев») [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 195, 286].

Хлебный оброк существовал лишь в с. Павловское (50 четв. ржи с выти в год) [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 306]. Натуральный оброк продуктами и изделиями промыслов отмечен в ряде сел, в том числе в упомянутых выше барщинных (Ославское и Бродницы). В «скаске» старост Баглачевской волости, платившей денежный оброк, подробно перечислены обязательства крестьян по поставке различных «конюшенных припасов». Сенежская волость посылала ко двору патриарха «тесу по тысячи тесниц да ягод черники пятьдесят ведр, брусники пятьдесят же ведр, малины дватцать пять ведр, клюквы дватцать пять ведр» [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 195].

В источнике названы статьи натурального оброка, переведенного на деньги («за столовые припасы», «за мясо свиное», «за масло коровье»). В большинстве суздальско-владимирских сел и волостей Патриаршего дома существовал денежный оброк, исчисляемый в расчете на выть, уплата которого сопровождалась еще и пошлиной в размере 2 алтына 2 деньги с рубля. С каждого двора также полагалось по 10 денег [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 217, 297]. Денежное содержание крестьянской общиной сторожей (патриарший двор, мельница) и целовальников (с. Сеславское, Баглачевская волость) существенной роли в бюджете сельского мира не играло. Деньгами за оброчные пустоши платили лишь крестьяне трех сел: Яновец, Старый двор, Порецкое.

«Приказщичы доходы» во владимирских вотчинах патриарха состояли из жалования (денежного, сеном и дровами),

зафиксированного в «наказе», полученном при назначении, а также пошлин, собираемых в пользу приказчика, — свадебных, с перепашки межи, потравы скотом, продажи крестьянином какого-либо имущества, розыскных и судебных дел в рамках его компетенции [4, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 217, 285—286, 306, 314].

Таким образом, вотчины Патриаршего дома, описанные стольниками И. В. Барятинским и Г. П. Савеловым, несмотря административную принадлежность к одному уезду — Владимирскому — не являлись единым территориально-хозяйственным комплексом. Они имели выраженные отличия с точки зрения условий хозяйствования, прежде всего за счет природно-почвенных характеристик, и соответственно, как производные от них, различия в системе сельского расселения и землепользования, основных занятиях крестьян, специализации вотчинного хозяйства и способов извлечения прибавочного продукта, господствующей формы ренты, а также в системе управления вотчинами, крестьянского мирского самоуправления. Сходство между патриаршими хозяйственными комплексами на правом и левом берегах р. Клязьмы очевидно меньше, чем между церковно-монастырскими вотчинами владимирского и муромского междуречья р. Клязьмы и р. Оки.

Нельзя не отметить сходство принятых хозяйственных практик, проявившееся в общей тенденции превращения ранее существовавших натуральных повинностей и платежей в денежную форму. При изучении экономической и аграрной истории патриарших вотчин по описным книгам 1701—1703 гг. необходимо пытаться вычленять разновременные пласты информации: как, когда и с какими целями формировались зафиксированные описанием патриаршие хозяйственные комплексы и какие тенденции являлись наиболее выраженными к началу XVIII в.

Список источников и литературы

1. *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ)*. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 4 (1700—1712).

2. *Соколова Н. В.* Описание владений Патриаршего дома начала XVIII века как источник по истории Русской православной церкви // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 127—140. doi: 10.31518/2618-9100-2022-2-8.

3. *Соколова Н. В.* Об аграрной специализации вотчин Патриаршего дома на рубеже XVII—XVIII вв. (по материалам описных книг Елецкого и Лебедянского уездов М. Т. Толубеева) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2023. Вып. 29. С. 26—37.

4. *Российский* государственный архив древних актов.

5. *Переписная* книга Владимирского Рождественского монастыря 1701 г. / публ. А. А. Мартынова // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1879. № 27. С. 2—4.

6. *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1, ч. 1—2. М. ; Л., 1947.

7. *Добротворский [Н. А.]* Село Баглачево, Владимирский уезд // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1878. № 44.

8. *Сахаров А. Н.* Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства М., 1966.

9. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1880. Т. 4. (1724 г.) Приложение XIV. Стб. ХСVI—СIII, СХII—СХVII.

**Моделирование зернового бюджета
крестьянских хозяйств Северо-Запада России
по данным материалов Генерального межевания
конца XVIII века**

Проводится моделирование зернового бюджета крестьянских хозяйств в Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях в конце XVIII в. В качестве источников исследования выступают Экономические примечания к планам Генерального межевания и полевые записки землемеров.

This article proposes a model of peasant farms' grain budgets in the Novgorod and St. Petersburg provinces at the end of the 18th century. The sources for this study include field notes from land surveyors and economic notes accompanying the General Survey plans.

Ключевые слова: зерновой бюджет, крестьянское хозяйство, Генеральное межевание, Новгородская губерния, Санкт-Петербургская губерния

Keywords: grain budget, peasant farming, General Survey, Novgorod province, St. Petersburg province

Бюджет крестьянского хозяйства в XVIII в., как и в предыдущие столетия, зависел от многих факторов, в том числе от урожайности культур и размеров посевов, количества душ в крестьянском дворе и размера оброка, плодородия земли и погодных условий. Занятие сельским хозяйством являлось ос-

новным источником бюджета подавляющего большинства крестьян [1, с. 314]. Несомненно, что существенную пользу в пополнении бюджета крестьян Северо-Запада России приносили дары леса и реки, важную роль играли разнообразные промыслы. Но в большинстве случаев доходы от этих источников бюджета крестьянского хозяйства не были постоянными. Основу их хозяйственной деятельности составляло земледелие, в котором преобладало зерновое производство.

Состояние источников и отсутствие систематических и точных сведений не позволяет обсчитать все доходы и расходы крестьянского бюджета. Для его корректного расчета необходимо учитывать самые различные показатели: колебания урожайности, нормы питания, количество взрослых и детских душ в крестьянском хозяйстве, тяжесть налогового обложения, натуральные и денежные повинности, обеспеченность крестьян землей и скотом, доходы от занятий промыслами, движение цен и т. д. Многие эти показатели как индикаторы благосостояния хозяйства еще нуждаются в уточнении.

Зерновой бюджет крестьянского хозяйства демонстрирует его обеспеченность зерном, необходимым как для питания людей, так и для прокорма скота. Он служит важнейшим показателем благополучия, позволяет оценить, насколько хватает крестьянской семье хлеба и имеется ли в хозяйстве необходимое количества зерна для содержания скота. Определенный уровень обеспеченности зерном крестьянского хозяйства позволял ему не только удовлетворять свои насущные потребности, но и выплачивать оброк, продавать зерно для покрытия различных нужд хозяйства. При низкой обеспеченности зерном крестьянским хозяйствам приходилось сокращать как потребление хлеба, так и расходы на прокорм скота, в том числе лошадей — важнейшей тягловой силы.

Учитывая все особенности, попытаемся построить модель зернового бюджета крестьянского хозяйства. При этом стоит помнить, что модель — это несколько упрощенный объект, который отражает некоторые, но не все важные особенности

реального объекта. Тем не менее при отсутствии ряда данных в исторических источниках моделирование зернового бюджета крестьянской семьи позволяет более точно оценить реальный уровень жизни крестьян [2, с. 95—100].

В данном случае модель зернового бюджета демонстрирует обеспеченность крестьянской семьи хлебом и зерном для личного потребления и показывает наличие или отсутствие возможностей для его продажи. Каждый бюджет состоит из доходов и расходов. За основу расчета расходной части зернового бюджета крестьянского хозяйства в XVIII в. взята общепринятая норма потребления в 3 четверти или 24 пуда зерна на душу обоого пола [3, с. 404; 4, с. 238, 243; 5, с. 387—389]. В норму включен расход зерна на продовольственные и хозяйственные нужды. При расчете бюджета на детей и взрослых пожилых людей норма потребления сокращается на половину [6, с. 141].

При расчете доходной части зернового бюджета большую роль играет размер посева в крестьянском хозяйстве. По данным Л. В. Милова, в Петербургской губернии в конце XVIII в. однопольный крестьянин имел средний посев чуть более 2,4 дес. [5, с. 394]. Н. Л. Рубинштейн полагал, что в Нечерноземной зоне России в расчете на тягло (семью из 4-х человек) приходилось 2,48 дес. [4, с. 202]. И. Д. Ковальченко исходил из того, что в конце XVIII в. реальный душевой посев на одну мужскую душу составлял 1,18 четв., а на Северо-Западе страны он достигал 1,24 четв. [7, с. 72]. При определении норм высева на один крестьянский двор особых разночтений у исследователей не отмечалось. Л. С. Прокофьева определяла эту норму в размере 1 четв. ржи, 3 четв. овса, 0,14 четв. ячменя и 0,13 четв. пшеницы [8, с. 352—353]. Л. В. Милов полагал, что норма высева на двор составляет 1—1,5 четв. ржи, 3 четв. овса, 0,5 четв. ячменя, 0,5 четв. пшеницы [5, 390—391].

Наши расчеты, произведенные на основе данных Экономических примечаний к Генеральному межеванию о численности населения и количестве дворов в отдельных поселениях, по-

казывают, что в среднем крестьянском дворе на Северо-Западе России насчитывалось 5,4 взрослых душ обоих полов (2,7 м. д. и 2,7 ж.д.). В это число могли входить супруги, престарелые родители, неженатые братья и сестры, недавно женившийся брат со своей супругой. Однако данная цифра не отражает детское население двора, в то время как одна брачная пара могла иметь минимум 2—3 ребенка. С учетом детей в среднем крестьянском дворе могло насчитываться до 7,4—8,4 человек. С учетом 2 престарелых родителей и 2—3 детей крестьянскому двору требовалось от 129,6 до 141,6 пуд. зерна в год (на трудоспособное население — 81,6 пуд., на старшее поколение — 24 пуд., на детей — 24—36 пуд.).

При высеве на одну мужскую душу 1,24 четв. зерна в среднем крестьянском хозяйстве высевалось 3,4 четв. зерна. В данном случае среднее крестьянское хозяйство с посевной площадью до 1,5 дес. в поле на одно тягло урожайности сам-2 получало валовой урожай 10,2 четв. зерна (80 пуд.). При повышении урожайности валовой урожай вырастал: при урожайности сам-3 до 15,3 четв. (122,4 пуд.), при урожайности сам-4 — до 20,4 четв. (163,2 пуд.). Таким образом, зерновой бюджет в крестьянском хозяйстве при урожайности сам-2 и сам-3 оказывался дефицитным, не позволяя перекрывать свои насущные потребности и расходы.

Вместе с тем на отдельных территориях Северо-Запада России имелись свои особенности. В среднем крестьянском дворе Валдайского уезда Новгородской губернии по данным ревизии было зафиксировано 5 душ обоих полов (2,5 м. д. и 2,5 ж. д.), общая численность двора составляла 7—8 человек. В ходе Генерального межевания было зафиксировано 5,4 человека (2,7 м. д. и 2,7 ж. д.), общая численность двора составила 7,4—8,4 человека. Крестьянскому многопоколенному двору требовалось 72 пуд. для обеспечения трудоспособного населения и 48—60 пуд. на старшее поколение и детей. В целом на все расходы необходимо было иметь 120—132 пуд. В пересчете на мужскую душу в хозяйстве могли высевать до 3,1 четв.

зерна. Как показывают наши расчеты, среднему крестьянскому хозяйству при урожайности зерновых сам-2—сам-3 не хватало от 45 до 20 пуд.

Численность среднего крестьянского хозяйства в Старорусском уезде Новгородской губернии составляла 4,7 душ обоих полов (2,3 м. д. и 2,4 ж. д.). С учетом детей двор мог насчитывать 6,7—7,7 человека. С учетом престарелых родителей и 2—3 детей среднему крестьянскому двору требовалось 112,8—124,8 пуд. зерна. Посев в данном хозяйстве с учетом количества мужских душ составлял 2,9 четв. Валовой урожай при урожайности сам-2 в таком хозяйстве достигал 8,7 четв. (69,6 пуд.), при урожайности сам-3 — 13,1 четв. (104,4 пуд.), при урожайности сам-4 — 17,4 четв. (139,2 пуд.). Как видно из этих данных, при урожайности сам-2—сам-3 зерновой бюджет оказывался дефицитным, хозяйству не хватало от 43 до 20 пуд.

В среднем дворе Крестецкого уезда Новгородской губернии насчитывалось 5,1 душ обоих полов (2,5 м. д. и 2,6 ж. д.). Общая численность двора с детьми достигала 7,1—8,1 человека. Для пропитания всего населения двора вместе с детьми и пожилыми родителями требовалось 122,4—134,4 пуд. С учетом имевшихся мужских душ в данном хозяйстве могло высеваться до 3,1 четв. зерна. Исходя из этих данных, валовой урожай при урожайности сам-2 мог составлять 9,3 четв. (74,4 пуд.), при урожайности сам-3 — 13,95 четв. (111,6 пуд.), при урожайности сам-4 — 18,6 четв. (148,8 пуд.). Следовательно, для перекрытия дефицита зернового бюджета при урожайности сам-2—сам-3 крестьянскому хозяйству не хватало от 48 до 18 пудов.

Средний двор Боровичского уезда Новгородской губернии насчитывал по данным ревизии 5,6 душ обоих полов (2,9 м. д. и 2,7 ж. д.). По данным Экономических примечаний «налицо» в среднем крестьянском дворе уезда оказалось 5,5 душ (2,7 м. д. и 2,8 ж. д.). Численный состав среднего двора в Боровичском уезде оказывается больше, чем в остальных уездах Новгородской губернии. С учетом 2 брачных пар (2 тягла) и 4—5 детей

средняя численность двора могла увеличиться до 9,5—10,5 человек. Для покрытия всех необходимых расходов такому хозяйству требовалось 180—192 пуда зерна.

Если в среднем дворе насчитывалось 2,9 мужских душ, то посев в поле мог достигать 3,6 четв. зерна. При урожайности сам-2 валовой урожай в таком дворе составлял 21,6 четв. (172,8 пуд.), при урожайности сам-3 — 32,4 четв. (259,2 пуд.). Таким образом, большая запашка земли при имевшихся трудовых ресурсах крестьянского хозяйства позволяла улучшить ситуацию с зерновым бюджетом.

Наибольший средний состав крестьянского двора зафиксирован в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии — 7 душ обоих полов (3,5 м. д. и 3,5 ж. д.). В подобном большесемейном дворе могли проживать до 2—3 брачных пар. Общая численность двора с учетом детей возрастала еще на 6—9 человек и могла составить 13—16 душ. Для перекрытия всех потребностей в подобном хозяйстве запасы зерна должны составлять от 240 до 276 пуд.

Учитывая средние нормы посева и количество мужских душ в хозяйстве, делаем вывод, что посев достигал 4,3 четв. зерна. При урожайности сам-2 крестьянское хозяйство на два тягла получало валовой урожай 25,8 четв. (206,4 пуд.), при урожайности сам-3 — 38,7 четв. (309,6 пуд.).

Несомненно, рассчитанные модели зернового бюджета крестьянского хозяйства опираются только на общие статьи его доходов и расходов. Они не отражают реальное соотношение взрослого и детского населения в хозяйстве, не учитывают колебания урожайности различных культур в один и тот же год. Поэтому особую ценность имеют сведения исторических источников, предоставлявшие данные о реальной урожайности и других показателях в конкретном хозяйстве.

В первичных документах Генерального межевания, к которым относятся полевые записки землемеров и сказки местного населения, изредка встречаются реальные сведения о посевах, полученном урожае и проживающем населении в конкретных

деревнях и селах. Так, в «Сказке Экономического примечания» с. Белого Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии содержатся сведения о том, что крестьяне села сеют рожь, овес, ячмень, пшеница и гречу, получают впоследствии урожаи «против посева вдвое или втрое», то есть сам-2 и сам-3. В целом крестьяне собирали всякого хлеба до 75 четвертей [9, ф. 1328, оп. 1, д. 2774, л. 3]. По данным Экономических примечаний, в с. Белом насчитывалось 24 двора, в них проживали 54 м. д. и 50 ж. д. Крестьяне состояли на господском оброке, землю обрабатывали всю на себя. К пашенной земле было отнесено 146 дес. 1476 саж. Из посеянного зерна лучшие урожаи давали рожь, овес и ячмень [9, ф. 1355, оп. 1, д. 1145, л. 424].

При расчете примерного зернового бюджета крестьян с. Белого учтем, что в нем присутствуют все зерновые культуры. По общепринятым нормам 1 четв. озимой ржи весит 9 пуд., овса — 7 пуд., ячменя — 8 пуд., пшеницы — 9,5 пуд., гречи — 7 пуд. [5, с. 392]. Таким образом, 75 четв. зерна валового урожая приравнивается к 675 пуд. В среднем на один крестьянский двор приходится 28 пуд. По нашим расчетам средняя численность населения крестьянского двора с. Белого составляла 4,4 душ обоих полов (2,3 м. д. и 2,1 ж. д.). В таком дворе могла проживать брачная пара с детьми и представителями взрослого поколения. Для полного обеспечения собственных нужд подобному крестьянскому хозяйству было необходимо 129,6 пуд. зерна. При урожайности сам-2 и сам-3 зерновой бюджет хозяйства оказывается дефицитным.

В полевой записке д. Владычна Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии сохранились «Экономические наблюдения», записанные со слов поверенных крестьян. В деревне высевалось «хлеба ржи семнадцать четвертей ржи, овса пять четвертей овса, жита три четверти, гороху одна четверть два четверика, гречи пять четвертей, льняного семени полторы четверти» [9, ф. 1328, оп. 1, д. 2893, л. 2]. Урожай хлеба считался посредственным. В деревне насчитывалось 11 дворов, в которых числились 25 м. д. и 28 ж. д. Кроме этого в деревне были

зафиксированы 11 детей мужского пола и 8 детей женского пола. В целом численность взрослого населения составляла 54 человека, детского — 19 человек. По данным Экономических примечаний в д. Владычной числилось 190 дес. 1553 саж. пашни. Лучше всего на землях деревни родились рожь, овес, ячмень, греча, а остальные семена посредственно. Всю землю крестьяне обрабатывали на себя, состояли на оброке [9, ф. 1355, оп. 1, д. 1145, л. 312].

Как показывают наши расчеты, зерновой бюджет среднего крестьянского хозяйства д. Владычна составлял 153 пуд. ржи, 35 пуд. овса, 24 пуд. ячменя, 12,5 пуд. гороха, 35 пуд. гречи. При урожайности сам-2 валовой урожай всех хозяйств деревни достигал 519 пуд., при урожайности сам-3 — 778,5 пуд., при урожайности сам-4 — 1038 пуд. В среднем на один двор при урожайности сам-2 приходилось 47,2 пуд. и при урожайности сам-3 — 70,8 пуд., при более высокой урожайности сам-4 — 94,4 пуд. В среднем дворе деревни насчитывалось 2,3 м.д. и 2,5 ж.д. или 4,9 взрослых душ обоих полов и 1,7 душ детей. На собственные расходы подобному крестьянскому двору требовалось 138 пуд. зерна. Таким образом, обнаруживается дефицит зернового бюджета, перекрыть который можно было только при более высоких урожаях.

Сказка к Экономическому примечанию д. Бабкиной Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии содержит сведения о том, что крестьяне деревни высевали 22 четв. ржи, 2 четв. ячменя, 8 четв. овса, 1 четв. пшеницы, 4 четв. гороха, 6 четв. гречихи, 1 четв. льняного семени. Наилучшая урожайность отмечена у ржи и гречихи. При неурожае крестьяне покупали хлеб в Пскове: рожь — по 4,5—5 руб., ячмень — по 3—3,5 руб., овес — по 2,3—2,6 руб. Зерно мололи на мельницах соседних деревень, платя за помол одной четверти по 10—12 коп. Оброк крестьяне не платили, а «ходили на господскую работу» [9, ф. 1328, оп. 1, д. 2806, л. 3]. По данным Экономических примечаний по Лужскому уезду, в д. Бабкиной насчитывалось 5 дворов, по ревизии в них числились 18 м.д. и 24 ж.д. Зе-

мельные угодья деревни составляли 1055 дес. 1289 саж. Из них под пашней находились 166 дес. 630 саж. земли [9, ф. 1355, оп. 1, д. 1145, л. 720].

При расчете примерного зернового бюджета крестьянских хозяйств д. Бабкиной выясняется, что валовый урожай зерновых культур при урожайности сам-2 составлял 666 пуд., при урожайности сам-3 — 999 пуд., при урожайности сам-4 — 1332 пуд. Поскольку средний высеv на один крестьянский двор равнялся 4,4 четв. ржи, 0,4 четв. ячменя, 1,6 четв. овса, 0,2 четв. пшеницы, 0,8 четв. гороха, 1,2 четв. гречихи, 0,2 четв. льняного семени, то средний валовой урожай в расчете на один крестьянский двор при урожайности сам-2 достигал 133,2 пуд., при урожайности сам-3 — 199,8 пуд., при урожайности сам-4 — 266,4 пуд. В среднем на крестьянский двор в деревне насчитывалось 8,4 душ обоих полов (3,6 м. д. и 4,8 ж. д.). Судя по всему, такой двор был не только большесемейным, но и многопоколенным. В нем могли проживать 3 брачные пары детородного возраста. Общая численность двора за счет детей и престарелых родителей могла составлять 15—16 душ. Только для собственного потребления, не считая семян для посева, хозяйство должно было иметь 264 пуд. зерна. Как показывают наши расчеты, зерновой бюджет среднего крестьянского двора д. Бабкиной даже при урожайности сам-4 оказывался дефицитным.

Как мы видим, обеспеченность крестьянского хозяйства зерном служит важнейшим индикатором его благополучия. Рассчитанная модель зернового бюджета крестьянского хозяйства на Северо-Западе России, свидетельствует о недостатке хлеба и общем дефиците зернового бюджета при урожайности сам-2 и сам-3. При повышении урожайности до сам-4 обеспеченность хлебом зависела от количества едоков в хозяйстве. При большой численности населения крестьянского двора зерновой бюджет оставался дефицитным. Обнаруженные в полевых записках землемеров и сказках местного населения сведения о посевах, полученном урожае, количестве людей

позволяют уточнить модель зернового бюджета и рассчитать примерный бюджет крестьянских хозяйств в конкретных поселениях. Как выясняется, в наихудшем положении оказываются большесемейные многопоколенные крестьянские хозяйства, состоявшие из нескольких брачных пар с большим количеством детей и престарелыми родителями.

Список источников и литературы

1. *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006.
2. *Степанова Л.Г.* Новые подходы в моделировании бюджета крестьян XVI в. // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №6 (44).
3. *Кеппен П.* О потреблении хлеба в России // Журнал Министерства внутренних дел. 1840. №6. С. 402—421.
4. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. : историко-экономический очерк. М., 1957.
5. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
6. *Янсон Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881.
7. *Ковальченко И.Д.* Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // ИСССР. 1959. №1. С. 53—86.
8. *Прокофьева Л.С.* «Хлебный бюджет» крестьянских хозяйств в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в. // Вопросы аграрной истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1968. С. 345—354.
9. *Российский государственный архив древних актов.*

Н. М. Александров

**Костромская деревня
накануне отмены крепостного права
(по воспоминаниям А. Н. Куломзина)**

На основе воспоминаний видного государственного деятеля, помещика А. Н. Куломзина показаны процессы, происходившие в костромской деревне накануне реформы 1861 г. В первой половине XIX в. менялся состав землевладельцев, на смену дворянской аристократии приходили выходцы из других сословий. Отдельные помещики предпринимали попытки модернизации деревни. В целом костромские помещики оказались не готовы к отмене крепостного права: ни морально, ни в плане организации своих хозяйств.

Drawing on the memoirs of prominent statesman and landowner Anatoly Kulomzin, this article examines the process of social transformation in a Kostroma village on the eve of the 1861 reform. In the first half of the 19th century, as the composition of landowners shifted with individuals from other classes replacing the aristocracy, some landowners became eager to modernise the village. However, the landowners of Kostroma were largely unprepared for the abolition of serfdom, either mentally or in terms of estate organisation.

Ключевые слова: А. Н. Куломзин, помещики, крестьяне, реформа 1861 г.

Keywords: Anatoly Kulomzin, landowners, peasants, 1861 reform

Анатолий Николаевич Куломзин (1838—1923 гг.) относится к числу наиболее значимых государственных деятелей Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Долгие годы он был в центре политической жизни, с июня 1915 по январь 1917 г. возглавлял Государственный совет [1, с. 26—45]. Анатолий Николаевич, начиная с 1890-х гг., более двух десятилетий записывал воспоминания [2, с. 142], которые были изданы в 2016 г. [3].

Значительная часть мемуаров посвящена описанию деревенской жизни, работе автора в качестве мирового посредника в родном для него Кинешемском уезде Костромской губернии. Он располагался на юго-западе губернии по обе стороны Волги. Сведения о дворянских усадьбах, их владельцах, взаимоотношениях помещиков и крепостных представляют большую ценность для исследователей. Они позволяют ярче и конкретнее представлять явления и процессы, происходившие в российской дореформенной деревне.

Следует отметить, что автор, повествуя о жизни костромской деревни, указывает, что похожая ситуация была и в «других местностях северных губерний», поэтому описываемые им «явления представляют известный общий интерес» [3, с. 135].

Дореформенная деревня Костромской губернии была главным образом помещичьей. Эта губерния, как и другие губернии Верхнего Поволжья, входила в центр крепостнических отношений в России. Высокий процент крепостных в населении во многом был вызван историческими причинами: ранним заселением территории, вхождением региона в состав «ядра» Московского государства во время «прикрепления» крестьян к земле. «Наше дворянство, — отмечает А. Н. Куломзин, — мало отличалось от общего среднего типа. Когда-то оно было родовито, многочисленно и состоятельно» [3, с. 135]. В Кинешемском уезде находились имения представителей таких княжеских фамилий как Вяземские, Шаховские, Трубецкие, Голицыны и др. В то же время основную массу землевладельцев уезда составляли дворяне с менее знатными предками. Среди помещиков было много отставных военных.

Из воспоминаний видно, как в первой половине XIX в. происходил процесс «демократизации» состава землевладельцев. Аристократы теряли часть своих владений, переходивших в руки выходцев из других слоев населения. Отец автора — Николай Александрович Куломзин (1803—1838) — принадлежал к древнему дворянскому роду мордовского происхождения, возводившему свою родословную к XVI в. В то время Куломзины, мордовские мурзы, были переселены из-под Казани в Костромской край [3, с. 6—7]. Мать же Анатолия Николаевича — Изабелла Петровна (1812—1893) — была дочерью Петра Осиповича Грека, поляка, разбогатевшего на винных откупах. В начале XIX в. Петр Осипович стал российским дворянином в связи с получением чина коллежского асессора. Этот чин был формально получен П. О. Греком за службу на Кавказе, но, по мнению автора воспоминаний, туда «вероятно, он никогда не выезжал и устроил это каким-то образом» [3, с. 26]. Затем он приобретает поместье в Кинешемском уезде у дворян Ранцевых, являвшихся «незаконной линией» графов Воронцовых. В купленной усадьбе был большой дом, парк, сад, несколько оранжерей, где выращивались персики, ананасы и прочие экзотические растения [3, с. 131].

В уезде были и другие владельцы имений из представителей «дворян новейшей формации». Среди них были семьи Потехиных и Островских.

Антип Макарович Потехин, сын дьячка одного из сел Кинешемского уезда, получил за многолетнюю службу дворянство и возможность купить в родном уезде небольшое имение [3, с. 144]. Его сын Алексей Антипович (1829—1908), выпускник Демидовского лицея, стал известным литератором. В своих произведениях А. А. Потехин, описывая жизнь деревни второй половины XIX в., опирался на материал, почерпнутый в Костромской губернии.

Отец известного драматурга Александра Николаевича Островского (1823—1886) — Николай Фёдорович Островский — был выходцем из семьи священника. Он закончил семинарию

в Костроме и Московскую духовную академию, но продолжать дело родителя не стал, а «определился по судебному ведомству». Выйдя в 1842 г. в отставку в чине надворного советника, Николай Федорович занялся частной адвокатской практикой в Москве. Все это позволило ему скопить изрядный капитал и задуматься о реализации плана вернуться на склоне лет на родину, купив усадьбу близ Костромы. Начался поиск подходящего варианта. В 1847 г. в Москве с публичных торгов продавалось за долги опекунскому совету имение кинешемского помещика А. Е. Сипягина. Он служил судьей в Кинешме, жил не по средствам, в результате чего влез в долги. Чтобы поправить свое финансовое положение, помещик решил провернуть аферу, как гоголевский герой Чичиков. Сипягин заложил в Московском опекунском совете скупленные им мертвые души, якобы поселенные на принадлежавшей ему земле. Только благодаря случайности сделка не состоялась. Аферист-неудачник был арестован в момент получения ссуды, попал под суд и был сослан в Сибирь. Н. Ф. Островский купил сипягинское имение за 15 тыс. руб. В поместье, общей площадью свыше 1300 дес. земли, входила усадьба в сельце Щельково и ряд деревень, в которых числилось 111 крестьян мужского пола. В 1867 г. владельцами Щелькова становятся сыновья Николая Федоровича — Александр и Михаил [3, с. 140—141, 145; 4, с. 7—8].

В первой половине XIX столетия в России частью землевладельцев предпринимались попытки модернизации деревни [5, с. 351—383]. Это явление наблюдалось и в Кинешемском уезде. Так, в имении Щельково после приобретения его Николаем Фёдоровичем Островским стали культивировать посевы гречихи, гороха и других культур по рецептам, публикуемым в «Земледельческой газете» [3, с. 9].

Широкую известность получили агрономические опыты кинешемского помещика Семёна Прокофьевича Дмитриева. После окончания службы на флоте он поселился в небольшом имении, насчитывавшем 40 крепостных душ. Здесь бывший

моряк всецело посвятил себя сельскому хозяйству и, по обычаю тогдашних образцовых помещиков, завел опытное поле, с которого получал «удивительные урожаи и где выращивал разные диковинки». На страницах газет и журналов он стал публиковать статьи о достижениях на этом поприще, а затем выпустил отдельную большую работу, вышедшую двумя изданиями [6]. Следует отметить, что, за исключением опытного поля, все остальные поля хозяйства, обрабатываемые «обычными приемами крепостных пахарей с их стародавними орудиями, ничем не отличались от крестьянских» и давали такие же низкие урожаи. Зато кабинет Семёна Прокофьевича представлял выставку достижений народного хозяйства того времени: в нем красовались, полученные с образцового поля, огромных размеров снопы различных зерновых культур. Прекрасные урожаи на опытном поле тем не менее не смогли увеличить доходы помещика [3, с. 136—137].

Предпринимал попытки вытащить деревню «из темноты» и отец автора воспоминаний. Необходимо отметить, что Николай Александрович получил хорошее образование. В 1817 г. он поступил в Демидовский лицей и окончил его с серебряной медалью. В середине 1820-х гг. Николай Александрович Куломзин, будучи совсем молодым человеком, оставил военную службу и поселился в усадьбе Корнилово. Он был полон желания в корне поменять сложившийся в имении порядок. Молодой барин устраивает в усадьбе небольшую больницу для своих крестьян. В дальнейшем Николай Александрович планировал открыть школу для крестьянских детей и улучшить полеводство в имении на основе применения последних достижений агрономической науки. Однако, несмотря на то, что все, по мнению помещика, было «исчислено самым верным образом», его действия успеха не имели. В 1830-х гг. семья Куломзиных оказалось в сложном финансовом положении. Имение Корнилово пришлось заложить, больница закрылась, а агротехнические новшества остались только в планах [3, с. 24, 26].

В 1838 г. Николай Александрович умер, и хозяйкой обремененного долгами имения становится его вдова Изабелла Петровна. Молодая женщина отказалась от продолжения мероприятий по модернизации поместья. Основной акцент в получении дохода владелица делает на своевременное поступление денежного оброка от крепостных.

Управление хозяйством Изабеллой Петровной было организовано довольно просто. Долгое время главным помощником у помещицы был старик-крестьянин, пользовавшийся у нее большим доверием. Во время пребывания хозяйки в Корнилове он каждый вечер являлся с докладом, держа в руках так называемую бирку (четырёхугольную хорошо обструганную палочку), с надрезанными полосками и крестиками. По этим «непреложным документам», безграмотный, но верный слуга отчитывался о количестве четвертой намолоченного хлеба, произведенных работах и т. д. Позднее на смену неграмотному старику-управляющему пришли более молодые, умевшие читать, писать и считать, бурмистр и конторщик [3, с. 58]. Большинство корниловских крестьян платили оброк по 20 руб. с тягла и отработывали 5 рабочих дней летом. Часть крестьян выполняли издольную повинность. В каждой деревне назначался староста, отвечавший за исправный взнос оброка. Необходимо отметить, что Куломзины были собственниками земли не только в Кинешемском уезде, но и в других уездах Костромской губернии. По воспоминаниям А. Н. Куломзина, их семье принадлежало около 600 душ крестьян [3, с. 157, 159]. По официальным данным, накануне отмены крепостного права в Кинешемском уезде Куломзины владели 421 душой крестьян мужского пола, проживавших в 15 деревнях [7, с. 30—31].

Оброк давал крестьянам более значительную свободу в решении своих хозяйственных вопросов, чем барщина. Крепостные Куломзиных самостоятельно решали проблемы с переводом одного вида сельскохозяйственных угодий в другой. Исключением являлась только вырубка лесных участков «под

огонь» для последующего посева яровых. Для этого требовалось согласие помещицы или управляющего [3, с. 58]. В то же время оброчная система позволяла Изабелле Петровне по нескольку лет не показываться в усадьбе, проживая все это время не только в разных местах страны, но и за границей.

Необходимо отметить, что денежный оброк был основной формой эксплуатации крестьян не только в поместье Куломзиных, но и в целом по Костромской губернии [8, с. 62—63]. Дело в том, что барщина в нечерноземной полосе не могла принести такого же дохода помещикам, как в черноземных губерниях. Непогодная почва не позволяла получать высокие урожаи. К тому же с низовьев Волги в регион ввозилось относительно дешевое зерно. В то же время оброчная система ведения хозяйства облегчала помещикам управление имением, так как не требовала знания тонкостей сельскохозяйственного производства. В связи с этим многие костромские землевладельцы использовали усадьбу как дачу, в которой находились лишь в теплое время года, другие появлялись в деревне от случая к случаю. В некоторых имениях не было никаких усадебных построек. После отмены крепостного права их собственникам при составлении уставных грамот приходилось какое-то время жить в избах своих крестьян [3, с. 169]. Отсутствие усадеб в таких имениях часто было вызвано тем, что их владельцы обладали землями и в других районах России. Среди кинешемских помещиков было «значительное число» лиц, владевших землей в черноземных губерниях. Следует отметить, что все уголья в таких «безусадебных» имениях находились в распоряжении крестьянского общества. Управлялись имения назначенными владельцем бурмистрами или выбранными из крестьян старостами. Если оброк из деревни присылался аккуратно, то помещик минимально вмешивался в хозяйственные дела сельского общества [3, с. 162, 185].

Вызывают интерес взгляды А. Н. Куломзина на организацию жизни крепостной деревни и роли в ней помещиков. С точки зрения автора воспоминаний, каждое помещичье хо-

зяйство, а в него могли входить земли одного владельца в разных уездах губернии, являлось самостоятельной административной и экономической единицей, а совокупность таких хозяйств и составляла русскую деревню. Хорошо управляемое имение, по мнению Анатолия Николаевича, — это своеобразный мир, основанный на полной власти помещика. Эта власть направлена на создание и поддержание благосостояния крепостных, так как от этого зависело и благосостояние самого землевладельца. В интересах большинства населения деревни барин, считал Куломзин, вправе был допускать жестокость в разумных пределах в отношении отдельных членов крестьянского общества. По этой причине насильственные действия, применяемые помещиками, по выравниванию экономического положения крестьянских хозяйств Анатолий Николаевич считал мерами «глубоко социалистическими», так как они несли пользу обществу. В качестве примера он приводит процесс регулирования семейных отношений крестьян в имении, принадлежавшем ему и матери.

Доход помещика, объясняет А. Н. Куломзин, во многом зависел от числа тягол в хозяйстве. Чем их больше, тем лучше для землевладельца. По установившимся в поместье правилам, когда молодой крестьянин достигал 18-летнего возраста, он обязан был жениться и принять тягло. В 60 лет тягло с крестьянина снималось. Вдовец облагался половинным тяглом. Обложению тягла соответствовал обязательный отвод земельного надела от мира, снятию тягла — изъятие надела.

С целью совершения браков и образования новых тягол в усадьбе ежегодно перед великим постом в обязательном порядке собирались вместе с родителями потенциальные женихи и невесты из всех деревень поместья. Им предоставлялся день-два для знакомства с общим составом «приговоренных» к семейному счастью. Затем владелец имения или бурмистр «их ладили». При образовании новых крестьянских семей помещик был заинтересован в том, чтобы число бедных дворов не увеличивалось. В связи с этим крестьянин из малоимущей се-

мый получал невесту из состоятельного дома или наоборот. Этим «социалистическим уравнением» занималась вотчинная контора. В ней также смотрели, чтобы родители невесты не требовали с жениха выкуп, превышающий возможности последнего. Так кинешемские дворяне, регулируя процесс образования новых крестьянских дворов, стремились не допустить потерю ими платежеспособности.

Бедность крестьян в хорошо управляемых имениях, по убеждению Анатолия Николаевича, являлась большей частью последствием их беспробудной апатии и лени, так как в случае несчастья у крепостного, как-то: падежа коровы, лошади, пожара, в интересах помещика было оказать помощь пострадавшему. В таких случаях корова или лошадь давались с барского двора. Для возведения новых построек вместо уничтоженных огнем бесплатно отпускался лес. Пострадавших могли освободить от выплаты оброка. В тех случаях, когда, несмотря на помощь, крестьянин не мог нормально организовать свое хозяйство, он становился бременем для помещика, так как приносил не доход, а убыток. Лентяи, воры и пьяницы также рассматривались владельцем, как бремя для его хозяйства. В интересах помещика было как можно быстрее избавиться от таких крестьян. Инструментом «очищения» дореформенной деревни от вредных элементов была сдача крестьян в рекруты в счет проводимого или даже будущего набора. После отмены крепостного права такой инструмент исчез, что привело, по утверждению автора воспоминаний, к росту преступности в стране [3, с. 156—160].

Интересны и следующие наблюдения автора: нередко в деревнях, где до отмены крепостного права была усиленная эксплуатация крестьян, они вынуждены были быть «чрезвычайно трудолюбивыми». После 1861 г. благосостояние таких деревень быстро улучшалось, вследствие имевшегося богатого опыта добывания денежных средств и сокращения лежавших на них повинностей. В то время как в деревнях, не переживавших «строгостей крепостного режима», такого обычно не наблюдалось [3, с. 178].

Необходимо отметить, что А. Н. Куломзин по своим взглядам не относился к лагерю консерваторов, активных противников Великих реформ. Наоборот, в начале XX в. у А. Н. Куломзина была устойчивая репутация «левого» либерала и конституционалиста [9, с. 164]. Анатолий Николаевич осуждал невежество, в котором находилась дореформенная деревня, спорил с соседями-помещиками, утверждавшими, что после освобождения крестьяне бросят свои надель и Россию ждет голод [3, с. 142—143, 163]. Во время службы мировым посредником А. Н. Куломзин был одним из самых энергичных проводников крестьянской реформы в Костромской губернии.

Из всего вышеизложенного следует, что в первой половине XIX столетия в костромской деревне происходили существенные изменения, указывающие на кризис феодальных отношений: менялся состав землевладельцев, на смену дворянской аристократии приходили выходцы «из низов». Ряд помещиков предпринимали попытки модернизации сельского хозяйства, которые часто были малоуспешны. Оброчная система хозяйствования, господствовавшая в Нечерноземье, не способствовала выработке у помещиков навыков организации эффективного производства продуктов сельского хозяйства. Среди владельцев имений были распространены взгляды, что их главная задача — не внедрение достижений агрономической науки на своих полях, а правильное управление крепостными. Помещики оказались не готовы к отмене крепостного права ни морально, ни в плане организации своих хозяйств. Следствием такого состояния дореформенного помещичьего хозяйства в Костромской губернии стало его массовое разорение после отмены крепостного права [10]. В то же время оброчная система эксплуатации крестьян давала им значительную свободу в организации своей экономической деятельности. В результате чего крестьянское хозяйство нечерноземной полосы после отмены крепостного права оказалось в большей готовности к переходу к рыночным отношениям, чем помещичье.

Список источников и литературы

1. *Ремнёв А. В.* Анатолий Николаевич Куломзин // ВИ. 2009. № 8. С. 26—45.
2. *Шилов Д. Н.* Переживая о «Пережитом» // РИ. 2018. № 2. С. 140—150.
3. *Куломзин А. Н.* Пережитое. Воспоминания. М., 2016.
4. *Бочков В. Н.* Вокруг Щелькова: путеводитель по историко-мемориальным местам. Ярославль, 1972. С. 7—8.
5. *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002.
6. *Дмитриев С. П.* Опыт практических замечаний кинешемского земледельца о сельском хозяйстве Костромской губернии : в 4 ч. 2-е изд. М., 1855.
7. *Приложения* к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости: Сведения о помещичьих имениях. Т. IV. СПб., 1860.
8. *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 62—63.
9. *Мамонов А. В.* Пореформенная бюрократия в воспоминаниях А. Н. Куломзина // РИ. 2018. № 2. С. 158—168.
10. *Александров Н. М.* Помещичье хозяйство Верхней Волги в пореформенный период : дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1987.

П. С. Кабытов, Е. П. Баринава

Дворяне прибалтийских губерний в дискурсе съездов объединенного дворянства

На основе документальных публикаций и научной литературы представлена реконструкция взаимодействия лидеров дворянских корпораций из числа немцев-дворян прибалтийских губерний с Постоянным советом объединенных дворянских обществ. В центре внимания их участие в работе съездов объединенного дворянства и те инициативы, которые они поддерживали в ходе дискуссий о реформировании экономической и социокультурной сфер Российской империи

This article, grounded in documentary publications and research literature, reconstructs interactions between the leaders of the German nobility corporations from the Baltic provinces and the Permanent Council of the United Nobility Societies. The focus of this article is on their participation in the congresses of the united nobility and the initiatives they supported during discussions on reforming the economic and sociocultural spheres of the Russian Empire.

Ключевые слова: Российская империя, прибалтийские губернии, съезды объединенного дворянства, лидеры корпоративных дворянских организаций, сословные привилегии, немцы-дворяне, Первая мировая война, шпиономания

Keywords: Russian Empire, Baltic provinces, united nobility congresses, leaders of corporate noble organisations, class privileges, German nobility, World War I, spy scare

В начале XX в. заметно активизировалась деятельность «немецких обществ» в губерниях Прибалтики по установлению связей с пангерманистами, что вызывало обеспокоенность имперских властей.

Правовое положение дворян прибалтийских губерний, достаточно подробно изучено в исторической литературе [1—3]. Широкую автономию в вопросах сословного самоуправления прибалтийским дворянам обеспечивало правовое пространство Российской империи [4].

Должности в органах дворянского самоуправления, как правило, традиционно замещались только из числа представителей рыцарства. Существование института матрикуляции дискриминировало представителей русских дворянских фамилий. В этой связи в публицистике неоднократно выдвигались предложения о необходимости уравнивания в правах рыцарства и представителей нематрикулированного дворянства. Но приступить к разработке реформы прибалтийских дворянских организаций правительство смогло лишь в 1915 г. [1, с. 44—45].

В годы первой русской революции аграрное движение в остзейских губерниях было направлено против дворян-немцев, что побудило правительство к принятию чрезвычайных мер и разработке проектов реформ земского самоуправления, крестьянского общественного управления и ряда других преобразований [3].

Немецкий исследователь Г. Пистолькорс считает, что в период первой русской революции лидеры немецкого дворянства стремились не только сохранить в регионе экономические и социальные привилегии, но и существенно расширить сферу политического влияния немецкого дворянства. Они выступали с предложениями ограничить влияние русской бюрократии, заменив ее системой регионального самоуправления [5]. Свои предложения и проекты они инициировали и на съездах российской объединенной дворянской организации. Представители прибалтийского дворянства принимали активное участие в работе по подготовке I съезда уполномоченных дворянских

собраний. В числе участников совета по организации съезда были член Государственного Совета от съезда землевладельцев Лифляндской губернии барон Г. Ю. Тизенгаузен и представитель лифляндского дворянства Э. Э. фон Эттинген. На заседании 20 мая 1906 г. барон Тизенгаузен, выступая в прениях по проекту резолюции по аграрному вопросу, отметил, что в остзейских губерниях «дробление крестьянской земли ограничено минимумом и аграрного вопроса в русском смысле у нас нет». По его мнению, Думе необходимо было высказаться за «отмену общинного устройства крестьянского землевладения», уничтожение чересполосности и правильную организацию переселения [6, с. 39—40].

На I съезде объединенных дворянских обществ в состав Постоянного Совета был избран представитель Лифляндского дворянства (о-в Эзель) О. Р. фон Экеспарре (1839—1925). Будучи успешным помещиком в имении Ольброк, он в 1876 г. был избран предводителем обособленного дворянского общества о-ва Эзель и в течение 30 лет выполнял обязанности губернского предводителя [7, с. 125—126]. На IV съезде он отказался от избрания в связи с большой занятостью в Государственном Совете, членом которого он был избран 3 июня 1906 г. от дворянских обществ 3 губерний Прибалтийского края. Известие о его избрании в Государственный Совет вызвало на IV съезде дискуссию. Однако его кандидатура была поддержана не только представителями прибалтийского дворянства, но и другими делегатами съезда, которые констатировали, что он был избран «не как эзельский дворянин, а как русский...». Барон А. О. Шиллинг, представитель Эстляндской губернии, заявил, что «балтийское дворянство в 1905 и 1906 гг. доказало, что никогда и никому не уступит в своей преданности Государю» [6, с. 558—560].

На II съезде председатель объединенной дворянской организации гр. А. А. Бобринский сообщил о присоединении к организации дворянства Курляндской губернии [6, с. 160]. Ее представитель, губернский предводитель дворянства князь

Г. А. Ливен, высказался на съезде против избирательного закона, «который негоден потому, что дворянство не имеет возможности при всем своем желании на этом поприще служить Государю» [6, с. 209]. Представитель лифляндского дворянства барон Ф. А. Мейендорф призвал делегатов съезда поддержать правительство, которое оказалось после роспуска I Государственной Думы в «трудном положении» [6, с. 191].

На I съезде представитель лифляндского дворянства барон А. А. Пилар фон Пильхау выступил за уничтожение общины, ссылаясь на опыт ведения сельского хозяйства в прибалтийских губерниях. С его точки зрения, революционные события в Прибалтийском крае были вызваны революционной агитацией против крупных землевладельцев немецкого происхождения, которые занимали ведущее положение в местном самоуправлении. По его мнению, классовая ненависть была вызвана не экономическим, а национальным фактором. Он призвал направить в адрес императора Николая II петицию, в которой говорилось бы о необходимости соблюдения права частной собственности на землю и перевода общинной крестьянской собственности в частное чересполосное владение [6, с. 67—72].

В ходе обсуждения погубернской раскладки взносов дворянских обществ на III съезде было предложено 3 проекта. В рамках первого Лифляндское и Курляндское дворянство должно было вносить в год по 300 руб., а Эзельское дворянство — 80 руб. По второму проекту на долю Лифляндского и Курляндского дворянства приходилось 450 руб., Эзельского — 160 руб. Оба проекта предусматривали для прибалтийского дворянства гораздо меньшие суммы, чем для дворян Европейской России. Третий проект предусматривал взнос в 405 руб. для любой губернии [6, с. 480—481, 527—529]. III съездом был утвержден второй проект. Начиная с VI съезда к объединенному дворянству присоединилась Эстляндская губерния, которую представляли в качестве депутатов барон А. О. Шиллинг и барон Э. Н. Деллинггаузен.

На съездах объединенного дворянства активно обсуждались итоги и перспективы реализации имперской властью национальной политики. Наибольшую активность представители прибалтийских губерний проявили в ходе дискуссии на VI съезде уполномоченных дворянских обществ при рассмотрении вопроса об автономии Финляндии и территориальном статусе Выборгской губернии. 19 марта 1910 г. депутаты кн. Б. Н. Щербатов, В. С. Киндяков предложили обратиться с ходатайством к Николаю II о «передаче Выборгской губернии обратно в Россию». Против этой идеи единым строем выступили депутаты-немцы. Барон А. А. Пилар фон Пильхау отметил, что вопрос о Финляндии не стоило обсуждать на съезде объединенного дворянства и выступил против присоединения Выборгской губернии к Российской империи. Его мнение поддержали бароны Э. Н. Деллингсгаузен и А. А. Буксгевден, которые полагали, что этот акт может «нарушить интересы и частные права жителей губернии» [8, с. 550—553]. В результате острой дискуссии съезд единогласно принял более мягкую по сравнению с первоначальным проектом редакцию постановления. Довести ее до сведения правительства было поручено гр. А. А. Бобринскому. В ней обращалось внимание на «вредные политические и стратегические последствия» принадлежности Выборгской губернии к территории Финляндского княжества [9].

На VII съезде уполномоченных дворянских губернских обществ барон Г. Ф. Розен (Лифляндия) выступил в прениях при обсуждении доклада Н. А. Павлова «Об объединении дворянства на экономической почве». Поддержав идею Павлова, он заявил, что подобные действия играют не только экономическую, но и политическую роль. Отмечая необходимость укрепления дворянского землевладения, панацеею от недостатка которого Розен видел в подъеме производительности хозяйства, он призвал собравшихся «самим жить и хозяйничать в наших имениях». И далее, по его мнению, следовало «напрячь все силы» для того, чтобы удержать и укрепить дворянское

землевладение, а также пойти на союз с «классом крепких крестьян-собственников», которых необходимо «воспитывать в духе правильно понятой государственности» [10, с. 200].

Прогерманской ориентации части прибалтийского дворянства противостояли патриотические чувства приверженцев единой и неделимой России. Так, член Государственного Совета от Виленской губернии гр. И. О. Корвин-Милевский представил делегатам VII съезда свою брошюру, в которой обосновывал идеи расширения прав представительных органов власти, считал обоснованным введение земств в Белоруссии и Литве и подчеркивал своеобразие интересов местных, «краевых поляков» литовского происхождения. Его предложения были включены в содержание принятой резолюции, в которой съезд выразил надежду на приверженность всего дворянства северо-западного края не только «монархическим и консервативным принципам», но и стремлению «открыто признавать своим Отечеством не Польшу, а единую Русь» [10, с. 140—142].

На IX съезде при обсуждении вопроса о борьбе с хулиганством представитель курляндского дворянства светлейший князь А. П. Ливен предложил ужесточить административные и судебные меры. Он выступил за введение в качестве наказания для лиц с девиантным поведением краткосрочной каторги с наказанием плетьюми. Эта инициатива была поддержан другими депутатами съезда. Кроме того, князь выступал за то, чтобы начать вести планомерную воспитательную работу в учебных заведениях без которой невозможно остановить «развращающее воздействие» революционной литературы и агитации [11, с. 73—74].

В годы Первой мировой войны представители прибалтийских немцев с думской трибуны транслировали поддержку правительственного внешнеполитического курса. Факты об «изменнической деятельности» прибалтийских немцев, сообщавшиеся в печати, депутатами Думы и частными лицами, становились основанием для расследований, в ходе которых были опровергнуты выдвинутые обвинения [1, с. 59]. Шпио-

номания обсуждалась на XI съезде объединенного дворянства (10—14 марта 1915 г.), на котором против этих обвинений выступил гр. В. Е. Рейтерн-Нолькен. Он заверил присутствующих, что «ни один прибалтийский дворянин против наших войск не сражается» [11, с. 551—552].

На этом съезде обсуждалась инициатива Х. Н. Сергеева о необходимости разработки и реализации реформы школьного образования. Она была поддержана А. А. Пилар фон Пильхау, который также выступил за переустройство школьного образования в соответствии с «жизненными потребностями страны». Он считал, что Верховной комиссии необходимо осуществить пересмотр учебных планов высших и средних учебных заведений. Им было отмечено, что отсутствие необходимых специалистов порождает засилье в торговле и промышленности иностранных специалистов, прежде всего немцев. Его поддержали также гр. В. Е. Рейтерн-Нолькен и барон А. А. Буксгевден [11, с. 575—576].

Как правило, немцы-дворяне входили в число достаточно крупных землевладельцев, обычно они сами вели хозяйство на своей земле, используя капиталистические методы [12, с. 14]. Все крупные землевладельцы разделяли взгляды партии «17 октября».

В число лидеров немцев-дворян входил барон Г. Ю. Тизенгаузен — потомственный дворянин Лифляндской губернии, владелец крупного имения (4203 дес. земли). В 1906—1912 гг. был членом Государственного Совета, входил в состав комиссии законодательных предположений [13, с. 273].

В эту же группу следует включить Э. Э. фон Эттингена, отстаивавшего общественные и хозяйственно-торговые интересы прибалтийских территорий Российской империи. Он владел имением Карстемоис в Лифляндской губернии, в 1914 г. написал брошюру «О русско-немецком торговом договоре и его значении для сельского хозяйства» [14].

Разумеется, следует отметить барона Ф. А. Мейендорфа, лифляндского губернского предводителя дворянства (1884—

1908). Он принимал участие в разработке законодательства для остзейских губерний, выступал последовательным защитником интересов немецкого дворянства.

В группу лидеров входил барон Э.Н. Деллингсгаузен. Вернувшись после окончания обучения за границей в Российскую империю в 1887 г., он достаточно успешно занимался сельским хозяйством в своем имении Каттентак. В 1902 г. был избран Эстляндским губернским предводителем дворянства и прослужил в данной должности вплоть до 1918 г. Был членом партии «Союз 17 октября». В 1907—1912 гг. работал в Государственном Совете, входил в группу центра. В 1914 г. был привлечен к уголовной ответственности «за утайку своих лошадей от военно-конской мобилизации», приговорен к ограничению в правах состояния и к заключению в тюрьму [15, с. 11].

Взгляды этой группы разделял барон А. О. Шиллинг, который после окончания в 1884 г. Дерптского университета поступил на сословную службу, был назначен секретарем мангерихтов. Он был членом Балтийской конституционно-монархической партии, примкнувшей к «Союзу 17 октября». В 1907 г. был избран членом III Государственной Думы (фракция октябристов). Состоял Эстляндским ландратом (1912—1920). В 1912—1915 гг. член Государственного Совета, входил в группу центра, был членом ее бюро. В 1917—1918 гг. находился в Швеции и Германии, выступал за оккупацию Эстонии германскими войсками [13, с. 322].

Самым активным участником дворянских съездов, принимавшим участие в дискуссиях, был член ревизионной комиссии Постоянного Совета объединенного дворянства (1907—1911 гг.) барон А. А. Пилар фон Пильхау, окончивший Дерптский университет. Был крупным землевладельцем (мыза Аудра в Перновском уезде). В 1908—1918 состоял губернским предводителем дворянства [16].

Заметим, что многие представители дворянства от прибалтийских губерний не принимали участия в дискуссиях на съездах, либо их участие было единичным. Например, фами-

лии гр. П. Ф. Медема, баронов А. Е. Фелькерзама (Курляндская губерния), Н. К. Штакельберга (Эстляндская губерния), А. А. Буксгевдена (о. Эзель) упоминаются лишь в числе подписантов под тем или иным особым мнением, резолюцией.

Прибалтийское дворянство в большинстве случаев принимало участие в прениях на дворянских съездах лишь по вопросам, затрагивающим его насущные экономические и политические интересы, а также для демонстрации своей политической лояльности имперской власти.

Список источников и литературы

1. *Андреева Н. С.* Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. 2002. №2. С. 44—61.

2. *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008.

3. *Андреева Н. С.* Революционный кризис 1905 г. и вопрос о реформах в Прибалтийских губерниях // Петербургский исторический журнал. 2023. №4. С. 38—52.

4. *Свод местных узаконений губерний Остзейских.* Ч. 2. СПб., 1845. Ст. 34, 122, 254, 328.

5. *Пистолькорс Г.* Прибалтийско-немецкие соображения после революционного кризиса 1905 г. относительно переориентации лояльности в сторону Германии // Германия и Прибалтика : сб. науч. тр. Рига, 1983. С. 75—90.

6. *Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг.* : в 3 т. М., 2001. Т. 1.

7. *Левенсон Н. А.* Государственный Совет: портреты и биографии. Пг., 1915.

8. *Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг.* : в 3 т. М., 2001. Т. 2, кн. 1.

9. *Баринава Е. П., Кабытов П. С.* Национальный вопрос в дискурсе объединенного дворянства // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. 2022. №1 (41). С. 70—85.

10. *Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг.* : в 3 т. М., 2001. Т. 2, кн. 2.

11. *Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг.* : в 3 т. М., 2002. Т. 3.

12. *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.

13. *Государственный совет Российской империи: 1906—1917.* М., 2008.

14. *Эттинген Э.Э.* О русско-немецком торговом договоре и его значении для сельского хозяйства. Юрьев, 1914.

15. *Андреева Н.С.* Балтийские немцы и красный террор в Прибалтике (февраль 1918) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 6—25.

16. *Ровенский Г.В.* Бароны Пилар фон Пильхау и их потомки: родословная на фоне исторических событий. Фрязин, 2013.

В. Н. Никулин

Сапожный промысел новгородских крестьян во второй половине XIX — начале XX века

Дана характеристика промысла, показаны его масштабы и место в экономике крестьянского хозяйства. Определена роль скупщиков в развитии промысла, а также влияние фабрично-заводской промышленности на его динамику. Показана связь сапожного промысла с рынком и его зависимость от рыночной конъюнктуры.

This article examines the shoemaking trade, including its scale and significance within the peasant economy. The study explores the role of buyers in the development of the shoemaking industry and the impact of the factory system on the trade's dynamics. The author elucidates the relationship between the shoemaking trade and the market, highlighting its dependence on prevailing market conditions.

Ключевые слова: Северо-Запад, Новгородская губерния, крестьяне, сапожный промысел, отхожие промыслы, кустарная промышленность, вторая половина XIX — начало XX века

Keywords: north-west, Novgorod province, peasants, shoemaking trade, crafts, cottage industry, second half of 19th century — early 20th century

Не получая достаточно средств от земледелия в результате растущего малоземелья и низкой продуктивности сельского хозяйства, крестьяне Новгородской губернии, как, впрочем, и

крестьяне Санкт-Петербургской и Псковской губерний вынуждены были искать другие источники дохода, среди которых решающее значение приобретали местные и отхожие промыслы. [1, с. 8]. Новгородский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности констатировал, что «посторонние заработки служат единственным подспорьем местного крестьянства сводить концы с концами в своем хозяйстве» [2, с. 73].

В Новгородской губернии на рубеже XIX—XX вв. существовало свыше 40 промыслов, которыми занимались крестьяне. Становление и состояние промыслов зависело от разных факторов: наличия сырьевых ресурсов, товарной конъюнктуры, состояния путей сообщения, близости к крупным городам с развитой промышленностью. Из материалов земских обследований явствует, что по уездам крестьянские промыслы как местные, так и отхожие были распространены неравномерно, и процент надельных хозяйств, владельцы которых занимались теми или иными промыслами, колебался от 55,3 до 83,2% [3, с. 26]. Наиболее широко были распространены крестьянские неземледельческие промыслы в Боровичском, Белозерском, Кирилловском, Новгородском и Череповецком уездах. Значительно меньше крестьян, занимавшихся промыслами, было в уездах Валдайском, Демянском, Крестецком, Старорусском, Тихвинском и Устюжском. [4, с. 267]. Тем не менее в каждом уезде были крестьяне, совмещавшие сельскохозяйственные работы с изготовлением обуви (преимущественно сапог). По уездам крупными центрами сапожного производства были селения Мартюхино, Ларюково, Жокково, Починки *Андогской* волости **Череповецкого** уезда; Горки *Белавинской* волости, Клин *Десято-Пятницкой* волости, Перхов, Талица *Рядовской* волости **Боровичского** уезда; селения *Залужской* волости **Старорусского** уезда; Малофеево, Красный Бор, Ольхов *Красноборской* волости и др. **Тихвинского** уезда [5, с. 10].

В Крестецком уезде сапожным промыслом занималось 53 крестьянина, из которых 37 трудились дома, а 16 уходили в отход [6, с. 118].

Сапожный промысел сельских жителей Новгородской губернии занимал одно из центральных мест в их неземледельческой деятельности [7. с. 86]. По мнению С. А. Фукленкова, «...среди наиболее востребованных на территории Новгородской губернии были услуги... мастеров сапожного дела...» [8, с. 12]. Согласно цифровым показателям опросных листов, разосланных губернской земской управой, в Боровичском уезде сапожным промыслом занимались жители 24 селений (226 работников на 108 крестьянских дворов), в Кирилловском — 67 кустарей на 12 селений и в Череповецком — 39 селений, 594 двора и 1012 работников [9, с. 9, 11—12, 18]. Всего же в губернии в работу по шитью сапог было вовлечено более 1,5 тыс. крестьян (при этом следует учесть, что отдельные возвращенные опросные листы не были заполнены, а в иных опросных листах не были проставлены данные).

В начале XX в. по данным А. А. Рыбникова сапожным промыслом в уездах Новгородской губернии занималось свыше 4,1 тыс. крестьян [10, с. 26; 11, с. 4]. По волостям и уездам сапожное дело распределялось неравномерно, что объяснялось существованием других более развитых промыслов, а также наличием, или отсутствием сырьевой базы для него, то есть кожевенного производства (табл.).

Распределение крестьян-сапожников Новгородской губернии по уездам в начале XX века

Уезд	Сельское население, тыс. чел.	Число крестьян, занятых сапожным промыслом, чел.
Белозерский	102,6	54
Боровичский	162,9	666
Валдайский	105,2	72
Демьянский	93,7	35

Окончание табл.

Уезд	Сельское население, тыс. чел.	Число крестьян, занятых сапожным промыслом, чел.
Кирилловский	140,4	178
Крестецкий	118,4	13
Новгородский	187,6	74
Старорусский	206,1	134
Тихвинский	115,0	96
Устюжский	118,3	-
Череповецкий	187,2	2802
<i>Всего</i>		4124

Составлено на основе данных: [12, с. 52—53].

В Череповецком уезде сапожным промыслом активно занимались практически все крестьяне волостей Богословской, Дементьевской, Дмитриевской, Нелазской, Усищевской, Шухободской (являвшейся центром сапожного района [11, с. 26]) и Шухтовской, в которых сапожное дело существовало с давних времен и имело глубокие корни. По сведениям губернской земской управы, в большинстве селений перечисленных волостей практически все мужское население занималось сапожным промыслом. Среди крестьян давно закрепилось мнение, что сапожное производство более выгодное, чем прочие промыслы, поскольку дневной заработок сапожника колебался от 30 коп. до 1 руб. [13, с. 514].

В деревнях Огибаловская и Куршиевская Воскресенской волости Кирилловского уезда свыше 70 крестьян занимались шитьем сапог. Свой товар они затем продавали в Кириллове, Белозерске, Каргополе и Кадникове [14, с. 341].

Часть крестьян занималась ремеслом либо в пределах селения, совмещая промысел с сельскохозяйственными занятиями, либо уходя на заработки в другие волости. Кустари, за-

нимавшиеся отходничеством, как правило, возвращались домой на время сенокоса или уборки хлебов. Следует отметить, что заработки, полученные крестьянами-отходниками, не всегда полностью компенсировали нехватки крестьянского двора в сфере сельскохозяйственных занятий. Промыслы, отрывавшие население от земли в результате отхода на сторону, отрицательно сказывались на общем благосостоянии крестьянского двора, порождая условия для его постепенной деградации [15, с. 143].

Больше всего сапожников было в Шухободской волости, свыше 1200 человек, которые практически все занимались отхожим промыслом, уходя в Белозерский, Кирилловский и Боровичский уезды. Оставшиеся на месте сапожники Сандалово, Волково, Ямышево, Слабеево, Жидихово и других деревень шили так называемые прикройные сапоги¹ в зимнее время. Сырье для работы они покупали в Череповце и у кожевников Пошехонского уезда по 5—7 руб. за 1 кожу. Из каждой кожи сапожник шил до 7 пар сапог. Свой товар ремесленники сбывали либо на Крещенской ярмарке в Весьегонске, либо продавали оптом барышникам, приезжавшим из Мологского и Рыбинского уездов Ярославской губернии [16, с. 6—7].

В Богословской волости, где было зафиксировано 355 крестьян-сапожников и занимавшей второе место в уезде по числу мастеров, 322 сапожника трудились в пределах своих сел и деревень. Мастера в этой волости шили так называемые вытяжные сапоги². Трудились они в зимнее время, кожу покупали в Череповце у торговцев кожами Черняева, Солина и крестьянина Яконского, владельца кожевенного завода. Готовую продукцию сапожники продавали в Череповце, Весьегонске, Кириллове и на сельских ярмарках, в том числе в с. Улома,

¹ Прикройные сапоги — сапоги, в которых голенища пришивались к передкам; изготавливались из толстой яловой кожи с использованием деревянных гвоздей.

² Вытяжные сапоги — сапоги, у которых и передок, и задник вытягивались на колодке заодно с голенищем, так что швов было мало.

центре широко известного гвоздарного промысла по следующей цене: пара мужских сапог от 3 руб. 50 коп до 6 руб., женских — 2—3 руб.; пара детских сапог продавалась от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. [16, с. 6]. В Дементьевской волости сапожным промыслом занималось свыше 340 крестьян, а Шухтовской — более 300 человек [17, с. 2—87].

Крестьяне, уходившие в отход, шили преимущественно сапоги, а башмаки изготавливали на заказ. Но так было не во всех волостях. Например, земледельцы с. Большая Новинка Усищевской волости шили только башмаки для продажи на рынке. Роль «подмастерьев-подшивал» при взрослом сапожнике выполняли подростки из состава семьи, в отдельных случаях — вольнонаемные.

Средняя продолжительность рабочего дня крестьян-сапожников составляла примерно 15 часов. Для некоторых сельчан изготовление обуви становилось главным источником необходимых средств для хозяйства, отодвигая на второй план сельскохозяйственное производство. В изготовлении сапог крестьяне использовали сапожные машины «Зингер и К°», покупая их в кредит с рассрочкой на 2 года. В Дементьевской волости земские информаторы отметили появление у зажиточных крестьян сапожных мастерских, где в качестве вольнонаемных работников трудились местные крестьяне. Годовые заработки крестьян-сапожников зависели от разных факторов и поэтому значительно колебались: от 10—15 до 60—70 руб. В с. Тиманском Дмитриевской волости сапожники зарабатывали до 85 руб. в год. За неделю опытный мастер с «подшивальщиком» изготавливали по 4—6 пар сапог, а за год, в зависимости от спроса и времени, могли пошить от 70 до 200 пар. Мастера, специализировавшиеся на изготовлении башмаков, за рабочий сезон шили до 500 пар обуви.

Дешевизна крестьянского труда, конкуренция среди крестьян, занимавшихся сапожным промыслом, проблемы с сырьем и вывозом готовой продукции — все это заставляло сельских мастеров продавать свои изделия по низким ценам.

В местах наибольшего распространения сапожного промысла товар забирали скупщики, а основная масса крестьян продавала свои изделия самостоятельно, преимущественно на ярмарках. Оптовые покупатели сапог, изготовленных крестьянами-сапожниками Череповецкого уезда, сбывали крупные партии обуви в соседних губерниях, на сельских ярмарках и в городах: Белозерске, Рыбинске, Санкт-Петербурге, Тихвине и др. Известный череповецкий торговец обувью Черняев поставлял сапоги, изготовленные сапожниками Богословской волости, в воинские части столичного военного округа. Начало русско-японской войны в 1904 г., а через 10 лет и Первой мировой войны вызвало оживление среди подрядчиков, установивших тесные связи с интендантством и получавших военные заказы. Подрядчики снабжали сапожников-кустарей, шивших сапоги дома, материалом и казенной колодкой. Работа сапожников оплачивалась сдельно — самое большое по 1 руб. 10 коп. за пару сапог. От интендантства подрядчики получали до 2 руб. за пару. Таким образом, основные выгоды от производства сапог, организованного по принципу рассеянной мануфактуры, извлекали подрядчики и скупщики. Оживление сапожного промысла в начале XX в. послужило условием организации при помощи земств артелей сапожников для избавления от невыгодных услуг подрядчиков. Первая сапожная артель возникла в 1911 г. в с. Борисово Череповецкого уезда. Опираясь на помощь Кустарного бюро уездного земства, ее члены начали получать заказы на сапоги непосредственно от интендантства, а также от отдельных воинских частей. [4, с. 121—130, 202—206, 264—267].

Современниками было отмечено, что на рубеже XIX—XX вв. в отдельных волостях уезда происходил заметный рост численности крестьян-сапожников, обусловленный, в том числе, уменьшением количества кустарей Уломского гвоздарного промысла, занимавшихся прежде изготовлением разнообразных гвоздей: от мелких сапожных до крупных лодочных. В основе этого процесса лежала все меньшая способность конку-

ривать с фабриками по производству гвоздей. Были и другие факторы, положительно влиявшие на динамику развития сапожного промысла. Так, создание сапожной мастерской в Нивской волости Старорусского уезда привело к росту числа крестьян, занявшихся изготовлением сапог [9, с. 18].

Список источников и литературы

1. *Памятная книжка Новгородской губернии на 1896 год*. Новгород, 1896.

2. *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 25. Новгородская губерния.

3. *Васильева С.Л.* О причинах неравномерного распространения крестьянских промыслов // Новгородский объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник : тез. докл. и сообщений итоговой науч. конф., 16—17 декабря 1997 г. Новгород, 1997. С. 26—29.

4. *Обзор* деятельности земств по кустарной промышленности : в 3 т. СПб., 1913. Т. 1.

5. *Кустарные* промыслы. Текущая статистика за 1895/6 сельскохозяйственный год. СПб., 1897.

6. *Материалы* по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Крестецкий уезд. Вып. 3. Статистико-экономические данные о крестьянском населении уезда. Новгород, 1910.

7. *Ширгазин О.Р.* География кустарной промышленности России в начале двадцатого века // Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 5. М., 1997.

8. *Фукленков С.А.* Кустарные промыслы Новгородской губернии в конце XIX — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008..

9. *Новгородская* губернская земская управа. Доклад по кустарной промышленности. Новгород, 1909.

10. *Рыбников А.А.* Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913.

11. *По кустарной* промышленности : доклад Новгородской губернской земской управы Новгородскому губернскому земскому собранию... очередной сессии 1910 г. Новгород, 1910.

12. *Рыбников А.А.* Легкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923.

13. *Сельское* и лесное хозяйство России. СПб., 1893.

14. *Новгородская губерния* // Отчеты и исследования по кустарной промышленности России : в 11 т. СПб., 1898. Т. 5.

15. *Материалы* по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Белозерский уезд. Вып. 3: Статистико-экономические данные о крестьянском населении уезда и частновладельческих усадебных хозяйствах. Новгород, 1912.

16. *Материалы* по исследованию кустарной промышленности в Новгородской губернии. Новгород, 1912.

17. *Фёдоров И. В.* Описание кустарных промыслов Новгородской губернии // Новгородская губернская земская управа. Доклад по кустарной промышленности. Новгород, 1910. С. 2—87.

Е. В. Дианова

Сельскохозяйственные выставки в Вологодской губернии в 1910-е годы

Представлена информация о проведении в Вологодской губернии стационарных и передвижных сельскохозяйственных выставок в 1910-е гг. Выставки проводились с участием сельскохозяйственных обществ. В организации принимало участие Вологодское общество сельского хозяйства. Выставки выступали наглядным средством популяризации агрономических знаний, демонстрации техники и сельхозинвентаря, передовых способов ведения сельского хозяйства.

This article presents information on the organisation of stationary and travelling agricultural exhibitions in the Vologda province in the 1910s. Held with the participation of agricultural societies, including the Vologda Society of Agriculture, these exhibitions served as a visual means of popularising agronomic knowledge, showcasing equipment and advanced farming methods.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственные общества, сельскохозяйственные выставки, демонстрация, экспонаты

Keywords: agriculture, agricultural societies, agricultural exhibitions, demonstration, exhibits

Ученых, занимающихся аграрной историей, всегда интересовали различные формы и способы модернизации сельского хозяйства России. В своих трудах авторы анализируют кон-

сультационно-информационные и экспозиционно-демонстрационные формы сельскохозяйственного обучения [1, с. 85—87], специальные курсы и дополнительные школы [2, с. 72—75], сельскохозяйственные выставки [3, 96—99]. Выставки сельскохозяйственных машин и орудий труда, крестьянского племенного скота, выращенного с помощью передовых агротехнологий зерновых и огородных культур являлись эффективной формой распространения сельскохозяйственных знаний. О проведении выставок в Вологодской губернии имеются различные публикации, в том числе исторические справки [4, с. 97—99] и статьи [5, с. 93—99].

В начале XX в. выставки устраивались по всей стране, в том числе и в Вологодской губернии. В 1908 г. в Великоустюгском уезде проводилась конская выставка, в ней со своими лошадьми принимали участие жители города и пригородных селений. Также в 1908 г. в дни Афанасьевской ярмарки в городе Вельске была устроена выставка сельскохозяйственных машин. Крестьяне, прибывшие туда, могли увидеть триер Маро, льночистилку Бломериуса, соломорезку, молотилку и веялку, сортировки разных типов. Выставка машин проводилась для членов сельскохозяйственных обществ (далее — СХО), которые уже были знакомы с некоторыми видами техники. Малодорское СХО Вельского уезда показывало работу молотилки, Никифоровское СХО — работу веялки. Другие СХО демонстрировали плуги. Всякий желающий мог бесплатно испытать плуг в работе. Земство, передав плуги и другие машины и орудия труда в пользование обществам, полагало, что земледелец, работая ими, «заинтересовывает окружающее население» [6, с. 284—285].

В 1910 г. Вологодское общество сельского хозяйства (далее — ВОСХ) решило провести губернскую сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку. Заявки на участие поступили от Елизаветградского завода земледельческих машин из Херсонской губернии, Торгового дома «Густав Сиверс — Петербург», российского представительства завода

сельскохозяйственных машин из Франкфурта-на-Майне. В ВОСХ поступили заявки от иностранных фирм, поставлявших сепараторы и оборудование для молочных и маслодельных заводов. Среди них были Торговый Дом «Альфа-Нобель — Петербург», представительство акционерного общества «Бурмейстер Вайн — Москва», «Г. Гартман — Москва», склад сепараторов «Корона» (Москва).

Желание принять участие в выставке проявили книжные издательства «Агроном» и «Посредник», предложившие книги, брошюры, плакаты, специально подобранные библиотечки и учебные пособия для проведения чтений по сельскому хозяйству. Московский Союз потребительных обществ предложил литературу по кооперации и материалы для обследования кооперативов.

На губернской выставке 1910 г. в Вологде работники ВОСХ устроили отделы полеводства, луговодства, животноводства, сельскохозяйственных машин, кустарных изделий. В отделе кооперации были представлены результаты обследования кооперативов в виде диаграмм и плакатов. Общество обратилось к земствам с просьбой помочь в организации выставки, но на его призыв откликнулось только одно Тотемское уездное земство [7, с. 46], представившее на выставку кустарные изделия и ткацкий станок.

Другие участники, в основном частные лица, выставили маслобойки, молочные фляги, сита, ушаты. Крестьянин В. Н. Гусев из д. Овчино Сычевской волости Вологодского уезда показывал веялки, а крестьянин А. Д. Куликов Спасской волости того же уезда — железную борону собственной работы. Крестьянин А. А. Шестериков из д. Помогалово Несвоянской волости Вологодского уезда демонстрировал на выставке своих коров; зритель Леоновской земской станции Вологодского уезда Д. И. Розянов — лошадь; частный предприниматель Н. Н. Попов-Веденский (имение Ежово Кадниковского уезда) — семена ржи, овса, льна, тимофеевки, итальянских кур

и кроликов. Интерес к выставке проявили поставщики продуктов питания и продукции сельского хозяйства. Они предлагали яблоки разных сортов, мед, варенье из различных ягод и фруктов, минеральные и фруктовые воды.

Также на губернскую выставку 1910 г. поступила продукция вологодских кустарей — кружевные и роговые изделия. Принимались даже работы учащихся ремесленных школ. Такие экспонаты предоставили Тотемская Петровская школа и ремесленная школа из д. Айкино Яренского уезда. В целом, судя по заявкам, выставка могла быть признана вполне удачной. В ней участвовало 67 СХО [8, с. 25—26]. Однако в дальнейшем правление ВОСХ отказалось проводить выставки губернского масштаба, ограничиваясь поддержкой уездных выставок, устраиваемых местными СХО.

В Вологодском уезде выставку сельского хозяйства регулярно раз в 2 года (1912, 1914, 1916 гг.) проводило Больше-Ивановское СХО. В 1914 г. оно планировало устроить выставку с кустарным отделом. Для ее проведения СХО обратилось в земскую управу с ходатайством об ассигновании 150 руб. Из данной суммы 90 руб. шло на устройство выставки, 60 руб. — на награды. Выставку предполагалось устроить у Спасо-Угольного погоста Марьинской волости. Губернская управа решила «означенное ходатайство удовлетворить без особого ассигнования, так как на этот предмет испрашивается особый предмет вспомоществования сельскохозяйственным обществам». В то же время она согласилась выделить Больше-Ивановскому СХО дополнительно 125 руб. на устройство пункта по обработке льна [6, с. 188].

На сельскохозяйственных и кустарно-промышленных выставках проходила популяризация знаний в сфере техники луговодства. Отделы кормовых растений были устроены на выставках 8 сентября 1913 г. в Великом Устюге, 14—15 сентября 1913 г. — в с. Николо-Комьянском Грязовецкого уезда, 17 ноября 1913 г. — в Кадникове. На выставках демонстрировались

машины, сеялки, луговые и болотные плуги, звездчатые и лопатчатые бороны. Успешному участию крестьян в выставках в определенной мере помогали и знания в области сельского хозяйства, овладению которыми способствовали популярные агрономические чтения. Губернский специалист по культуре болот и луговодству Л. И. Моляков считал, что прямым следствием распространения знаний в сфере техники луговодства явились многочисленные заявления со стороны крестьян о желании заложить показательные участки. Преимущество показательных участков состояло в том, что «они как мера практического характера, действуют на сознание крестьян своей наглядностью и несомненной выгодностью улучшенных приемов культуры». Всего по губернии было 234 показательных участка, из них в 1913 г. было учтено 173 участка. Крестьянам, представившим на выставках лучшие образцы трав и кормовых растений, выдавались денежные премии [9, с. 4—5].

В 1913 г. в Киеве проходила Всероссийская кооперативная выставка. Ее организаторы отправили всем крупным организациям приглашения принять участие. ВОСХ выслало на Всероссийскую выставку в кооперативный отдел диаграммы о развитии вологодской кооперации, работе ВОСХ и Коммерческого отдела; карту размещения кооперативов в Вологодской губернии; модель маслодельного завода с полным оборудованием; комплекты журнала «Северный хозяин» за 1911, 1912 и 1913 гг.; альбом фотоснимков кооперативных зданий. Совет ВОСХ, принимая во внимание воспитательное значение экскурсий для кооператоров, постановил организовать в августе 1913 г. экскурсии кооперативных работников северного края на Всероссийскую выставку. Участниками экскурсии могли быть как лица, выбранные общими собраниями и правлениями, так и члены кооперативов, едущие по собственному почину и за собственный счет. Посещение кооперативного отдела на выставке должно было «неминуемо отразиться благотворным влиянием и на кооперативные знания, и на кооператив-

ную преданность посетителя — кооператора. И вернувшись в свои кооперативы, они неминуемо внесут в дело и свое увеличившееся знание дела, и свою возросшую преданность к нему» [10, № 10, с. 1, 10; № 11—12, с. 25].

Организацией выставок с целью пробудить в крестьянах интерес к сельскому хозяйству, кооперации и истории, сообщить знания, расширить их кругозор занимались культурно-просветительные кружки и общества. В 1918 г. в с. Прилуки Вологодского уезда Семеновский культурно-просветительный кружок устроил сельскохозяйственную выставку с отделами животноводства, луговодства, кооперации, где посетителям давались объяснения, показывались «туманные» картины по сельскому хозяйству. Открытие выставки, приуроченное ко второму дню храмового праздника Сретения иконы Димитрия Прилуцкого, состоялось 4 июня (по старому стилю). Несмотря на то, что вход был платный, ее посетило 157 человек, прибыла даже группа богомольцев из с. Благовещенского, расположенного на расстоянии 18 верст от Спасо-Прилуцкого монастыря. Всего организаторы выставки выручили 148 руб. 60 коп. За вычетом расходов чистая прибыль составила 116 руб. 20 коп. Из этой суммы 25% было отчислено в ВЦОСХ (29 руб.), 25% — в учительский фонд Вологодского отделения Всероссийского учительского союза (23 руб. 20 коп.), в распоряжении Семеновского кружка осталось 64 руб. [11, 20 июня, с. 3; 26 июня, с. 3].

Наряду со стационарными устраивались и передвижные выставки сельского хозяйства. Для их проведения разрабатывалась программа; намечался маршрут, дни и места остановок; подбирались соответствующие экспонаты. Для участия в выставке приглашались лекторы (агрономы, ветврачи, кооператоры). Затем весь экспозиционный материал (машины, орудия труда, инвентарь, пособия, плакаты, диаграммы, таблицы, коллекции, модели и макеты) загружался в железнодорожный вагон или на подводы для отправки по месту назначения,

население извещалось с помощью афиш и объявлений. Значение передвижных выставок в уездах Вологодской губернии заключалось в том, что «пропаганда кооперативной мысли, пропаганда хозяйственных улучшений должна быть заброшена и в эти глухие углы северных уездов, которые волею судеб будучи оторваны от общения с культурными людьми, культурными центрами, не знают, что творится не только на белом свете, но и около своего губернского города» [12, с. 8, 14].

Организовывались также плавучие выставки. Еще в мае 1912 г. из Вологды отправилась первая плавучая выставка-базар, организованная частным торговым предприятием — товариществом «Северный хозяин». Ее маршрут проходил по рекам Вологда, Сухона, Двина. Товарищество «Северный хозяин» обозначило цель выставки — наглядно познакомить с теми улучшенными орудиями, машинами и семенами, которые, безусловно, применимы в северных условиях, с одной стороны, а с другой — дать возможность крестьянину приобретать и заказывать их по самым добросовестным ценам. В местах остановки баржи по указанию земских агрономов проводилось испытание машин и орудий (сеялок, дисковых борон, зерноочистительных машин, молотилок) для продажи их населению. Кооператоры приветствовали плавучую выставку-базар как культурного проводника «сельскохозяйственных знаний в деревню» [12, с. 14, 17]. В Вологодской губернии, да и вообще на севере России, это был первый опыт проведения передвижных выставок.

Весной 1919 г. планировалось провести новую комплексную выставку с чтениями, курсами и экскурсиями по рекам Вологде, Сухоне и Кубенскому озеру. Организаторами плавучей выставки являлись вологодские кооператоры и Комитет по распространению сельскохозяйственных знаний при Московском Обществе сельского хозяйства. В программу чтений на выставке включались вопросы по различным отраслям сельского хозяйства и кустарным промыслам: полеводство, луговоеводство, скотоводство, лесоводство, добыча торфа. Во время

остановок вологодские кооператоры намеревались организовать сбор экспонатов и материалов по северному краю. К сожалению, «этому полезному предприятию» не суждено было осуществиться из-за «общей напряженной атмосферы» [13, с. 11—12].

Таким образом, в Вологодской губернии в 1910-е гг. практиковались экспозиционно-демонстрационные формы распространения знаний в области сельского хозяйства. Они воплотились в организации стационарных и передвижных сельскохозяйственных и кустарных выставок. В устройстве экспозиций участвовали сельскохозяйственные общества и отдельные сельские хозяева. Выставки привлекали внимание крестьян демонстрацией новых орудий труда и сельхозтехники, показом племенного скота и сортовых растений, изделиями кустарных промыслов и прочими достижениями крестьянских хозяйств. Распространение практических знаний являлось важным элементом аграрно-просветительной работы вологодских кооператоров, сельскохозяйственных обществ и Вологодского общества сельского хозяйства.

Список источников и литературы

1. *Книга М. Д.* Формы организации внешкольного сельскохозяйственного образования в Российской империи // Манускрипт. 2016. № 12 (74) : в 3 ч. Ч. 2.
2. *Савинова М. А.* Распространение сельскохозяйственных знаний в России в начале XX века // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2008. № 6 (10). С. 72—75.
3. *Книга М. Д.* Роль сельскохозяйственных выставок в просвещении крестьян Европейской России в годы столыпинской реформы // Сельская Россия: прошлое и настоящее : материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. (18—19 декабря 2014 г.). М., 2015. С. 96—99.
4. *Красавин С.* Сельскохозяйственные выставки в Вологде (историческая справка) // Кооперация Севера: журнал, издаваемый Северо-северным союзом при участии Лесоартели и Артельсоюза. Вологда, 1923. № 1. С. 97—99.

5. *Васин П. А.* Сельскохозяйственные выставки в Вологодской губернии // Ученые записки. Вологда, 1959. Т. 24 : Естественно-географический. С. 93—99.

6. *Доклады* 40-му очередному Вологодскому губернскому земскому собранию. Сессия 1909 г. Доклады по агрономическому отделу. Вологда, 1909.

7. *За пять лет (1908—1913)* : сб. ст. Вологда, 1913.

8. *Северный хозяин*. 1910. №2.

9. *Доклад* по отчету губернского специалиста по луговодству и культуре болот Вологодской губернии за 1913 год. Вологда, 1914.

10. *Северный хозяин*. 1913. №10, 11—12.

11. *Вольный голос Севера*. 1918.

12. *Северный хозяин*. 1912. №9.

13. *Северный хозяин*. 1919. №21.

М. Д. Карпачёв

Новые веяния в жизни воронежской деревни в годы проведения столыпинской аграрной политики

Анализируются экономические последствия курса на разрушение крестьянской общины, проводившегося в Воронежской губернии в 1907—1915 гг. Начавшаяся приватизация крестьянской надельной земли вела к повышению эффективности сельской экономики, к ускоренному переходу от отсталой аграрной экономики к рациональной рыночной. Однако реформы не были завершены из-за мировой войны и революции.

The article examines the economic consequences of reforms aimed at dismantling the traditional Russian peasant commune during the Stolypin agrarian policy period, from 1907 to 1915. Although land privatization initially increased the economic efficiency of peasant labour and hastened the transition from a backward agrarian economy to a more rational market one, the agrarian reforms were not completed due to World War I and the Great Russian Revolution of 1917.

Ключевые слова: крестьянство, община, Воронежская губерния, столыпинская аграрная политика, экономическая эффективность

Keywords: peasantry, commune, Voronezh region, Stolypin agrarian policy, economic effectiveness

О целях столыпинского аграрного курса историки спорят давно. Исследователи советского времени прежде всего выясняли классовое содержание инициированных третьим премьером

ром преобразований и неизменно указывали на консервативную и даже реакционную сторону политики П. А. Столыпина в деревне. Главу правительства упрекали, главным образом, в том, что он стремился сохранить помещичью земельную собственность и подвести под самодержавие новую опору в виде укрепившегося кулачества [1; 2; 3, с. 56—63]. В зарубежной и в отечественной литературе новейшего времени, напротив, упор делается на определение социально-политической целесообразности столыпинских преобразований. Исследователи стали приходить к выводу о том, что эти реформы были призваны заложить начала гражданственности в среде российского крестьянства [4—6]. В новейшей литературе стали преобладать оптимистические оценки аграрного курса, направленного на приватизацию крестьянской надельной земли. Впрочем, негативные суждения о перспективах аграрной политики премьера-реформатора не исчезли из современных публикаций. Выделяется, в частности, основательный труд британской исследовательницы Дж. Паллот. Автор увидела в столыпинских начинаниях административную утопию, так как курс на разрушение общины, по ее оценке, не мог обеспечить ощутимого экономического прогресса [7]. Автор не раз отмечала сопротивление крестьян попыткам реформировать общину. Гораздо меньше внимания она уделила тем крестьянам, которые проявили большую заинтересованность в успехе той же реформы [8, с. 187].

Так или иначе, у данной проблематики есть вполне самостоятельный аспект. Речь идет о выяснении сугубо хозяйственной результативности политики, основанной на постепенном сокращении общинного надельного землевладения. Как повлиял переход части крестьянства к индивидуальному хозяйствованию и приватизации земельных угодий на развитие культуры и на состояние аграрного сектора экономики? Японский историк Кимитака Мацузато справедливо подчеркнул, что без анализа этой стороны реформ нельзя всерьез воспринимать категорические суждения о крахе или, напротив, о

полном успехе правительственных начинаний того времени [9, с. 196]. Материалы, раскрывающие ход преобразований в Воронежской губернии, дают возможности для объективного анализа развернувшейся перестройки русской деревенской жизни.

Прежде всего местные источники свидетельствуют о безусловной и неотложной необходимости в реформах. Спустя 4 десятилетия после отмены крепостного права социально-экономическое положение воронежского крестьянства отличалось крайней противоречивостью. С одной стороны, земледелие и животноводство в губернии вступили в полосу острого и затяжного кризиса, о хроническом характере которого свидетельствовало широкое распространение в публицистике того времени термина «оскудение». Под этим звучным словом понималось депрессивное состояние экономики как помещичьих, так и крестьянских хозяйств. Крестьянство губернии тяжело перенесло голод неурожайных 1891 и 1892 гг., а воронежское дворянство в пореформенные годы неуклонно теряло свою земельную собственность. Выйти из такого печального положения без глубоких структурных преобразований и без чрезвычайных усилий всего общества было невозможно.

Причин у аграрного кризиса (или оскудения) было много. Прежде всего, уже в первые пореформенные десятилетия стало ясно, что возможности для продолжения экстенсивного сельского хозяйства в губернии исчерпаны. Всю вторую половину XIX и первые полтора десятилетия XX в. в черноземных губерниях наблюдался исключительно быстрый рост численности сельского населения, между тем свободного резерва еще не возделанных земельных площадей к тому времени не осталось. Если в 1862 г. в Воронежской губернии проживало около 1,9 млн чел., то в 1897 г. — уже около 2,5 млн, в 1905 г. — около 3,2 млн, а в 1914 — примерно 3,7 млн. Произошло значительное сокращение душевого земельного надела примерно с 4,8 дес. в 1861 г. до 2,6 дес. в 1905 г. В среде самого крестьянства, а также в кругах оппозиционной интеллигенции все

более настойчивый характер стали приобретать разговоры о крестьянском малоземелье как главной причине материальных затруднений народа. Значит, решение проблемы могло быть самым простым: надо было увеличить размеры крестьянского землепользования. Делать это следовало, конечно, путем принудительного перераспределения земельной собственности.

Однако вдумчивые наблюдатели уже в те годы хорошо понимали, что простого решения в данном случае нет. Корень проблемы виделся не в малоземелье (с просторами Воронежской губернии это понятие сочеталось плохо), а в росте избыточного сельского населения, в так называемом аграрном перенаселении региона. Доля сельского населения в губернии, несмотря на рост городов, и в начале XX в. доходила до 90%, между тем практически вся земля уже давно вошла в сельскохозяйственный оборот. По подсчетам некоторых специалистов, для обработки угодий в черноземных губерниях вполне могло хватить менее половины наличных рабочих сил, следовательно, столько же трудоспособных крестьян в деревне могли считаться относительно «лишними» [10, с. 115]. Такие расчеты нуждаются в уточнении, но факт оставался фактом: относительная перенаселенность воронежской деревни возрастала с каждым годом. Сохраняя архаику общинного строя, невозможно было устранить пресловутое крестьянское малоземелье.

Известный земский статистик Ф. А. Щербина, внимательно наблюдавший за жизнью воронежской деревни конца XIX в., отметил абсолютную неизбежность коренных перемен. «Когда же количество жителей, — писал он, — настолько увеличится, что земледельческих продуктов окажется мало для него и под руками не бывает свободных земель, тогда для населения предстоит обыкновенно тройкий исход — или усилить производительность той же площади земли, то есть повести более интенсивное хозяйство, или выселить приросший избыток жителей на сторону, или же изыскать, наконец, иные, помимо земледелия, материальные источники» [11, с. 244].

Второй и третий способы использовать было и проще, и привычнее. Первый, напротив, был наиболее труден, а для воронежского крестьянства попросту недоступен. Переходу к интенсивному хозяйствованию мешало слишком многое: и низкий культурный уровень деревни, и традиции уравнилельного землепользования, и отсутствие устойчивого спроса на крестьянскую продукцию. На протяжении веков община существовала для обеспечения материальных условий собственного крестьянского существования и плохо вписывалась в условия рыночного обмена. Не внушали больших надежд и выселения. Прираставший избыток жителей начал понемногу уходить из губернии уже в первые пореформенные десятилетия. Однако масштабы выхода до начала XX в. оставались относительно невысокими и заметного влияния на сокращение аграрного перенаселения они не оказывали [12, с. 9—10].

Более существенное значение имел поиск неземледельческих источников материального существования. Рост промышленности, развитие новых путей сообщения и городской жизни открывали неизвестные прежде перспективы. Все более значительная часть крестьянства перестала воспринимать обезземеливание как полную жизненную трагедию, находились иные, нередко гораздо более прибыльные, чем обработка земли, занятия. По сведениям переписи 1897 г., в Воронежской губернии было зафиксировано около 50 разных видов домашних кустарных промыслов, в которых было занято около 40 тыс. работников с годовым заработком в 3 млн руб. [13, с. 238]. Например, тысячи крестьян, в том числе безземельных, с успехом занимались сапожным промыслом в слободе Бутурлиновке. Уже через 20 лет после отмены крепостного права объемы производства сапог достигали здесь внушительной цифры — 1 млн пар ежегодно. Средняя цена за пару сапог составляла тогда 3—3,5 руб. Семья, в которой сапоги шил 1 мастер с помощником, зарабатывала на пошиве обуви в год около 250 руб. [14, с. 75]. Это был вполне приличный доход, если иметь в виду, что сумма годовых денежных повинностей (гос-

ударственных, земских и мирских) средней крестьянской семьи составляла около 30 руб., а, скажем, пуд говядины на городском рынке стоил около 3 руб., пуд ржи — около 80 коп. Примерно такие же заработки могли иметь и плотничьи артели, в состав которых входили сотни крестьян Нижнедевицкого уезда. «Зарабатываемые деньги, — отмечал современник, — идут на уплату податей, на наем земли под посев и на домашние нужды; а часть денег (от 1/6 до 1/3 получаемого заработка) пропивается» [15, с. 100]. Конечно, такие семьи продолжали заниматься и земледелием, но удельный вес привычного крестьянского труда у них заметно снижался. Под прессом земельной тесноты десятки тысяч воронежских крестьян начали систематически прибегать к отхожим промыслам. На заработки отправлялись целыми артелями, преимущественно в многоземельные казачьи станицы Дона, Кубани и Ставрополя. В хорошие годы сезонные заработки там заметно превосходили денежные доходы среднего крестьянина, остававшегося трудиться на своем наделе в родной губернии.

Новые виды заработков самым серьезным образом отражались на быте и на социальной психологии воронежской деревни. Быстро расширялись контакты крестьянства с окружающим миром, а дополнительные ресурсы давали возможность хотя бы частично удовлетворять новые потребности. Наблюдатели отмечали, что в селах с большой долей отходников в лучшую сторону менялся облик зданий, шире распространялась грамотность, выше становились материальные запросы крестьянства. По данным Б. Н. Миронова, обострявшееся малоземелье не помешало русскому крестьянству в конце XIX в. весьма существенно увеличить потребление продуктов питания, особенно ржи и картофеля (в 1913 г. на 37% больше, чем в 1890) [16, с. 466—467]. И так, значительная часть безземельных крестьян губернии находила новые источники пополнения жизненных средств. При этом социальная мобильность резко возрастала, что быстро расшатывало все привычные устои крестьянского общества. Крестьянство становилось

гораздо более требовательным, а его недовольство начинало проявляться с большой силой. «Теперь, иронизируют крестьяне, в светлой хате сын хватит по уху отца, а прежде этого не бывало», — подметил все тот же Ф. А. Щербина [11, с. 414—415].

Словом, борьба крестьянства с аграрной перенаселенностью не была вовсе бесплодной. Но все же в большинстве своем воронежские крестьяне пытались восполнить дефицит земельных ресурсов привычными методами народной экспансии. Во второй половине XIX в. велась интенсивная распашка выгонов, лесных угодий, лугов, сенокосов. За 3 десятка лет после отмены крепостного права пашня в Воронежской губ. увеличилась почти на 400 тыс. дес. или на 10%, население же выросло за эти годы почти на 40%. Размеры распаханых угодий стали превышать все разумные пределы. В результате положение земледельцев только ухудшилось. Сильное сокращение лесных и пойменных ресурсов обернулось ухудшением экологической обстановки. Земледельцы, отмечал в 1893 г. Ф. А. Щербина, «всюду почти в один голос показывали, что урожаи за последние годы понизились, что земля ухудшилась, что степей и лугов стало несоразмерно с другими угодьями меньше, что леса подверглись сильным истреблениям под влиянием непомерных запашек, что погода изменилась к худшему: ветра стали дуть чаще и порывистее, дожди выпадали внезапно, в виде разрушительных ливней на небольших пространствах, а не тихих обложных дождей, как это было в старину, обильные мокрые туманы перестали появляться, а наоборот участились сухие туманы, мгла, реки обмелели и засорились и т. п.» [17, с. 7—8]. Отчасти такие жалобы можно объяснить традиционными для обыденного сознания представлениями о том, что в прежние годы природа и люди были лучше. Тем не менее зафиксированный Щербиной факт сугубо потребительского отношения к природе сомнений ни у кого не вызывал и объяснялся чрезмерным давлением экстенсивных методов хозяйствования на среду обитания.

Аграрное перенаселение и вытекающие из него негативные явления в экономической и социальной жизни были тесно связаны с сохранением в воронежской деревне общинных принципов землепользования. Коллективное владение земельными угодьями к концу XIX в. полностью подтвердило опасения тех реформаторов, которые еще во время подготовки крестьянского освобождения предсказывали грядущую угрозу хозяйственному прогрессу в русской деревне. Конечно, вспоминал один из местных администраторов той поры, нашим «самобытникам» дороги круговая порука и коллективная земельная собственность с возможностью уравнительного передела. Но община поглощала личное право и личную ответственность крестьянина, при этом «общинное владение влечет за собой неизбежно, по-видимому, полный застой в хозяйственной культуре: ни травосеяния, ни хорошего выгона, ни правильного унавоживания — никакого улучшения община не допускает» [18, с. 23]. Общинный строй был неразрывно связан с господством патриархальных отношений как в труде, так и в семейно-бытовой сфере. «Нигде, — отмечал тот же очевидец, — вы не увидите такого царства насилия, как в крестьянской семье, и это некоторыми называется патриархальным бытом. Все это работает до изнеможения, пьет иногда до беспамятства, ест впроголодь» [18, с. 10]. Община могла относительно устойчиво функционировать только при наличии земельного простора, позволявшего использовать трехпольную систему возделывания пашни, исчерпанность же земельных ресурсов неизбежно делала общину все более агрессивной, причем главным образом по отношению к частной собственности и к личной инициативе. Революционные потрясения начала XX в. наглядно продемонстрировали, какой грозный потенциал социального взрыва таится в русской поземельной общине.

Принятый указом 9 ноября 1906 г. и другими мероприятиями столыпинского правительства курс на индивидуализацию крестьянской земельной собственности должен был положить конец господству общины, открыть простор хозяйственной

самодеятельности в деревне, а, значит, и ускорить переход к интенсивным формам земледелия на основе достижений современной агрикультуры и использования современной техники. В.И. Гурко, один из отцов новой аграрной политики, имел все основания утверждать, что община «принуждает своих членов равняться не по уровню знаний и предприимчивости наиболее развитых и энергичных своих членов, а наоборот, поневоле остается в области земледелия на уровне наименее знающих и несмышленных» [19, с. 160].

В Воронежской губернии нашлось немало энтузиастов новой политики. Перестройкой аграрных отношений энергично занимались члены землеустроительных комиссий, местная администрация, земские учреждения [20, с. 89]. Широкую просветительскую работу в деревне развернули десятки правительственных и земских инспекторов, агрономов, ветеринаров и других специалистов сельского хозяйства. Но новое дело продвигалось с большим трудом. «Крестьяне, — замечал Щербина, — в большинстве своем даже не могут представить себе, чтобы общинное землевладение могло быть заменено иною формою владения и пользования. По крайней мере, на поставленный исследователями вопрос о том, не желает ли общество, или нет ли в нем отдельных лиц, желающих перейти к подворному землевладению, крестьяне отвечали в большинстве случаев не только отрицательно, но и с явным недоумением» [11, с. 147]. Многовековые привычки сломать очень нелегко. Община была хорошо знакома, агрономы же звали к неизведанной жизни.

И все-таки реформы продвигались вперед. Как и предполагали организаторы преобразований, некоторые крестьяне молодых и средних возрастов (от 20 до 30% домохозяев) психологически были готовы перейти к новым принципам экономической жизни. Сторонники новой политики, безусловно, учитывали возросшую к началу XX в. мобильность сельского населения и крепнувшие желания предприимчивых крестьян освободиться от оков общинной регламентации. Социальные

последствия преобразований заслуживают отдельного исследования. Здесь же стоит отметить, что из 400 тыс. крестьянских дворов Воронежской губернии хозяева примерно 135 тыс. изъявили к 1915 г. желание выйти из общины и закрепить причитавшиеся наделы в собственности [21, с. 113—114]. Еще несколько десятков тысяч домохозяев, живших в общинах, в которых не было коренных переделов земли со времени падения крепостного права, были по закону 1911 г. объявлены наследственными владельцами находившихся в их распоряжении наделов земли. Таким образом, не менее половины всех крестьянских хозяйств губернии к началу первой мировой войны втянулись в процесс нового землеустройства.

Говоря о хозяйственных результатах развернувшегося реформирования, не забудем, что перестройка аграрных отношений в губернии (как и в России в целом) только начиналась. По расчетам правительства, индивидуализация крестьянской собственности должна была в основном завершиться к середине 1930-х гг., поэтому разговоры о полном успехе или, наоборот, о крахе реформ в данном случае представляются преждевременными и некорректными. Тем не менее анализ экономических показателей жизни воронежской деревни в условиях разворачивавшейся перестройки мог обнадежить сторонников мирного обновления народной жизни.

Прежде всего выяснилось, что перешедшие к индивидуальному землевладению крестьяне стали гораздо более внимательно относиться к пропаганде культурных и рациональных приемов обработки почвы. Если общинники, как правило, с недоверием относились к советам неожиданно появившихся в деревне агрономов и предпочитали держаться традиционной сохи и трехполья, то самостоятельные хозяева проявляли живой интерес к экономическим новшествам. Все чаще становились известными случаи успешного применения в хозяйствах специальных знаний. Так, в с. Попасном Богучарского уезда земский агроном устроил показательное поле на земле одного из крестьян, недавно покинувшего общину. На второй же год

это поле, по сравнению с соседними, дало доход в 1,5 раза больше. «Это получилось от того, — сообщали специалисты, — что агроном научил хозяина этого поля правильно разрабатывать и засеивать землю, правильно распределять на ней растения (ввел четырехпольный севооборот) и завел травы на пару и в отдельном клину». Успех показательного поля вдохновил еще около 40 хозяев перейти к усовершенствованной агротехнике. И если в этом селе обычный годовой доход общинника от земледелия составлял около 300 руб., то у «новаторов» он достигал 450 руб. [22, с. 2—3].

Курс на рационализацию сельской экономики наносил удар по традиционным представлениям крестьян о способах и приемах землепользования. Под влиянием упорной просветительской работы специалистов-аграриев, в том числе, между прочим, и ознакомительных поездок групп крестьян в районы с культурным интенсивным хозяйством, воронежские крестьяне начинали постигать выгоды рациональных нововведений. Как это ни удивительно, но только в начале XX в. воронежский крестьянин обнаруживал, что не только слепые силы природы, но и его собственные усилия способны повлиять на хозяйственные итоги года. Присущий русскому крестьянину фатализм и упование на волю Божию начинали уступать у вышедших из общины «единоличников» трезвому расчету и экономическому анализу. В том же Богучарском уезде некоторые крестьяне большого села Талы воспользовались указом 9 ноября 1906 г., вышли из общины и перешли на хутора и отруба. Один из «новаторов» сообщал, что свой надел в 6 дес. он распределил следующим образом: 1,5 дес. отвел под озимую рожь, а остальные 4,5 выделил под зябь и вспахал осенью. В конце того же 1913 г. он пошел на курсы агронома М. М. Богословского, на которых понял, что жить по старинке больше нельзя, «потому что мы своим неразумным чередованием растений на полях сеем хлеб по хлебу, и засоряем и истощаем землю, вследствие чего и получают такие низкие урожаи хлебов, да еще наполовину с семенами сорных трав, главным образом с семенами овсюга».

Агроном заложил на наделе этого крестьянина опытное поле и с весны 1914 г. ввел 4 клина: с паром, озимой рожью, пропашными и яровыми. Причем пар был двух видов: занятой, на котором была посеяна вика с ячменем на сено, и черный. Все лето пар поддерживался в чистоте, часть занятого была удобрена навозом. В дальнейшем все операции, включая лущение, боронование, отбор семян и т. п. проводил по советам агронома. В итоге сельскохозяйственный год был завершён с хорошими результатами, которых не было и не могло быть у соседей-общинников с их традиционным трехпольем. «Поэтому, — заключал крестьянин-новатор, — мой совет отрубщикам и хуторянам, если они еще хозяйствуют по старинке, переходить скорее к четырехполью и они получают благие результаты» [23, с. 23—24].

С появлением все более заметного слоя крестьян, принявших новые условия землепользования в губернии, естественно, возрастал сектор частного землевладения. Причем быстро увеличивалось именно крестьянское частное землевладение, поскольку у помещиков размеры имений продолжали неуклонно сокращаться. При этом мобилизация земельных угодий в руках крестьянина-новатора сопровождалась все более устойчивым ростом сельскохозяйственного производства. О существенных сдвигах в экономических показателях аграрного сектора губернии можно судить, если сопоставить данные статистики за 1907 и 1915 гг., погодные условия которых резко не отличались. Сбор всех хлебов в 1907 г. в губернии составил около 76 млн пудов, при этом около 50,5 млн пудов было собрано на крестьянских наделах. Если учесть, что на посев 1908 г. крестьяне отводили около 11 млн пудов зерна, то на собственные нужды у них оставалось около 39 млн пудов, что давало 13,8 пуда продовольственного зерна на человека. Кроме того, крестьяне располагали в 1907 г. 20,5 млн пудов картофеля (по 7,2 пуда на человека) [24, с. 11]. Надо учесть, что продовольственная норма на едока в год составляла, по данным земских статистиков, примерно 20 пуд. в год (хлеба и

картофеля). Таким образом, можно констатировать, что, по сути дела, весь собранный в 1907 г. урожай должен был уйти на собственное потребление крестьян-общинников. Ради этого, собственно, и существовала община. Основную же массу товарного хлеба давали, естественно, частновладельческие хозяйства.

Конечно, крестьяне тоже должны были везти осенью часть урожая на продажу; надо было платить налоги, заменять износившуюся часть инвентаря, кое-какие предметы потребления. Но при этом те же крестьяне весной становились самыми массовыми покупателями хлеба, поскольку действительных излишков у них все-таки не было. Все это свидетельствовало только об одном: рыночная конъюнктура не могла быть главным стимулом крестьянского общинного производства; смысл своего хозяйства общинник видел прежде всего в обеспечении своей семьи минимумом продовольственной и иной продукции. Общинное хозяйство, повторяем, никогда не было и не могло быть основой нормального рыночного обмена. Вот почему у современников не вызывал большого удивления тот факт, что буквально по всем культурам урожайность у частных землевладельцев Воронежской губернии всегда была выше, чем у общинников на 25—30%, а нередко и больше. В том же 1907 г. урожайность озимых у владельцев была сам-8,4, у крестьян-общинников — сам-5,4, яровых у владельцев — сам-5,7, у общинников — сам-3,6, картофеля у владельцев сам-7,8, у общинников — сам-5,2 и т. д. [24, с. 12].

Статистические сведения, собранные в 1915 г., свидетельствовали о крупных и при этом позитивных сдвигах в экономике воронежской деревни. Несмотря на значительное отвлечение рабочей силы из-за мобилизаций (в Воронежской губернии в армию были призваны почти 400 тыс. молодых крестьян), в 1915 г. сельскохозяйственное производство выглядело гораздо перспективней, чем в 1907 г. Озимых хлебов во втором военном году было собрано более 63 млн пудов, яровых — 72 млн пудов, а всего 135 млн пудов, почти на 50 млн пудов

больше, чем в год начала реформ [25, с. 3]. Столь внушительное увеличение производства сопровождалось симптоматическими переменами в аграрных отношениях. Прежде всего ощутимый рост товарности зернового производства наблюдался именно в крестьянских хозяйствах. Крестьяне стали заметно расширять посевы озимой пшеницы, культуры более продуктивной, чем рожь, но и требующей более совершенной агротехники. Так, в 1913 г. крестьяне израсходовали на семена пшеницы 71,5 тыс. пудов, в 1914 — 81,7 тыс. пудов, а в 1915 уже около 140,5 тыс. пудов. Таких подвижек ранее не наблюдалось, поскольку для собственного продовольствия общинники сеяли исключительно рожь.

Очень важно отметить также, что общий рост производства сопровождался чувствительным сокращением помещичьего землевладения. Если в 1914 г. помещики заняли под озимые 223 тыс. дес., то в 1915 — всего чуть больше 100 тыс. дес. При этом озимые поля крестьян выросли на 125 тыс. дес. и достигли почти 770 тыс. дес., то есть почти в 8 раз больше, чем у помещиков [25, с. 6]. Примерно так же увеличивались крестьянские поля и под другими культурами.

Конечно, аграрный курс Столыпина форсировал раскол в деревне. Ставка делалась на деятельные слои крестьянства. Вышедшие из общины трудились с куда большей эффективностью. На этот факт обратил внимание воронежский помещик и видный государственный деятель С. И. Шидловский. «Появилось то, — вспоминал он, — чего я раньше допустить не мог, и что было, в сущности, совершенно нормально. Крестьянские земли оказывались обработанными лучше, чем мои, и урожаи у них отнюдь не ниже, а выше моих». Улучшения распространялись по мере выхода из общины и дальше, «ни в чем только не затронувши надельные земли». Общинники же, сетовал Шидловский, продолжали вести допотопное хозяйство. «Понятно, что, видя вокруг себя подобные явления, я не мог не прийти к заключению, что общинное распоряжение

землею является самым крупным тормозом для улучшения земельной культуры, при каком мнении я и остаюсь до сего времени» [26, с. 36—37].

Дело, конечно, не в элементарной косности общинников. Экономика крестьянской общины носила закрытый и самодостаточный характер. На протяжении веков община помогала крестьянам выживать в суровой борьбе с природой и властями. Но, консервируя аграрную перенаселенность, та же община объективно не была заинтересована в производстве больших излишков сельскохозяйственной продукции. Если бы сотни тысяч крестьянских дворов Воронежской губернии вдруг резко повысили продуктивность своих полей, они тут же столкнулись бы с проблемой сбыта. Чрезмерные урожаи иногда оборачивались бедой, как это ни парадоксально звучит на первый взгляд. Так было, например, в 1897 г., когда губернатор В.З. Коленко с тревогой сообщал правительству о катастрофическом падении цен на зерно из-за высокого урожая и отсутствия спроса. Малому населению городов столько продукции не требовалось. Община уверенно себя чувствовала лишь на среднем уровне достаточности; большинство крестьян не было заинтересовано в высоких ценах на хлеб, напротив, они всегда учитывали, что им рано или поздно придется покупать его. Ситуация экономической безысходности порождала острое социальное беспокойство в деревне [27, с. 312].

Столыпинское реформирование было направлено на ликвидацию аграрной перенаселенности за счет целенаправленной поддержки хозяйственных инициатив крепких и трезвых крестьян-единоличников. Предполагалось, что промышленное и культурное развитие страны, развитие ее связей с внешним миром будут способствовать росту эффективности приватизированных крестьянских хозяйств. Известные основания для оптимистических прогнозов у сторонников реформ были.

На крестьянские хозяйства серьезное влияние стал оказывать рынок. Появление в губернии сахарных заводов привело к росту посевов сахарной свеклы, почти целиком отправляв-

шейся на продажу. В 1915 г. под сахарной свеклой в губернии было занято уже почти 20 тыс. дес. земли [27, с. 13]. Кроме того, все больше крестьян стали проявлять заинтересованность в выгодных для себя ценах на хлеб, поскольку его производство полностью покрывало потребности большинства семей. Таким образом, можно констатировать, что сокращение удельного веса общинных хозяйств сопровождалось в губернии постепенным переходом к более эффективным методам хозяйствования. В деревне наметился поворот громадного исторического значения: впервые за многие века развитие земледелия начинало связываться не с экстенсивным его распространением, а с интенсификацией производства и подъемом культуры. У этого поворота были обнадеживавшие приметы: даже начавшаяся мировая война не нарушила поступательного роста крестьянской экономики. Как показывало время, затраты на сельское хозяйство довольно скоро приносили хорошие плоды. «Трехлетняя агрономическая деятельность, — с удовлетворением отмечал обзор 1914 г., — не осталась без достаточных результатов: среди общей массы крестьян можно найти немало хозяев, которые завели уже улучшенные сельскохозяйственные орудия, породистый скот, разбили сады, применяют культурные способы обработки почвы и приемы по уходу за посевами и пр.; число таких крестьян с каждым годом увеличивается» [28, с. 3].

Еще раз подчеркнем, что позитивные результаты были достигнуты в первую очередь в хозяйствах крестьян, прошедших через новое землеустройство. Их опыт служил примером, поэтому даже в 1915 г. землеустроительные губернии получили 13011 ходатайств от крестьян по образованию единоличных владений [29]. В немалой степени хозяйственным успехам отрубников содействовало развернувшееся в губернии массовое кооперативное движение. Кроме того, во время мировой войны именно крестьянство извлекло наибольшие выгоды из введения в стране сухого закона. По многочисленным свидетельствам очевидцев, пьянство в деревнях Воронежской губернии

с лета 1914 г. резко сократилось, а сохранившиеся средства крестьяне направляли на укрепление своих хозяйств. «Вследствие закрытия казенных винных лавок, — с удовольствием доносил Богучарский уездный исправник в октябре 1914 г., — все население трезво, усиленного разврата не замечалось и особо выдающихся каких-либо явлений, заслуживающих внимания за истекший сентябрь месяц в Богучарском уезде, не было» [30, ф. 6, оп. 2, д. 405, л. 33]. При этом крепкие и самостоятельные хозяева отнеслись к сухому закону с гораздо большим сочувствием, чем общинники, для которых совместные выпивки давно стали нормой [32, с. 245].

Однако до решительных сдвигов в сторону интенсивного сельского хозяйства в губернии было, конечно, еще далеко. Большинство крестьян продолжало держаться общинных традиций и надежды на улучшение своего положения связывало с перераспределением земельной собственности. Коренная реконструкция сельского хозяйства не могла быть совершена только за счет аграрных преобразований. И тем более его нельзя было разрешить путем дополнительного наделения крестьян землей за счет более культурных частновладельческих хозяйств. Стимулировать повышение эффективности должно было ускоренное развитие промышленности и путей сообщения, городской инфраструктуры и связанное с такими процессами радикальное изменение структуры общества. Мировая война и разразившийся на ее исходе вихрь революционных потрясений прервали нелегкое реформирование. При советской же власти проблема избыточного аграрного населения решалась специфическими методами административно-командного свойства.

Список источников и литературы

1. *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963.

2. *Сидельников С. М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980.

3. *Ковальченко И. Д.* Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // ИСССР. 1991. №2. С. 52—72.

4. *Фёдоров Б. Г.* Петр Столыпин: «Я верю в Россию» : в 2 т. СПб., 2002.

5. *Хомулев В. В.* Пётр Столыпин: Трагедия России. М. ; Смоленск, 1998.

6. *Macey D.* Agricultural Reform and Political Change: the Case of Stolypin // Reforms in Modern Russian History: Progress or Cycle? Cambridge, 1995.

7. *Pallot J.* Land Reform in Russia. 1906—1917. Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999.

8. *Пэллот Дж.* Разрушила ли общину столыпинская реформа // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2004. №1.

9. *Мацузато К.* Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. №6. С. 194—200.

10. *Иванов А. А.* Аграрное перенаселение в Центрально-Черноземном регионе России начала XX в. и его последствия // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России : материалы науч. конф. Липецк, 1998.

11. *Щербина Ф. А.* Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887.

12. *Небольсин А. Н.* Переселенческое движение крестьян из Воронежской губернии. Воронеж, 1928.

13. *Журналы* Воронежского губернского собрания очередной сессии 1913 г. Воронеж, 1914.

14. *Скиада М. М.* Производство крестьянских сапогов в слободе Бутурлиновке Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1878—79 гг. Воронеж, 1879. С. 73—78.

15. *Воскресенский П. В.* Кустарные промыслы в Нижнедевицком уезде, имеющие характер отхожих промыслов // Памятная книжка Воронежской губернии на 1878—79 гг. Воронеж, 1879. С. 66—72.

16. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.

17. *Щербина Ф. А.* Хозяйственные нужды Воронежского края // Протокол заседания членов Воронежского отделения Императорского Московского общества сельского хозяйства. Воронеж, 1893.

18. *Новиков А. И.* Записки земского начальника. СПб., 1899.

19. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

20. *Карпачёв М. Д.* Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века // *Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII — начале XX века* : сб. науч. тр. Воронеж, 2002. С. 78—101.

21. *Гульцев Н. Н.* Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952.

22. *От* кого зависит полезность агронома // *Вестник Богучарского общества сельского хозяйства*. 1915. № 5.

23. *Письмо* крестьянина-отрубщика // *Вестник Богучарского общества сельского хозяйства*. 1915. № 12—13.

24. *Обзор* Воронежской губернии за 1907 г. Воронеж, 1908.

25. *Обзор* Воронежской губернии за 1915 г. Воронеж, 1916.

26. *Шидловский С. И.* Воспоминания (1861—1922). Берлин, 1923. Ч. 1.

27. *Воронежские* губернаторы и вице-губернаторы, 1710—1917 : историко-биографические очерки. Воронеж, 1999.

28. *Обзор* Воронежской губернии за 1914 год. Воронеж, 1915.

29. *Постановления* Воронежского губернского земского собрания по экономическим вопросам. Воронеж, 1916.

30. *Государственный архив* Воронежской области.

31. *Астырев Н. М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886.

Коллективные формы хозяйственной деятельности в черноморской деревне в период новой экономической политики (1920-е годы)

Рассмотрены коллективные формы хозяйственной деятельности крестьян Черноморского округа в 1920-е гг. Представлены виды, численность, социальный состав коллективных хозяйств, основные направления их деятельности, а также выявлены основные проблемы, препятствующие эффективному развитию.

This article examines the collective forms of economic activity among peasants of the Black Sea District during the 1920s. It analyses the types, number and social composition of collective farms, outlines their main areas of operation, and identifies the key challenges impeding their effective development.

Ключевые слова: коллективные формы хозяйственной деятельности, новая экономическая политика, черноморская деревня, артель, коммуна

Keywords: collective forms, new economic policy, Black Sea village, *artel*, commune

В годы осуществления новой экономической политики значительное внимание уделялось развитию разных видов кооперации. В первой половине 1920-х гг. были расширены функции сельскохозяйственных кооперативов и в их деятельности достигнуты «определенные качественные сдвиги» по сравнению с дореволюционным периодом [1, с. 432].

Кооперирование имело важное значение для производственной деятельности крестьянских хозяйств Черноморского округа. Здесь основные направления сельского хозяйства (табаководство, садоводство, виноградарство) предполагали значительное вложение капитала и труда.

В первые годы нэпа (1921—1924) приоритетной формой объединения крестьян была артель, где частично обобществлялись отдельные трудовые процессы (заготовка, первичная переработка и сбыт продукции). По данным на июнь 1921 г. в округе существовало 36 артелей, в которые входило 2350 человек. Число коммун, которые предполагали обобществление всех средств производства, составляло 6 (261 человек) [2, ф. 1, оп. 1, д. 190а, л. 4].

Одним из основных методов установления государственного контроля за деятельностью кооперативных организаций было непосредственное участие в них представителей партийных органов. Так, Черноморский окружной комитет РКП(б) в отчете за май — июнь 1924 г. отметил, что «главной задачей... в ближайшее время явилось окоммунизирование аппарата кооперации, в настоящий момент... удалось подвести под него вполне удовлетворительный фундамент к завоеванию кооперации коммунистами. Весь кооперативный состав за исключением отдельных единиц... удалось освежить путем влития туда членов РКП б)» [3, ф. 17, оп. 16, д. 1002, л. 37].

До конца 1924 г. кооперативные организации в округе подчинялись непосредственно Кубанскому сельскому союзу (Кубсельсоюз). В декабре 1924 г. в связи со спецификой производства окружные кооперативы были отделены от Кубсельсоюза и объединены под началом окружного координирующего центра — Черноморского сельского союза (Черсельсоюз), созданного на базе Новороссийского отделения Кубсельсоюза [3, ф. 17, оп. 16, д. 998, л. 100]. При этом Черсельсоюз принял от Кубсельсоюза обязанности по выплате значительной суммы задолженности, что существенно осложнило его дальнейшее функционирование [2, ф. 9, оп. 1, д. 763, л. 20].

В 1924 г. было зафиксировано снижение численности кооперативных организаций почти в 4 раза. Окружные власти, анализируя их деятельность, неоднократно обращали внимание на «маложизненность» и «карликовость». Были определены и основные причины, препятствующие нормальной деятельности кооперативов: плохая организация работы; недостаток материальных средств; отсутствие дорожного сообщения между сельскими населенными пунктами [4, ф. Р-158, оп. 1, д. 195, л. 30].

Со временем преобладающей формой кооперирования крестьян становятся товарищества, предполагающие объединение земли и труда. В феврале 1925 г. в округе насчитывалось 11 товариществ из 230 человек, в 1926 г. их стало 63, и в их состав уже входило 1910 человек [5, ф. 2443, оп. 4, д. 30, л. 21]. Наиболее распространенными были товарищества по совместному выращиванию и обработке табака, мелиоративные товарищества, садово-виноградарские и животноводческие.

Произошли изменения и в системе управления кооперативными организациями. Появился ряд специальных союзов, обслуживающих низовую сеть кооперации. Так, в 1925 г. у товариществ по совместному производству табака появилась своя координирующая организация — «Чертабаксоюз» [2, ф. 9, оп. 1, д. 531, л. 40]. Мелиоративные товарищества входили совместно с аналогичными объединениями Кубанской области в Кубано-Черноморский союз мелиоративных товариществ. В этой ситуации Черноморский союз сельхозкооперации как организация универсального типа утратил свое значение. Кроме того, его положение осложнилось недостатком денежных средств, ростом дефицита бюджета из-за большой задолженности. В связи с этим 2 июля 1926 г. на заседании Бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) было принято решение о ликвидации Черсельсоюза [6, ф. 7, оп. 1, д. 257, л. 2].

Важную роль в развитии сельскохозяйственной кооперации в округе играли товарищества по совместному производству табака. Табаководство — одна из основных отраслей про-

изводства черноморской деревни — требовало вложения значительных средств и трудовых затрат. В связи с этим кооперирование табаководов имело особое значение. В 1925 г. была создана организация «Чертабаксоюз», которая объединила 15 табаководческих товариществ. В функции данной организации входила агрономическая помощь табаководам, снабжение их необходимым инвентарем, а также закупка табака. Большая часть товариществ по совместному выращиванию табака находилась в Сочинском и Туапсинском районах. Их социальный состав был следующим: бедняцких хозяйств — 1316 (23,6%), середняцких — 3868 (66,2%), зажиточных — 573 (10,2%). Потомственные табаководы — армяне и греки — составляли 76% членов данного вида товариществ. Финансы «Чертабаксоюза» имели следующую структуру: заемные средства составляли 2003,805 тыс. руб. (44,7%); активные подвижные ценности имелись на сумму 2259 тыс. руб. (50,3%); собственные средства табаководов насчитывали 220,641 тыс. руб. (4,9%). В числе специальных капиталов имелся фонд бедноты в сумме 14 тыс. руб., образованный Сочинским, Лооским, Пилленковским и Адлерским товариществами [2, ф. 9, оп. 1, д. 817, л. 18—19].

Существенное значение для развития экономики черноморской деревни имели мелиоративные товарищества. В условиях острого недостатка сельскохозяйственных угодий коллективные работы по мелиорации позволяли расширить площадь используемой земли. В 1925 г. мелиоративных товариществ было 7, а в 1926 г. — 10. Основная часть этих организаций находилась в районах с благоприятными для выращивания табака природно-климатическими условиями — Крымском и Анапском, и одно товарищество располагалось в Сочинском районе по берегам Имеретинской бухты. Социальный состав был следующим: бедняки — 1243 человека (50%), середняки — 1221 человек (49%), зажиточные — 48 человек (1%). Из всех членов товариществ 1537 человек (62%) являлись полными пайщиками. Земля, осушенная в ходе мелиора-

тивных работ, распределялась между членами товариществ бесплатно в качестве паев размером от 1/16 до 1 дес. Также практиковалась сдача земли в аренду за установленную плату или в счет производства тех или иных видов работ [2, ф. 9, оп. 1, д. 841, л. 131—136].

В рассматриваемый период в Черноморском округе существовали и другие виды товариществ. По данным на 1926 г., здесь насчитывалось 6 садово-виноградарских товариществ, большинство из которых (4 товарищества) находились в Крымском районе. Машинных товариществ было 5, располагались они в Крымском (2 товарищества) и Анапском (3 товарищества) районах. Два животноводческих товарищества были в Анапском и Геленджикском районах. В округе существовало также 2 рыбопромышленных и 1 пчеловодное товарищество, все они находились в Анапском районе [7, с. 31].

Товарищества практиковали отчисления на кооперирование бедноты. В Черноморском округе эти средства распределялись «в порядке добровольности» между бедняками, вступающими пайщиками в кооперацию. В противном случае беднота не могла вступать в кооперативы из-за недостатка денежных средств [2, ф. 9, д. 648, оп. 1, л. 77].

В черноморской деревне, кроме товариществ, продолжали функционировать и сельскохозяйственные артели. В 1926 г. в округе насчитывалось 27 артелей, которые объединяли 251 крестьянское хозяйство [5, ф. 9, д. 648, оп. 1, л. 77]. В них входили, как правило, бедняцкие и середняцкие хозяйства. Члены большинства артелей вели единоличное хозяйство и объединялись только для работ, требующих значительных затрат труда (расчистка участков от лесной растительности и т. п.). Нередко члены артели были связаны между собой родственными узами. По такому принципу, например, функционировали артели армянских селений Хлебороб и Луйс, расположенные в Сочинском районе [4, ф. Р-158, оп. 1, д. 54, л. 6].

Кооперативные объединения сталкивались с теми же проблемами, что и в начале десятилетия: недостатком материаль-

ных средств и плохой организацией работы. В конце 1926 г. Черноморский окружком констатировал, что в 1925—1926 гг. сельскохозяйственная кооперация переживала острый кризис, и положение ее еще остается тяжелым. Данное утверждение было аргументировано следующими фактами: во-первых, задолженность кооперации кредиторам возросла с 584 тыс. руб. в 1925 г. до 1074 тыс. руб. в 1926 г.; во-вторых, собственные средства увеличились с 245 тыс. руб. до 469 тыс. руб., но исключительно за счет неликвидной части активов [2, ф. 9, оп. 1, д. 529, л. 13]. В связи с этим вполне справедливым представляется мнение одного из делегатов, выраженное в прениях на X окружной конференции РКП(б): «Рост кооперативных единиц еще мало говорит об укреплении кооперации... Число кооперативных объединений росло, но это не говорило об их жизнеспособности...» [2, ф. 9, оп. 1, д. 529, л. 13].

В последней трети 1920-х гг. для государственной кооперативной политики была характерна тенденция, которая, по словам Л. Файна, заключалась в том, что «административное принуждение вновь становится основным методом в отношении советской власти к кооперации» [1, с. 535]. На XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) была провозглашена главная задача партии в деревне — объединение и преобразование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы. Этот процесс должен был осуществиться непосредственно через кооперацию. В понимании правящей партии коллективные хозяйства означали объединение крестьянского труда и производительных сил, а их деятельность должна была осуществляться под руководством государства. В этом заключалось их отличие от артелей и товариществ, которые в документах периода нэпа также именовались колхозами.

С 1927 г. в соответствии с государственной политикой власти Черноморского округа предпринимают ряд мер, направленных на поддержку колхозов и улучшение их положения. Ранее колхозы платили арендную плату наравне с единоличниками. С 1927 г. они получили территории, находящиеся

в ведении комитета Государственного земельного имущества, в бесплатное и бессрочное пользование, а строения и инвентарь — безвозмездно в единый неделимый капитал. Все задолженности по арендной плате, имеющиеся у колхозов, были списаны. С октября 1928 г. по май 1929 г. колхозам Черноморского округа было выделено 306,868 тыс. руб. производственных кредитов [4, ф. Р-158, оп. 1, д. 93, л. 13].

Характерной особенностью черноморской деревни было то, что крестьяне объединялись в колхозы, как правило, по национальному признаку. Таких колхозов в черноморской деревне насчитывалось 38, что составляло 22,7% от общей численности коллективных объединений. Наибольшее количество национальных колхозов (10) было образовано армянами; 8 из них располагались в Туапсинском и Сочинском районах и специализировались на производстве табака; и только 2 армянских колхоза в Анапском районе имели зерново-виноградское направление. Греческих колхозов насчитывалось 6, они были разбросаны по всем районам округа, исключая Сочинский, и имели разную специализацию: зерновую, виноградскую, табаководческую. В Сочинском районе находилось 4 эстонских колхоза, которые выращивали фрукты и табак.

Многие крестьяне, вступающие в колхозы, не скрывали, что их помыслы «были направлены на льготное получение земли и всевозможных ссуд» [4, ф. Р-158, оп. 1, д. 120, л. 3]. Поэтому результативность деятельности колхозов была довольно низкой, они не могли продемонстрировать ожидаемую эффективность коллективного труда на общей земле. По мнению окружных властей, эти объединения были «недостаточно авторитетны... так как иногда колхозы ведут хозяйство даже хуже, чем сам крестьянин» [2, ф. 9, оп. 1, д. 767, л. 104]. Тем не менее в конце 1920-х гг. в черноморской деревне, как и в целом по стране, колхозы становятся преобладающей формой хозяйственной деятельности, вытесняя единоличные хозяйства.

Список источников и литературы

1. *Файн Л.Е.* Российская кооперация: историко-теоретический очерк: 1861—1930. Иваново, 2002.
2. *Центр* документации новейшей истории Краснодарского края.
3. *Российский* государственный архив социально-политической истории.
4. *МКУ* «Архив г. Сочи».
5. *Государственный* архив Ростовской области.
6. *Центр* документации новейшей истории Ростовской области.
7. *Отчет* о работе Черноморского окружного исполнительного комитета 7-го созыва (1925—1926 гг.). Новороссийск, 1927.

УДК 94 (47+57)

В. В. Наухацкий

Сельское хозяйство Северо-Кавказского региона в 1922—1991 годах: этапы и динамика

Рассматриваются этапы, динамика, противоречия и результаты развития сельского хозяйства Северного Кавказа в 1922—1991 гг. Отмечается, что определяющими факторами развития сельского хозяйства были аграрная политика и исторические условия эпохи (форсированная модернизация, война).

This study analyses the stages and dynamics of agricultural development in the North Caucasus from 1922 to 1991, along with the associated regional contradictions and outcomes. It is concluded that the determining factors in the development of agriculture were the agrarian policy and the historical context, such as forced modernization and war.

Ключевые слова: сельское хозяйство, СССР, Северный Кавказ, Дон, Кубань, Ставрополье

Keywords: agriculture, USSR, North Caucasus, Don, Kuban, Stavropolye

Советская аграрная политика опиралась на определенный набор доктринальных установок, которые задавали единый вектор развитию сельского хозяйства, механизмы же партийно-государственного руководства были универсальны в пределах страны. Определяющими факторами роста сельского хозяйства были также необходимость форсированной модер-

низации и исторические условия предвоенной, военной и послевоенной эпохи. Разумеется, региональная специфика аграрного развития зависела и от географических и природно-климатических особенностей территории.

На реализацию аграрной политики и совершенствование сельского хозяйства оказали влияние и особенности края: выгодное географическое положение, благоприятные природные условия для развития сельского хозяйства, значительные массивы плодородных земель, определенные особенности социально-экономических отношений (казачий характер районов Дона, Кубани, Терека, наличие, «казачьих» и «иногородних» традиций и предрассудков).

В сельском хозяйстве Северо-Кавказского края восстановительные процессы в период нэпа не были завершены. Как отмечалось в отчете Северо-Кавказского крайземуправления за 1932 г., к началу 1920-х гг. в регионе под влиянием мировой войны сократилась численность трудоспособного населения, из сельского хозяйства края было изъято значительное число рабочих лошадей, был закрыт доступ товарной продукции на мировой рынок. Гражданская война привела к еще большему упадку сельского хозяйства [1, ф. Р-1185, оп. 4, д. 128, л. 3—4].

В 1921 г. большинство местностей Северного Кавказа было поражено неурожаем [1, ф. Р-1185, оп. 4, д. 128, л. 4]. В 1922 г. посевные площади сократились до 51,4% от площади посева 1913 г., поголовье скота — до 37,3%, тягловая сила — до 35,7% [2, ф. Р-7, оп. 1, д. 787, л. 63; 3, с. 147].

Степень восстановления сельского хозяйства была ниже в сравнении с общесоюзными показателями. Посевная площадь края по отношению к 1913 г. составляла в 1926 г. — 81,6%, в 1927 г. — 87,4%, в 1928 г. — 84,6% [1, ф. Р-1185, оп. 4, д. 128, л. 12]. Отметим, что общая посевная площадь в СССР по отношению к 1913 г. составляла в 1926 г. — 88,0%, в 1927 г. — 94,4%, в 1928 г. — 96,6% [2, ф. Р-7, оп. 1, д. 787, л. 63].

Статистические данные свидетельствуют об отсутствии роста урожайности зерновых культур в годы нэпа. Между тем,

в довоенное время край отличался относительно повышенной урожайностью. Валовой сбор зерновых культур по краю в сравнении с 1913 г. (9580,5 тыс. т) в 1925 г. составлял 6534,3 тыс. т (68,2%), в 1926 г. — 5307,6 тыс. т (55,4%), в 1927 г. — 3909,9 тыс. т (40,8%), в 1928 г. — 4054,1 тыс. т (42,3%). В результате, если в 1913 г. товарные излишки зерновых культур в регионе составляли 3791,8 тыс. т, то в 1925 г. — 2482,8 тыс. т (65,5%), в 1926 г. — 1869,7 тыс. т (49,3%), в 1927 г. — 981,8 тыс. т (25,9%), в 1928 г. — 839,5 тыс. т (22,1%) [2, ф. Р-7, оп. 1, д. 787, л. 68—69].

Сняв остроту социально-экономических и политических проблем начала 1920-х гг., нэп не создал прочных предпосылок для развития сельской экономики. Таким образом, сельское хозяйство региона к концу 1920-х гг. не достигло довоенных показателей. Снижение товарности зернового производства не могло не сказаться на характере хлебозаготовок в регионе.

Переход к форсированной коллективизации был непосредственно связан с хлебозаготовительным кризисом 1927/1928 г., в ходе которого широко применялись чрезвычайные меры, которые впоследствии проводились и в 1928—1929 гг.

В январе-феврале 1930 г. в регионе проходило активное колхозное строительство [1, ф. Р-1390, оп. 6, д. 985, л. 1; ф. Р-2070, оп. 1, д. 234, л. 64—65]. Одновременно с созданием колхозов в крае шло «раскулачивание». В справке «Сведения о численности кулацких хозяйств, количестве массовых крестьянских выступлений и репрессивных мероприятиях ОГПУ в Северо-Кавказском крае» (не ранее 20 сентября 1930 г.) сообщалось, что общее число кулацких хозяйств — 42 303, выселено 22 888, расплылось 20 015 [4, с. 642].

Специфика региона состояла в том, что на его территории проживали казаки. В середине 1920-х гг. в крае насчитывалось свыше 2,1 млн донских, терских и кубанских казаков (32,0% сельского населения края). Коллективизация сопровождалась рядом антиказачьих акций.

Начальный период коллективизации ознаменовался сложностями в проведении хлебозаготовок, в результате которых экономические возможности колхозов были подорваны, а колхозники столкнулись с продовольственными трудностями. Из-за неблагоприятных погодных условий урожай 1932 г. оказался намного ниже ожидаемого [2, ф. Р-7, оп. 1, д. 1286, л. 63], что не было учтено в плане хлебозаготовок. По этой причине во втором полугодии 1932 г. и начале 1933 г. хлебозаготовки на Кубани, Дону и Ставрополье проходили с огромными затруднениями. По предложению комиссии Л. М. Кагановича за «саботаж хлебозаготовок» на «черную доску» газеты «Молот» было занесено 13 кубанских и 2 донских станицы.

Показательным стало выселение «за саботаж хлебозаготовок» за пределы края жителей станиц Полтавской, Медведовской, Урупской, Уманской, Ново-Рождественской, Платнировской, Бейсугской и Пластуновской [5, с. 3—23]. Из них было выслано к середине января 1933 г. не менее 63,5 тыс. человек. В целях укрепления колхозов было организовано переселение колхозников и красноармейцев из других районов страны. Всего было переселено примерно 50 тыс. демобилизованных красноармейцев с семьями [1, ф. Р-2608, оп. 1, д. 4, л. 10; 2, ф. Р-7, оп. 1, д. 1375, л. 102; ф. 7, оп. 1, д. 1307, л. 106].

На рубеже 1932—1933 гг. сельское население края столкнулось с голодом. В феврале 1933 г. бюро крайкома признало в своих официальных решениях «факты прямого голодания в отдельных станицах» [2, ф. Р-7, оп. 1, д. 1307, л. 48]. Значительные потери от голода понесли большинство районов Кубани, Дона и Ставрополья [6, с. 598, 664, 666].

В целях преодоления кризиса и укрепления колхозно-совхозного строя были созданы политотделы МТС и совхозов [7, с. 204; 8, с. 10]. Деятельность политотделов сопровождалась широким применением административно-репрессивного ресурса в отношении крестьянства, но способствовала преодолению наиболее тяжелых последствий сплошной коллективизации и голода. В последующие годы наблюдалась определенная стабилизация аграрного сектора.

Крайне негативное влияние на развитие сельского хозяйства региона оказали война и оккупация 1941—1943 гг. Аграрная политика носила военно-мобилизационный характер. Абсолютно приоритетной обязанностью колхозов и совхозов в дооккупационный период стало выполнение госпоставок.

Северный Кавказ относился к числу регионов, в которых был нанесен колоссальный ущерб аграрному сектору. Были огромные потери в технике, резко сократились площади земель, снизилась урожайность культур, уменьшилось поголовье и продуктивность скота. Были выведены из строя сельхозпредприятия, МТС, животноводческие постройки. Численность колхозников с 3471,7 тыс. в 1940 г. сократилась до 2688,9 тыс. человек в 1945 г. [9, с. 64, 68—69].

В период войны масштабы производства продукции растениеводства и животноводства существенно сократились. В экстремальных условиях колхозам и совхозам предъявлялись планы обязательных поставок продукции, превышавшие их возможности. Ослабленные войной, лишенные значительных трудовых ресурсов и техники, колхозы и совхозы не могли выполнить их в полном объеме. Так, колхозами Дона, Кубани и Ставрополя в 1943, 1944, 1945 гг. план зернопоставок и мясopоставок ни разу не был выполнен, причем невыполнение было подчас существенным. В 1945 г. план мясopоставок в регионе был выполнен на 17,1 % [10, с. 39].

В 1946 г. страну поразила жесточайшая засуха, охватившая ряд районов, в том числе и Северный Кавказ. В крае возросли продовольственные трудности, а в ряде сельских районов начался голод [11].

В первые послевоенные годы много внимания уделялось организационно-хозяйственному укреплению хозяйств. ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР 19 сентября 1946 г. приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» в условиях его массовых нарушений.

Несмотря на проведенную работу, нарушения Устава артели имели место и годы спустя, что нашло отражение в документах органов власти региона в 1950—1952 гг. [1, ф. Р-3737, оп. 2, д. 1121; ф. Р-4127, оп. 1, д. 1665, л. 10; 2, ф. Р-9, оп. 1, д. 1155, л. 21; д. 1127, л. 33—35]. Подчеркнем, что колхозы, совхозы и хозяйства населения находились длительное время в экстремальных условиях почти тотального разорения оккупированных территорий, что определяло многое в колхозно-совхозной жизни.

Несмотря на некоторые достижения в возрождении хозяйства, положительную динамику восстановления посевных площадей, поголовья скота, рост производства продукции, сельское хозяйство региона в начале 1950-х гг. не смогло превзойти довоенные показатели. Острая нехватка техники и кадров, низкие заготовительные цены, низкий уровень оплаты труда, упадок социально-бытовой сферы, превалирование административно-приказных методов руководства, высокий уровень изъятия продукции из аграрной сферы негативно отражались на восстановлении хозяйств.

В экстремальных условиях, при тотальном дефиците всех факторов производства (финансовые ресурсы; сельскохозяйственная техника, машины и механизмы; трудовые ресурсы; хозяйственная инфраструктура; отсутствие удобрений; резкое сокращение поголовья скота; отсутствие селекционной работы; сокращение пашни и разрушение севооборотов; разрушение мелиоративных систем; и т. д.) аграрная политика не может быть эффективной ни по критериям мирного времени (себестоимость, рентабельность и др.), ни с точки зрения выполнения военно-мобилизационных планов снабжения армии и промышленности продовольствием и сырьем.

Во второй половине 1953 г. политическим руководством СССР были провозглашены перемены в аграрном курсе, суть которых состояла в определенном пересмотре приоритетов аграрной политики. В развитии сельского хозяйства региона обозначились позитивные перемены. Однако в реализации ряда новаций не обошлось без доли авантюризма.

Так, одной из мер по преодолению отставания отрасли было провозглашено освоение целинных и залежных земель, в том числе и на Северном Кавказе [12, с. 365—366]. В сельских районах Ростовской области было распахано 475,8 тыс. га целины [1, ф. Р-4127, оп. 1, д. 5387, л. 112]; в районах Ставропольского края в 1954—1958 гг. распахали 855 тыс. га целинных земель [13, с. 307]. Площади освоенных в Краснодарском крае целинных земель были незначительны, что связано с отсутствием таковых.

Анализируя освоение целины в регионе, необходимо отметить, что оно носило в известном смысле периферийный характер, и должно быть оценено как следствие субъективизма, а не результат научно обоснованного выбора. Освоение целины на Северном Кавказе, где не было массивов целинных земель (за исключением в некоторой степени лишь Ставропольского края), — пример экономического волюнтаризма.

Выполняя указания Москвы, партийные руководители Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского крайкомов [14, с. 333] активно поддержали заведомо невыполнимые планы производства и сдачи мяса государству в 1957—1960 гг.

Большое внимание в 1950—1960-е гг. уделялось концентрации сельхозпроизводства путем укрупнения колхозов, преобразованию колхозов в совхозы. Сам по себе поиск оптимальных размеров хозяйств (колхозов и совхозов) вполне оправдан, однако чаще всего он носил субъективный, механический характер и не был обоснован экономически. Большинство укрупненных хозяйств (86,5%) образовались от слияния двух-трех-четырех артелей, сравнительно небольшая часть объединений возникла из 5—10 и более колхозов. Из 5202 сельхозартелей, имевшихся в регионе, уже к концу 1950 г. объединилось 3468, или 66,6%, которые образовали 1122 укрупненных хозяйств. Укрупнение продолжалось и в последующие годы. Число колхозов в регионе составило в 1950 г. — 2860; в 1951 г. — 2053; в 1952 г. — 1912; в 1953—1434 [9, с. 66, 67].

В результате укрупнения колхозов их число на Дону, Кубани и Ставрополье с 1950 по 1966 г. сократилось до 830, или более чем в 4 раза [15, с. 108; 16, с. 53; 17, с. 57]. С конца 1960-х гг. произойдет стабилизация численности колхозов, что можно рассматривать как достижение определенного оптимума в размерах хозяйств.

Со второй половины 1950-х гг. активно проводилась политика по созданию совхозов. Так, на Дону количество колхозов сократилось с 1927 в 1950 г. до 338 в 1960 г. [16, с. 54]. Однако укрупнение колхозов и преобразование их в совхозы не дало желаемого результата [2, ф. Р-1, оп. 2, д. 16, л. 79].

Колхозы региона относились к числу наиболее крупных хозяйств в стране. Средние размеры совхозов в СССР значительно превосходили колхозные, а на Северном Кавказе уступали им (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнение средних показателей колхозов (без рыболовецких)
по СССР и Северо-Кавказскому району в 1970 г.**

В среднем на 1 колхоз	СССР	Северо-Кавказский район
Колхозные дворы, тыс.	435	690
Сельхозугодья, тыс. га	6,1	10,8
Общественные посевы, тыс. га	3	6,6
КРС, тыс. голов	1258	2485
в том числе коровы, тыс.	409	721
Свиньи	891	2548
Овцы и козы, тыс.	1633	6297
Валовой доход, тыс. руб.	689	1382
Основные сельскохозяйственные производственные фонды, тыс. руб.	1210	2442
Тракторы (в пересчете на 15-сильные)	60	117

Источник: [18, с. 66].

Несмотря на отмеченные недостатки и просчеты в аграрной политике, в регионе в 1953—1964 гг. наблюдался рост производства продукции сельского хозяйства. Аграрный сектор Северного Кавказа производил значительную долю валовой продукции сельского хозяйства СССР [1, ф. Р-3737, оп. 9, д. 529, л. 3]. Восстановленное после войны сельское хозяйство развивалось поступательно.

Основные направления аграрной политики после отставки Н. С. Хрущева были утверждены мартовским (1965) Пленумом ЦК КПСС. Существенно увеличились капиталовложения в сельское хозяйство. По сравнению с первой половиной 1960-х гг. капиталовложения в сельское хозяйство возросли за 10 лет на 1 га угодий в Краснодарском крае в 2,4 раза, в Ростовской области и Ставропольском крае — в 2 раза [18, с. 30]. Развивались процессы агропромышленной интеграции.

Одна из отличительных черт аграрной политики второй половины 1960—1980-х гг. — возросшее внимание к социальным проблемам. Анализ статистических данных свидетельствует о положительной динамике в развитии социальной сферы в селах региона [19, с. 61; 20, с. 86, 98; 21, с. 25—26; 22, с. 208]. Социальное развитие там отличалось лучшими показателями, чем в большинстве регионов страны.

При наличии существенных недостатков в развитии сельского хозяйства в 1960—1980-е гг. в Северо-Кавказском регионе были достигнуты максимальные в XX в. объемы производства продукции. На протяжении 1960—1980-х гг. наблюдался рост производства сельхозпродукции (табл. 2).

Таким образом, определяющим фактором развития сельского хозяйства Северо-Кавказского региона была партийно-государственная аграрная политика, в основе которой лежали административные практики. При этом длительное время характер аграрной политики определялся не только доктринальными установками партии, но и условиями форсированной модернизации страны и подготовки к войне, войны и послево-

енного восстановления и поэтому неизбежно приобретал военно-мобилизационный характер, направленный на максимальное изъятие ресурсов из сельского хозяйства. Поворот в сторону аграрного протекционизма обозначился лишь в середине 1950-х гг. и закрепился после 1965 г.

Таблица 2

**Валовой сбор зерновых культур
в хозяйствах всех категорий, тыс. т**

Годы	РСФСР	Северо-Кавказский район	Ростовская область	Краснодарский край	Ставропольский край
1965	63 700,0	13 047,5	3432,6	5686,0	2650,3
1970	113 500,0	20 753,0	7022,0	7875,0	4319,0
1975	77 500,0	14 870,0	4680,0	6318,0	2411,0
В среднем за 1976—1980	106 000,0	19 587,0	6454,0	7739,0	3675,0
В среднем за 1981—1985	92 000,0	18 080,0	5194,0	7426,0	3799,0
В среднем за 1986—1990	104 030,0	22 732,0	7245,0	8680,0	5049,0
1991	89 100,0	22 305,7	6939,5	7929,9	5225,5
1991 г., % к 1965 г.	139,9	171,0	202,2	139,5	197,2
1991 г., % к 1970 г.	78,5	107,5	98,8	100,7	121,0

Составлено на основе данных: [23, с. 185—187; 24, с. 212—214; 25, с. 424—425; 26].

Список источников и литературы

1. Государственный архив Ростовской области.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области.
3. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. Ростов н/Д, 1940.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : в 5 т. М., 2000. Т. 2.
5. Осколков Е. Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. №1—2.
6. Голод в СССР. 1929—1934 : в 3 т. М., 2013. Т. 3.
7. Материалы о работе политотделов МТС за 1933 год. М., 1934.
8. Политотделы Северного Кавказа за работой. Ростов н/Д, 1933. С. 10.
9. Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1984.
10. Бондарев В. А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов н/Д, 2005.
11. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. Саратов, 2020.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 8.
13. Очерки истории Ставропольского края : в 2 т. Ставрополь, 1986. Т. 2 : С 1917 года до наших дней.
14. Спицын Е. Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953—1964 годах. М., 2020.
15. Краснодарский край за 50 лет советской власти. Краснодар, 1967.
16. Ростовская область за 50 лет : стат. сб. Ростов н/Д, 1967.
17. Ставрополье за 50 лет [1917—1967]. Ставрополь, 1968.
18. Партийное руководство сельским хозяйством Северного Кавказа в условиях развитого социализма. Ростов н/Д, 1984.
19. Народное хозяйство Ростовской области в 9-й пятилетке : стат. сб. Ростов н/Д, 1976.

20. *Народное хозяйство* Ростовской области в 11-й пятилетке : стат. сб. Ростов н/Д, 1986.

21. *Социально-экономическое развитие* Ростовской области в период между XXIII и XXIV отчетно-выборными партийными конференциями. Ростов н/Д, 1990.

22. *Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее*. Краснодар, 2017.

23. *Народное хозяйство РСФСР в 1969 году* : стат. ежегодник. М., 1970.

24. *Народное хозяйство РСФСР в 1975 году* : стат. ежегодник. М., 1976.

25. *Народное хозяйство РСФСР в 1990 году* : стат. ежегодник. М., 1991.

26. *Регионы России* : стат. сб. : в 2 т. М., 1999. Т. 2.

Е. А. Багрянцева

**Продовольственная программа 1982 года
и совершенствование системы управления АПК СССР:
проекты и предложения**

Рассматриваются проекты и предложения по вопросам реорганизации и совершенствования системы управления агропромышленным комплексом СССР и агропромышленных объединений регионального уровня. В указанных проектах авторы предприняли попытку трансформации системы управления АПК еще до принятия Продовольственной программы 1982 г., так и в период ее реализации.

The article discusses projects and proposals for the re-organisation and improvement of the management system of the Soviet agro-industrial complex and regional agro-industrial associations. The authors of these projects attempted to transform the management system of the agro-industrial complex both before the adoption of the 1982 Food Program and during its implementation.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, Продовольственная программа СССР, система управления АПК

Keywords: agro-industrial complex, USSR food program, agro-industrial complex management system

Проблеме реформирования системы управления АПК СССР всегда уделялось большое внимание как со стороны центральных и региональных органов управления, так и сотрудников различных научно-исследовательских учреждений. К началу

1980-х гг. в аграрной сфере экономики отсутствовал механизм экономических отношений между многочисленными министерствами и ведомствами [1, с. 199—200], что неизбежно приводило к поискам новых методов эффективного управления и хозяйствования.

В разные периоды реализации Продовольственной программы 1982 г. появляются проекты и предложения по вопросам совершенствования и реорганизации системы управления АПК.

Еще в апреле 1979 г. в ЦК КПСС поступили предложения «О совершенствовании экономического механизма в системе агропромышленного комплекса», разработанные отделом экономики АН СССР [2, с. 303]. Главной задачей указанных предложений являлось поэтапное реформирование существующей системы управления АПК СССР. На первом этапе предполагалось создать Комиссию Президиума Совета Министров СССР по АПК [3, с. 281—282]. В рамках следующих этапов планировалось создание аналогичных структур управления на уровне союзных республик, АССР, краев и областей. Отличительной особенностью новой системы управления должна была стать единая структура управления, осуществляющая координацию деятельности всех министерств и ведомств и распространение принципов функционирования данной системы на региональном уровне.

После рассмотрения вышеуказанных предложений сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС вынес решение о преждевременности их реализации. Вместе с тем стоит отметить, что вскоре в рамках реализации Продовольственной программы 1982 г. была разработана схожая модель управления агропромышленным комплексом.

Решить проблему невысокой эффективности сельскохозяйственного производства можно было без использования административных методов, как считал последний президент ВАСХНИЛ А. А. Никонов. Так, процесс совершенствования организационных форм, по его мнению, должен начинаться не

сверху. Нужно «на основе складывающейся ситуации на местах в результате специализации и концентрации, межхозяйственной кооперации, находить наиболее эффективные организационные формы управления специализированными и кооперированными предприятиями и уж затем идти на более высокую ступень, имея ввиду республиканский и союзный уровень» [4, ф. 785, оп. 1, д. 231, л. 60].

В рабочих записках А. А. Никонова, датированных 1982 г., говорится об отсутствии единой системы управления АПК на районном уровне, подмене хозяйственных органов управления партийными органами, которым не свойственно выполнение хозяйственных и распорядительных функций [4, ф. 785, оп. 1, д. 32, л. 9—10].

Структура организации управления сельскохозяйственным производством в рамках отдельного комитета или органа, включающая в себя систему межведомственного и территориального управления была предложена в 1982 г. специалистами Всесоюзного научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства [4, ф. 650, оп. 1, д. 9, л. 110].

С помощью единого органа управления должно было осуществляться планомерное и четкое распределение комплексных работ между министерствами и ведомствами [4, ф. 650, оп. 1, д. 9, л. 111]. В территориальную систему управления АПК в рамках данных предложений должны были объединяться колхозы и совхозы района, промышленные и перерабатывающие предприятия, а также другие организации АПК. Однако по неизвестным причинам указанные предложения не были рассмотрены.

Характеризуя существующую систему управления народным хозяйством области, первый секретарь Московского обкома КПСС В. К. Месяц указывал на явные недоработки в системе ее функционирования: «...сегодня местные Советы не во всех сферах своей деятельности имеют достаточно прочные экономические и организационные рычаги для реализации возложенных на них функций и предоставленных им прав» [5,

с. 42]. В продолжение своей мысли автор приводит пример одновременного существования нескольких территориальных планов в области, утвержденных Советами Министров СССР и РСФСР, Мособлисполкомом, и плана, сформированного местными органами управления. Они могли существенно отличаться друг от друга, что наглядно иллюстрирует отсутствие отлаженной системы взаимодействия органов управления на разных уровнях.

Проекты и предложения по совершенствованию системы управления разрабатывались и применительно к отдельному региону.

В. К. Месяц в своей статье на вопрос о необходимости единого территориального органа управления дает ответ применительно к системе управления АПК Московской области: «единый орган оказался бы чрезмерно громоздким, поэтому в регионе целесообразнее было бы создание новых звеньев управления, дополняющих созданный Мособлагропром» [5, с. 43]. Таким органом управления должно было стать Московское областное межхозяйственное производственное объединение (далее — МОМПО). Предприятия, которые ранее находились в двойном подчинении у республиканских министерств и Мособлисполкома должны были перейти под полный контроль со стороны МОМПО. Однако сведения о создании указанного объединения не встречаются ни в одном из источников.

В 1988 г. в Московский областной комитет КПСС поступило Предложение Всесоюзного научно-исследовательского института экономики, труда и управления сельским хозяйством по организации управления агропромышленным комплексом Московской области. Связано это было с тем, что в рассматриваемый период аппарат Мособлагропрома так и не избавился от присущих ему недостатков. С момента его образования сохранялась громоздкость и сложность структуры (включал в себя 126 подразделений с общей численностью работников более 700 человек), не была преодолена ведомствен-

ная разобщенность в управлении, сохранилось стремление поднять на областной уровень максимальное количество функций, в том числе таких, которые должны были выполняться и завершаться в предприятиях и районах [6, ф. П-3, оп. 290, д. 1841, л. 16—17].

Согласно Предложению, требовалось не столько совершенствование и уточнение функций аппарата управления, сколько создание нового органа управления, базирующегося на новых принципах и обладающего иными функциями. Планировалось, что структура управления АПК Московской области будет построена не на основе территориально-отраслевого принципа, а по функционально-отраслевому принципу.

Основной смысл предлагаемых изменений состоял в том, что функции административно-управленческих отделов предполагалось передать в хозрасчетные производственные системы.

Предлагаемый вариант охватывал 8 отраслевых формирований агропромышленного производства. В состав каждого такого формирования должны были входить соответствующие специализированные предприятия и организации, функционирующие на принципах хозрасчета или финансируемые из бюджета области.

Четыре отраслевых формирования (растениеводство, животноводство, механизация и электрификация, подготовка кадров) должны были войти в состав центрального аппарата Мособлагропрома. Четыре остальных отраслевых формирования (промышленная переработка сельхозпродукции, строительство, материально-техническое обеспечение, научное обеспечение) должны были основывать свою деятельность на принципах хозрасчета [6, ф. П-3, оп. 290, д. 1841, л. 21—23].

К сожалению, в делах ЦГА Москвы не указана дальнейшая судьба данного предложения. Но стоит отметить, что подобные предложения носили конструктивный характер, и их реализация могла оказать позитивное влияние на дальнейшее развитие АПК Московской области в целом.

В соответствии с еще одним предложением по вопросам функционирования АПК Московской области, которое содержится в пояснительной Записке к структуре управления АПК Московской области предусматривалось сохранение Московского областного агропромышленного комитета как органа государственного управления, но при условии существенного изменения его функций и сокращения численности управленческого аппарата в 10 раз [6, ф. П-3, оп. 290, д. 2236, л. 29].

При этом на добровольной основе предполагалось создать ассоциативное областное государственно-кооперативное агропромышленное объединение (корпорацию) с выборными органами управления [6, ф. П-3, оп. 290, д. 2236, л. 20].

Все предприятия АПК области должны были объединиться в Союз государственно-кооперативных агропромышленных формирований (Мособлагропромсоюз) с достаточно сложной и громоздкой структурой управления. Однако на практике новая система управления так и не была создана, поскольку начавшиеся изменениями в политической жизни страны отодвинули вопросы структурных преобразований на второй план.

В годы подготовки и реализации Продовольственной программы 1982 г. появилось множество предложений по совершенствованию системы управления АПК. Данная тенденция связана с тем, что авторы проектов пытались разработать наиболее эффективную модель управления АПК страны как на общесоюзном уровне, уровне союзных республик, так и на уровне отдельных регионов и районов. Нельзя не согласиться с оценкой Н. А. Серогодского, считающего, что в годы перестройки реорганизация системы управления приобрела перманентный характер, причем каждая следующая проводилась в период, когда предыдущая выходила на стадию стабилизации, связи приобретали устойчивый характер и аппарат управления, наконец-то начинал работать [7, с. 66—67].

При этом стоит отметить, что многие проекты и предложения по реорганизации системы управления носили конструктивный характер и могли быть использованы советским руко-

водством в качестве общей схемы организации новой системы управления АПК. Однако рассмотренные проекты так и не были реализованы на практике или вовсе остались без должного внимания партийного руководства.

Список источников и литературы

1. *Милосердов В.В., Милосердов К.В.* Аграрная политика России — XX в. М., 2002.
2. *Нечипас Ю.В.* Эволюция аграрной политики СССР в 1945—1984 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
3. *Куринова И.А.* Исторический опыт советской партийно-государственной социальной политики: 1964—1985 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.
4. *Российский государственный архив экономики.*
5. *Месяц В.К.* Объединяя интересы региона, отраслей, каждого труженика // Коммунист. 1987. №7. С. 35—45.
6. *Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы».*
7. *Серогодский Н.А.* Аграрные преобразования периода перестройки: цели, методы, результаты, 1985—1991 г. Славянск-на-Кубани, 2011.

**Фермерские хозяйства Центрального Черноземья
в начальный период «сплошной фермеризации»
(по материалам единовременных статистических
обследований)**

На основе материалов единовременных статистических обследований, проведенных в январе 1993 г., проанализировано состояние фермерских хозяйств Центрально-Черноземного экономического района в начальный период «сплошной фермеризации». Изучена динамика создания единоличных хозяйств в условиях всесторонней государственной поддержки. Выявлены пути решения фермерами проблемы малоземелья. Рассмотрены особенности и структура землепользования, а также уровень технической оснащенности и объемы производства фермерских хозяйств.

Using materials from single-time statistical survey conducted in January 1993, this study analyses the state of farming households in the Central Black Earth Economic Region during the initial period of ‘mass farmerisation’. The research examines the dynamics of the emergence of individual farming households under comprehensive state support, identifying how farmers addressed the issue of limited land availability. Additionally, land use characteristics and structure are considered, along with the farming households’ level of technical equipment and production volumes.

Ключевые слова: аграрная реформа, Центральное Черноземье, фермерские хозяйства, «сплошная фермеризация», статистическое обследование

Keywords: agrarian reform, Central Black Earth Region, farms, ‘mass farmerisation’, statistical survey

В становлении фермерского движения в России в 1990-е гг. выделяются 3 этапа: с конца 1980-х гг. по 1991 г. — период зарождения; с 1992 г. по середину 1993 г. — период массового появления фермеров; с середины 1993 г. по 1999 г. — период разочарования и стагнации фермерского движения. В научной и публицистической литературе события второго этапа получили название «сплошная фермеризация» [1, с. 48; 2, с. 307] (или «ускоренное окрестьянивание») [3, с. 85].

В рамках аграрной реформы к началу 1992 г. был принят и вступил в действие целый комплекс нормативно-правовых актов, регламентировавших развитие фермерства [4, с. 49—56; 5, ст. 32].

В это время в основном завершилась психологическая адаптация населения, которое стало привыкать к самой идее создания «товаропроизводящих крестьянских хозяйств, базирующиеся на личном труде», обнародованной еще в марте 1989 г. на Пленуме ЦК КПСС [6, с. 51]. Количество желающих самостоятельно хозяйствовать на земле в 1992 г. резко возросло. В Белгородской и Тамбовской областях число КФХ увеличилось в 5 раз, в Воронежской и Липецкой — в 4 раза, в Курской — в 3,3 раза [7, л. 1; 8, л. 1; 9, л. 1; 10, л. 1].

В первые годы аграрной реформы по всей стране органами государственной статистики каждые 6 месяцев проводились выборочные статистические обследования крестьянских (фермерских) хозяйств с целью отслеживания процесса их создания. Особо интересны в этой связи материалы единовременных обследований, проведенных территориальными управлениями статистики в январе 1993 г., так как они позволяют проанализировать первые результаты «сплошной фермеризации» спустя год после начала активной фазы аграрной реформы. Среди областей Центрально-Черноземного экономического района сплошное анкетное обследование фермеров было проведено в Тамбовской, выборочное — в Белгородской, Курской и Липецкой областях.

Количество обследованных хозяйств составило:
 — в Белгородской области — 1467 КФХ (86 % от общего числа);
 — в Курской области — 360 КФХ (25 % от общего числа);
 — в Липецкой области — 328 КФХ (25 % от общего числа);
 — в Тамбовской области — 3654 КФХ (100%) [7, л. 1; 8, л. 1; 9, л. 1; 10, л. 1].

В 1992 г. была отмечена максимальная за весь пореформенный период интенсивность создания КФХ, что можно проследить на примере хозяйств, прошедших единовременное обследование в январе 1993 г. (табл. 1). Так, в Липецкой области по сравнению с 1991 г. она возросла в 3 раза, в Курской области — в 3,3.

Таблица 1

Количество обследованных КФХ Курской и Липецкой областей по времени их создания в 1990—1992 гг.

Время создания	Количество хозяйств, ед.
<i>Липецкая область</i>	
1990 г. и ранее	4
1991 г.	80
1-е полугодие 1992 г.	141
2-е полугодие 1992 г.	103
<i>Курская область</i>	
1990 г. и ранее	3
1991 г.	84
1-е полугодие 1992 г.	124
2-е полугодие 1992 г.	149

Составлено на основе данных: [8, л. 2; 11, ф. Р-342, оп. 67, д. 5181].

Высокая интенсивность образования КФХ естественным образом сказалась на их общей численности. В 1992 г. во всех

областях ЦЧР был отмечен самый большой за весь пореформенный период прирост фермерских хозяйств (табл. 2). В Липецкой области основная масса КФХ была образована в январе — апреле и октябре — декабре (когда в отдельные месяцы создавалось по 90—190 хозяйств); в Курской и Тамбовской областях пик создания пришелся на вторую половину года. Иными словами, активность увеличивалась либо до начала сельскохозяйственного сезона, либо после его окончания.

Таблица 2

Изменение количества КФХ в областях ЦЧР в 1991—1993 гг., ед.

Область	Год		
	1991	1992	1993
Белгородская	327	1708	2765
Воронежская	575	2389	3064
Курская	432	1441	2044
Липецкая	333	1405	1720
Тамбовская	701	3654	4666

Источник: [12, с. 241].

В среднем на одно фермерское хозяйство в областях ЦЧР приходилось по 2—3 постоянных работника. В основном фермеры обходились собственными силами, лишь единицы использовали труд наемных рабочих. В 1992 г. в КФХ Курской области привлеченными работниками было отработано 4858 человеко-дней, в Липецкой — 1537, в Тамбовской — 4091 [8, л. 3; 10, л. 2; 11, ф. Р-342, оп. 67, д. 5181, л. 1].

Остро стояла проблема малоземелья фермеров. Из-за постоянного роста числа желающих хозяйствовать самостоятельно средние размеры земельного участка, приходящегося на одно КФХ, были невелики (табл. 3). Если в Липецкой области в 1990 г. они составляли 84 га, то в 1991—1992 г. — уже 40—50 га. При этом площадь хозяйств не была равнозначной и колебалась от 20 га (у 50% опрошенных фермеров) до 100 га (у 9%) [9, л. 1].

Таблица 3

**Средние размеры земельных участков КФХ
в областях ЦЧР в 1991—1993 гг., га**

Область	Год		
	1991	1992	1993
Белгородская	29	33	24
Воронежская	54	47	44
Курская	51	49	57
Липецкая	42	48	47
Тамбовская	37	37	35

Источник: [12, с. 165].

В 1990—1991 гг. вопрос о предоставлении земли для образования фермерских хозяйств решался районными советами народных депутатов, которые заблаговременно из числа неиспользуемых земель и земель запаса создавали для этих целей специальные фонды перераспределения. Земли этих фондов выделялись лицам, пожелавшим создать фермерское хозяйство, но не являвшимся работниками сельхозпредприятий. В случаях, когда желание заниматься фермерством возникало у работников либо специалистов колхозов и совхозов, земельные участки им должно было предоставить само сельхозпредприятие. Специально под эти цели в каждом из них отводились земельные массивы.

В 1992 г. в результате реорганизации колхозов и совхозов ситуация изменилась. После проведения паевизации земли и имущества сельхозпредприятий их работники становились участниками общей долевой собственности, и при выходе с целью образования фермерского хозяйства они фактически получали свою обналиченную (то есть выделенную в натуре) земельную долю. Решение о предоставлении им земельного участка принимал сам руководитель сельхозпредприятия, от которого зависело расположение и качество выделяемой земли.

Размеры бесплатных земельных участков были небольшими. В каждой области устанавливались предельные, а в районах — среднерайонные нормы выделяемых фермерам земельных участков, в рамках которых земля предоставлялась бесплатно. Как правило, они не превышали 50 га. Исходя из установленной предельной нормы, а также из специализации и количества членов создаваемого хозяйства, районный совет народных депутатов индивидуально по каждому фермерскому хозяйству принимал соответствующее решение.

Предоставленные бесплатно земельные участки фермеры по желанию оформляли в собственность, владение или пользование, то есть в аренду (табл. 4).

Таблица 4

**Структура землепользования КФХ ЦЧР, в%
(по материалам единовременных обследований
по состоянию на 1 января 1993 г.)**

Области	Земли на правах		
	пожизненно наследуемого владения	собственности	пользования (аренды)
Белгородская	17	58	25
Курская	75	12	13
Липецкая	7	67	26
Тамбовская	36	43	21

Составлено на основе данных: [7, л. 1; 8, л. 1; 9, л. 1; 10, л. 1].

Проблему малоземелья им приходилось решать самостоятельно: либо путем объединения земельных наделов, в результате чего наряду с семейными стали появляться и партнерские фермерские хозяйства; либо за счет дополнительной аренды земли (за арендную плату). Последняя форма увеличения размеров КФХ получила наибольшее распространение. Чаще всего фермеры арендовали землю у близлежащих сельскохозяйственных предприятий [13]. В 1992 г. в результате начавшейся

реорганизации у них также появилась возможность аренды земельных долей пенсионеров реорганизованных колхозов и совхозов, для которых сотрудничество с фермерами было выгоднее, чем передача своих паев в уставный капитал сельхозпредприятия. Зачастую такие арендные отношения официально не оформлялись. И все же в начале 1990-х гг. аренда земли была еще сильно ограничена, так как владельцам земельных долей в лице работников, специалистов, руководителей среднего звена сельхозпредприятий разрешалась передача земли в аренду лишь другим участникам общей долевой собственности. Это делалось сознательно с той целью, чтобы земля оставалась в ведении того же сельхозпредприятия. В 1992 г. в областях Центрального Черноземья в аренду было оформлено 20—25 % фермерской земли.

Большинство фермеров, являясь сторонниками частной собственности на землю (включая ее куплю-продажу), в основном оформляли в собственность выделяемые им бесплатно земельные участки. Лишь в Курской области 75 % опрошенных владельцев КФХ отдали предпочтение такой форме землепользования как пожизненно наследуемое владение (табл. 4).

Массовый характер создания фермерских хозяйств повлек за собой и внушительный рост размеров посевных площадей КФХ (табл. 5).

Таблица 5

Размеры посевных площадей КФХ ЦЧР в 1991—1992 гг., тыс. га

Области	1991	1992
Белгородская	9,6	...
Воронежская	30,8	56,9
Курская	21,9	112
Липецкая	14,1	82,9
Тамбовская	26,2	67,5

Составлено на основе данных: [11, ф. Р-342, оп. 67, д. 5181, л. 1; 7, л. 3; 8, л. 2; 10, л. 2].

В 1992 г. имел место низкий процент использования пашни в КФХ. Это объяснялось тем, что большая часть хозяйств была образована во второй половине года, а в Тамбовской области — даже после окончания ярового сева.

Львиная доля посевных площадей КФХ — от 65 % в Белгородской области до 84 % в Курской — отводилась под зерновые культуры (прежде всего ячмень). Данная тенденция прослеживается во всех областях ЦЧР (табл. 6). Второе место по популярности среди фермеров Белгородской и Липецкой областей занимали сахарная свекла и кормовые культуры, а в Тамбовской — подсолнечник. Посевы картофеля и овощей в КФХ были незначительными.

Таблица 6

Структура посевов КФХ ЦЧР в 1992 гг., %

Область	Зерновые	Сахарная свекла	Подсолнечник	Кормовые	Иные
Белгородская	65	8	6,5	13,5	7
Курская	83,5	5,5	—	5,5	5,5
Липецкая	75	12	3	7	3
Тамбовская	75,5	4	13	5	2,5

Составлено на основе данных: [11, ф. Р-342, оп. 67, д. 5181, л. 1; 7, л. 2; 8, л. 2; 10, л. 2].

Рост численности фермерских хозяйств привел к значительному увеличению объемов их производства в 1992 г. в сравнении с 1991 г. по всем видам сельскохозяйственных культур (табл. 7). Так, производство зерна возросло в среднем по областям ЦЧР в 25 раз (больше всего в Белгородской области — в 41 раз, меньше всего в Курской области — в 14 раз). Еще значительно увеличился объем производства сахарной свеклы: в среднем по областям Черноземья — в 51 раз (больше всего в Белгородской области — в 98 раз, меньше всего в Воронежской области — в 35 раз).

Таблица 7

Производство растениеводческой продукции в КФХ ЦЧР, тыс. т.

Область	Зерно		Сахарная свекла		Подсолнечник		Картофель	
	1991	1992	1991	1992	1991	1992	1991	1992
Белгородская	0,6	24,7	0,2	19,6	—	1,3	0,3	1,3
Воронежская	2,6	64,1	1,4	49,5	0,4	12,3	0,5	4,3
Курская	2,4	34,5	0,5	20,5	—	—	1,5	2,1
Липецкая	1,5	41,1	0,7	25,2	0,1	0,4	0,4	2,7
Тамбовская	3,4	68,1	0,6	27,5	0,3	5,6	0,4	3,6

Активизация процесса создания фермерских хозяйств в областях ЦЧР повлекла за собой не только рост объемов их производства, но и увеличение доли КФХ в общей структуре производства основных видов растениеводческой и животноводческой продукции (табл. 8). В то же время в целом доля КФХ по-прежнему оставалась незначительной. В 1992 г. в сфере растениеводства в среднем она составила 2—3 %, в сфере животноводства — 0,1—0,2 %. Однако при сопоставлении с данными 1991 г. заметен большой прогресс. Так, доля фермеров в производстве зерновых культур и подсолнечника за год возросла в 15—20 раз; сахарной свеклы — в 15 раз (в Тамбовской и Курской областях еще больше — в 43 и в 80 раз соответственно).

Таблица 8

Изменение доли КФХ в структуре производства основных видов растениеводческой и животноводческой продукции в ЦЧР в 1991—1992 гг., %

Область	1991	1992
<i>Зерновые и зернобобовые культуры</i>		
Белгородская	—	1,9
Воронежская	0,1	1,8
Курская	0,1	2,6
Липецкая	0,1	2,2
Тамбовская	0,2	3,0

Область	1991	1992
<i>Сахарная свекла</i>		
Белгородская	—	0,7
Воронежская	0,1	1,5
Курская	0,01	0,8
Липецкая	0,1	1,7
Тамбовская	0,04	1,7
<i>Подсолнечник</i>		
Белгородская	—	1,1
Воронежская	0,2	2,6
Курская	—	0,6
Липецкая	0,3	3,5
Тамбовская	0,3	5,6
<i>Мясо (в убойном весе)</i>		
Белгородская	—	0,3
Воронежская	—	0,3
Курская	—	0,1
Липецкая	—	0,2
Тамбовская	—	0,1
<i>Молоко</i>		
Белгородская	—	0,4
Воронежская	—	0,2
Курская	—	0,1
Липецкая	—	0,1
Тамбовская	—	0,1

Источник: [14, с. 444, 446, 447, 451, 453].

Животноводство в фермерских хозяйствах в 1991—1992 гг. практически не развивалось (табл. 8). Причинами этого были ограниченные финансовые возможности владельцев КФХ, высокие цены на корма, сокращение посевов и снижение урожайности кормовых культур, отсутствие либо не обустроенность животноводческих помещений фермеров. В Курской

области из 360 обследованных КФХ продукцию животноводства в 1992 г. производило только 31 хозяйство (то есть 8,6%). В Липецкой области 73% фермерских хозяйств совсем не содержали сельскохозяйственных животных [8, л. 5; 9, л. 6].

Имели место и положительные сдвиги: если в 1991 г. участие фермеров в производстве животноводческой продукции практически не наблюдалось, то в 1992 г. их доля в общем объеме производства мяса и молока уже составила от 0,1 до 0,4% в разных областях ЦЧР (табл. 8).

Негативным явлением в годы «сплошной фермеризации» стало неиспользование или безответственное отношение к использованию земли некоторых владельцев КФХ. С одной стороны, это происходило по причине того, что фермерам зачастую выделяли малопродуктивные земли, пустоши, и им приходилось отказываться от таких земельных наделов. С другой стороны, нередкими были случаи халатного отношения фермеров к земле из-за отсутствия у них необходимых знаний и опыта, либо нежелания заниматься ее возделыванием. Так, в Задонском районе Липецкой области в 1992 г. 7 владельцев КФХ без причины оставили незасеянными свои земельные наделы, за что получили предупреждение от комитета по земельной реформе и земельным ресурсам; фермер Рудаков и вовсе лишился участка площадью 15 га, который был возвращен колхозу «Хмелинецкий» [9, л. 6].

Еще одной причиной того, что фермеры не обрабатывали землю, являлась слабая техническая оснащенность их хозяйств. Особенно плохо были обеспечены техникой крестьянские подворья, образованные во второй половине 1992 г. И без того непростая финансовая ситуация обострилась из-за либерализации цен. Негативно высказались в отношении высоких цен на сельхозтехнику, вызванных всеобщим подорожанием в 1992 г., 75% опрошенных липецких фермеров. По сравнению с 1991 г. цены на сельскохозяйственную технику возросли в среднем в 6—9 раз, на тракторы пропашные, тракторные сеялки и картофелеуборочные комбайны — в 13—17 раз, на трак-

торные культиваторы — в 20 раз. Из-за нехватки средств и ограниченного выпуска малая сельскохозяйственная техника, максимально удобная для КФХ, фермерами не покупалась. В своем производстве они в основном использовали старую, отслужившую свой срок технику, которую приобретали у сельхозпредприятий.

Фермеры также нуждались в семенах, удобрениях, горюче-смазочных материалах. Более 60% опрошенных владельцев КФХ среди основных проблем называли недостаток спецтехники, семян, удобрений и материально-технических ресурсов. Однако нехватка техники ощущалась особенно остро. И все же нельзя сказать, что проблема никак не решалась (табл. 9).

Таблица 9

**Сельскохозяйственная техника фермерских хозяйств
Липецкой области, ед.**

Техника	Время проведения обследований и количество обследованных хозяйств		
	01.01.1992 г., обследовано 233 хозяйства	01.07.1992 г., обследовано 699 хозяйств	01.01.1993 г., обследовано 328 хозяйств
Тракторы	144 (в каждом 2-м хозяйстве)	553 (в каждом 2-м хозяйстве)	316 (почти в каждом хозяйстве)
Грузовики	44 (в каждом 5-м хозяйстве)	259 (в каждом 3-м хозяйстве)	177 (в каждом 2-м хозяйстве)
Плуги	58 (в каждом 4-м хозяйстве)	234 (в каждом 3-м хозяйстве)	177 (в каждом 2-м хозяйстве)
Сеялки	49 (в каждом 5-м хозяйстве)	262 (в каждом 3-м хозяйстве)	144 (в каждом 2-м хозяйстве)
Сенокосилки	9 (в каждом 26-м хозяйстве)	34 (в каждом 21-м хозяйстве)	17 (в каждом 20-м хозяйстве)

Окончание табл. 9

Техника	Время проведения обследований и количество обследованных хозяйств		
	01.01.1992 г., обследовано 233 хозяйства	01.07.1992 г., обследовано 699 хозяйств	01.01.1993 г., обследовано 328 хозяйств
Жатки	6 (в каждом 39-м хозяйстве)	58 (в каждом 12-м хозяйстве)	45 (в каждом 8-м хозяйстве)
Комбайны	22 (в каждом 11-м хозяйстве)	139 (в каждом 5-м хозяйстве)	77 (в каждом 5-м хозяйстве)

Составлено на основе данных: [11, ф. Р-342, оп. 67, д. 5163, л. 1; д. 5181, л. 1; д. 5183, л. 1].

Данные таблицы 9 свидетельствуют о положительной динамике роста количества техники в фермерских хозяйствах Липецкой области в течение 1992 г. Проблема решалась за счет льготного кредитования фермеров, а также благодаря помощи Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (далее — АККОР). Местные отделения АККОР обеспечивали КФХ техникой и удобрениями, создавали пункты ремонта и сервисного обслуживания машин и оборудования. Владельцы фермерских хозяйств по поручительству ассоциации получали возможность брать кредит, либо приобретать технику. Первоначальная помощь была довольно скромной. В 1991 г. АККОР Липецкой области удалось выделить фермерам всего лишь 42 трактора, 16 автомобилей, 25 комплектов сельскохозяйственного оборудования [15]. В 1992 г. поставки тракторов членам ассоциации увеличились более чем в четыре раза, поставки автомобилей — почти в 9 раз [16].

Поскольку большинство КФХ в 1992 г. только организовались, расходы на их деятельность превышали доходы. По данным единовременного обследования, в Липецкой области выручка от реализации продукции, выращенной фермерами, принявшими участие в опросе, составила 124 682 тыс. руб., а расходы за год — 267 052 тыс. руб., то есть в 2 раза больше выручки [11, ф. Р-342, оп. 67, д. 5181, л. 2].

В анкетах 1993 г. среди прочих фермерам предлагалось ответить на следующий вопрос: «Какие факторы тормозят развитие индивидуального крестьянского хозяйства?» В таблице 10 показаны варианты ответов фермеров Липецкой области в 1993 г.

Таблица 10

**Распределение ответов липецких фермеров
на вопрос анкеты 1993 г.**

Варианты ответов	Количество ответивших, %
Высокие цены на сельскохозяйственную технику, строительные материалы	74,71
Недостаток спецтехники, семян, удобрений и других материально-технических ресурсов	60,34
Трудности в получении кредитов	56,9
Высокие процентные ставки за кредиты	54,6
Отсутствие правовой защищенности крестьянских хозяйств	34,2
Неуверенность в долговременном характере принимаемых земельных и аграрных законов	32,18
Отсутствие дорог, связи, сетей водо-, энерго- и газоснабжения	28,16
Трудности в получении земли	23,28
Препятствия со стороны руководства колхозов (совхозов)	14,94
Недостаток специальных знаний у владельцев фермерских хозяйств	13,51

Окончание табл. 10

Варианты ответов	Количество ответивших, %
Негативное отношение к индивидуальному хозяйству со стороны сельского населения	9,48
Трудности с медобслуживанием, устройством детей в детские сады и школы, отсутствие магазинов и объектов бытового обслуживания	4,89
Другое	8,05

Составлено на основе данных: [11, ф. Р-342, оп. 67, л. 5181, л. 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24, 26, 28, 30, 32, 34, 36, 38].

Результаты выборочного обследования фермерских хозяйств Липецкой области в начале 1993 г. показали, что прежде всего фермеров волновали материальные и финансовые трудности. На втором месте стояли проблемы психологического характера: неуверенность в долговременном характере реформ, отсутствии правовой защищенности, которые проистекали из постоянной необходимости фермеров доказывать всем свое право на существование (речь здесь идет о фермерах «по призванию», а не о случайных для фермерского движения людях). Примечательно, что, несмотря на большие старания со стороны государства оказать максимальную поддержку новому хозяйственному укладу, фермеры остро ощущали некую «брошенность» и «ненужность».

Таким образом, результаты единовременного статистического обследования фермерских хозяйств в январе 1993 г. показали, что характерная для периода «сплошной фермеризации» государственная поддержка КФХ способствовала форсированию процесса становления и развития фермерства.

Список источников и литературы

1. *Баумачников В. Ф.* Российский фермер: собственник, управляющий, работник. М. ; Пермь, 1994.

2. *Калугина З.И.* Становление субъектов хозяйствования в реформируемом аграрном секторе России // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999.

3. *Строев Е.С.* Методология и практика аграрного реформирования. М., 1994.

4. *О развитии* крестьянских (фермерских) хозяйств в РСФСР : сб. нормативных материалов. М., 1992.

5. *Собрание* постановлений правительства РФ. 1992. №6. Ст. 32.

6. *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС. 15—16 марта 1989 г. М., 1989.

7. *Анкета* обследования КФХ по Белгородской области на 1 января 1993 г. (Белгородское областное управление статистики) // Текущий архив ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР.

8. *О деятельности* КФХ в 1992 г. (данные обследования) (Курское областное управление статистики) // Текущий архив ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР.

9. *О развитии* КФХ в 1992 г. (данные обследования) (Липецкое областное управление статистики) // Текущий архив ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР.

10. *О наличии* крестьянских хозяйств на 1 января 1993 г. (Тамбовское областное управление статистики) // Текущий архив ГНУ НИИ ЭО АПК ЦЧР.

11. *Государственный* архив Липецкой области.

12. *Логунова И.В.* Деревня Центрального Черноземья в условиях аграрного реформирования 90-х годов XX столетия. Липецк, 2011.

13. *Курская правда.* 1992. 11 авг.

14. *Регионы России* : стат. сб.. М., 1999.

15. *Лесников И.* АККОР — пристань крестьянская // Липецкая газета. 1992. 25 янв.

16. *Кобзев В.* Фермеры закрепляются на земле // Липецкая газета. 1992. 29 мая.

**Перечень публикаций
в сборнике «Северо-Запад в аграрной истории России»
за 2020—2024 годы**

1. *Александров Н. М.* Дискуссии о преимуществах и недостатках общинной формы крестьянского землевладения в начале XX века (по материалам местных комитетов Костромской губернии) (2022. Вып. 28, с. 102—112).

2. *Александров Н. М.* Крестьянская молодежь и отхожие промыслы в столицу в конце XIX — начале XX века (по материалам Костромской и Ярославской губерний) (2023. Вып. 29, с. 74—84).

3. *Александров Н. М.* Костромская деревня накануне отмены крепостного права (по воспоминаниям А. Н. Куломзина) (2024. Вып. 30, с. 56—66).

4. *Багрянцева Е. А.* Продовольственная программа 1982 г. и совершенствование системы управления АПК СССР: проекты и предложения (2024. Вып. 30, с. 134—140).

5. *Бершадская О. В.* Особенности осуществления столыпинской аграрной реформы в центральных и южных губерниях Российской империи (2020. Вып. 26, с. 184—188).

6. *Бершадская О. В.* Производственный потенциал черноморской деревни в 1920-е годы: историко-экономический анализ (2021. Вып. 27, с. 192—198).

7. *Бершадская О. В.* Население и хозяйство черноморской деревни в 1920-е годы по материалам статистических обследований (2023. Вып. 29, с. 85—91).

8. *Бершадская О. В.* Коллективные формы хозяйственной деятельности в черноморской деревне в период новой экономической политики (1920-е гг.) (2024. Вып. 30, с. 114—121).

9. *Дианова Е. В.* Агро-просветительная деятельность сельскохозяйственных обществ Олонецкой губернии (2020. Вып. 26, с. 155—169).

10. *Дианова Е. В.* Сельскохозяйственные общества Вологодской губернии: организация и деятельность в 1905—1919 годах (2021. Вып. 27, с. 146—162).

11. *Дианова Е. В.* Распространение сельскохозяйственных знаний в Вологодской губернии в начале XX века (2022. Вып. 28, с. 91—101).
12. *Дианова Е. В.* Сельскохозяйственные выставки в Вологодской губернии в 1910-е годы. (2024. Вып. 30, с. 86—94).
13. *Дубман Э. Л.* У истоков военно-промышленной колонизации лесостепного Заволжья в начале XVIII века (2022. Вып. 28, с. 25—35).
14. *Жданович Л. Н.* Деятельность обществ сельского хозяйства Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX века (2020. Вып. 26, с. 139—154).
15. *Жданович Л. Н.* Первая сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка СССР (по материалам губерний Северо-Запада) (2022. Вып. 28, с. 122—133).
16. *Жиров Н. А.* Сельское образование и школы духовного ведомства Орловской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. (2020. Вып. 26, с. 107—116).
17. *Жиров Н. А.* Сельский социум и государственная власть: проблемы отношений и взаимодействия на рубеже XIX — XX веков (2021. Вып. 27, с. 135—145).
18. *Иванов А. А., Федяева Т. П.* Крестьянское движение в Марийском крае в годы революции и Гражданской войны: итоги и перспективы исследования (2023. Вып. 29, с. 92—103).
19. *Иванов В. И.* Монастырское крестьянство Вологодского уезда во второй половине XVI — первой трети XVII века (2020. Вып. 26, с. 5—23).
20. *Иванов В. И.* Хозяйственные занятия и дифференциация крестьян Поморья в конце XVI — XIX веке (2021. Вып. 27, с. 18—31).
21. *Иванов В. И.* Включение волости Шуя Корельская в состав владений Соловецкого монастыря: «анатомия» одного крестьянского конфликта начала XVII века (2022. Вып. 28, с. 4—14).
22. *Иванов В. И.* Уровень стабильности населения и особенности расслоения крестьян Шуерецкой волости в XVII веке (2023. Вып. 29, с. 15—25).
23. *Иванов В. И.* Степень устойчивости крестьянских хозяйств Поморья в XVII — начале XVIII века (по материалам Шуерецкой волости). (2024. Вып. 30, с. 4—20).
24. *Кабытов П. С., Баринаева Е. П.* Дворянский род Кушелевых: люди и судьбы (2021. Вып. 27, с. 65—82).

25. *Кабытов П. С., Баринаева Е. П.* А. Н. Брянчанинов: от либерала к консерватору (2022. Вып. 28, с. 47—59).
26. *Кабытов П. С., Баринаева Е. П.* Дворяне прибалтийских губерний на съездах объединенного дворянства. (2024. Вып. 30, с. 67—76).
27. *Карпачёв М. Д.* Воронежская деревня накануне революции 1917 г.: промежуточные результаты аграрного реформирования (2020. Вып. 26, с. 226—242).
28. *Карпачёв М. Д.* Неземледельческие промыслы в жизни крестьянства Воронежской губернии на рубеже XIX — XX веков (2022. Вып. 28, с. 78—90).
29. *Карпачёв М. Д.* Новые веяния в жизни воронежской деревни в годы проведения столыпинской аграрной политики (2024. Вып. 30, с. 95—113).
30. *Китанина Т. М.* Александр II и подготовка крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. (финансовые операции правительства в условиях предреформенного кризиса банковской системы) (2020. Вып. 26, с. 61—78).
31. *Козлов С. А.* «Хозяин... только тот, кто все знает, все умеет, все предвидит...»: Сергей Фёдорович Шарапов (1855—1911) (2020. Вып. 26, с. 92—106).
32. *Козлов С. А.* «Мама русского огурца»: Екатерина Григорьевна Аверкиева (1852—1918) (2021. Вып. 27, с. 83—95).
33. *Комиссаренко А. И.* Роль волостных торгов в развитии регионального рынка в XVIII веке (по таможенным документам Вятской провинции) (2020. Вып. 26, с. 44—49).
34. *Комиссаренко А. И.* Юго-восточные регионы Русского Поморья в системе всероссийского рынка в XVII—XVIII веках (по материалам Вычегодского и Вятского краев) (2021. Вып. 27, с. 32—37).
35. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в России в годы Первой русской революции (2020. Вып. 26, с. 195—212).
36. *Кондрашин В. В.* «Великий перелом»: как начиналась сталинская коллективизация (2021. Вып. 27, с. 199—220).
37. *Кондрашин В. В.* Крестьянство под властью антибольшевистских правительств (2023. Вып. 29, с. 104—126).
38. *Ланской Г. Н.* Основные направления интерпретации значения столыпинской аграрной реформы в российской, английской и американской историографии (2020. Вып. 26, с. 170—183).

39. Ланской Г. Н. Концептуальные направления изучения социально-аграрной реформы 1861 года в российской, английской и американской историографии (2021. Вып. 27, с. 96—108).

40. Ланской Г. Н. Историографические дискуссии об уровне сельскохозяйственного развития России второй половины XIX — начала XX века как объект источниковедческого изучения (2023. Вып. 29, с. 62—73).

41. Логунова И. В. Кадровый состав сельскохозяйственных работников накануне аграрной реформы 1990-х годов (на материалах Липецкой области) (2020. Вып. 26, с. 275—283).

42. Логунова И. В. Трудовые ресурсы фермерских хозяйств в 1990-е годы (на материалах областей Центрального Черноземья) (2021. Вып. 27, с. 221—228).

43. Логунова И. В. Неквалифицированные работники сельскохозяйственных предприятий Центрального Черноземья в условиях аграрной реформы 1990-х гг. (социально-экономический аспект) (2022. Вып. 28, с. 155—163).

44. Логунова И. В. Фермерские хозяйства Центрального Черноземья в начальный период «сплошной фермеризации» (по материалам единовременных статистических обследований). (2024. Вып. 30, с. 141—156).

45. Милосердов В. В. Аграрная политика государства в 1920-е — начале 1930-х годов (2021. Вып. 27, с. 176—191).

46. Нарыкова Н. М. Д. А. Столыпин (1818—1893 гг.) и становление аграрной социологии в России (2020. Вып. 26, с. 189—194).

47. Нарыкова Н. М. Феминизм и развитие женского сельскохозяйственного образования в России (вторая половина XIX — начало XX века) (2022. Вып. 28, с. 36—46).

48. Наухацкий В. В. Аграрная политика и восстановление сельского хозяйства Ростовской области после освобождения от фашистской оккупации (2022. Вып. 28, с. 134—144).

49. Наухацкий В. В. Аграрная политика и сельское хозяйство регионов Северного Кавказа (1953—1964) (2023. Вып. 29, с. 138—149).

50. Наухацкий В. В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского региона в 1922—1991 гг.: этапы, динамика. (2024. Вып. 30, с. 122—133).

51. Никулин В. Н. Земства и неземледельческие промыслы крестьян северо-западных губерний России во второй половине XIX — начале XX века (2020. Вып. 26, с. 79—91).

52. *Никулин В. Н.* Кожевенный промысел крестьян Новгородской губернии во второй половине XIX — начале XX века (2021. Вып. 27, с. 114—122).

53. *Никулин В. Н.* Законодательство об управлении сибирскими крестьянами во второй половине XIX — начале XX века (2022. Вып. 28, с. 60—77).

54. *Никулин В. Н.* Отечественная историография управления крестьянами Сибири во второй половине XIX — начале XX века (2023. Вып. 29, с. 48—61).

55. *Никулин В. Н.* Сапожный промысел новгородских крестьян во второй половине XIX — начале XX века. (2024. Вып. 30, с. 77—85).

56. *Роднов М. И.* Финансирование хлебной торговли через частные банки (в поисках источников) (2020. Вып. 26, с. 117—123).

57. *Роднов М. И.* Музыкант из помещиков (2021. Вып. 27, с. 109—113).

58. *Роднов М. И., Тагирова Л. Ф.* Сельскохозяйственные переписи как источник для изучения последствий Гражданской войны (2022. Вып. 28, с. 113—121).

59. *Роднов М. И., Тагирова Л. Ф.* Сельские кустари в условиях Гражданской войны: стратегия выживания (2023. Вып. 29, с. 127—137).

60. *Смирнова О. А.* Письма «Из деревни» А. Н. Энгельгардта как результат изучения национальной культурно-хозяйственной традиции (2020. Вып. 26, с. 124—138).

61. *Смирнова О. А.* А. В. Кокорев — предприниматель-самородок и идеолог национальной экономической науки — «учения о русской избе» (2021. Вып. 27, с. 123—134).

62. *Соколова Н. В.* Об аграрной специализации вотчин Патриаршего дома на рубеже XVII—XVIII веков (по материалам описных книг Елецкого и Лебедянского уездов М. Т. Толубеева) (2023. Вып. 29, с. 26—37).

63. *Соколова Н. В.* Суздальские и владимирские вотчины Патриаршего дома в начале XVIII века: общее и особенное. (2024. Вып. 30, с. 32—45).

64. *Степанова Л. Г.* Днепровский и Мелитопольский уезды Таврической губернии в материалах Генерального межевания первой половины XIX века (2020. Вып. 26, с. 50—60).

65. *Степанова Л. Г.* Межевые работы в Русском государстве (2021. Вып. 27, с. 5—17).

66. *Степанова Л. Г.* Споры о меже и установление границ земельных владений в конце XVIII — первой половине XIX века (2023. Вып. 29, с. 38—47).

67. *Степанова Л. Г.* Моделирование зернового бюджета крестьянских хозяйств Северо-Запада России по данным материалов Генерального межевания конца XVIII в. (2024. Вып. 30, с. 46—55).

68. *Суханова Н. И.* Крестьянство как политический союзник пролетариата (эволюция взглядов В. И. Ленина на проблему) (2021. Вып. 27, с. 163—175).

69. *Томилин В. Н.* Реорганизация колхозов СССР после реформы 1958 года (2020. Вып. 26, с. 243—259).

70. *Томилин В. Н.* Сталинский план преобразования природы и некоторые итоги его реализации (2022. Вып. 28, с. 145—154).

71. *Томилин В. Н.* Колхозы в аграрной политике государства (1946—1950) (2023. Вып. 29, с. 150—161).

72. *Черкасова М. С.* (Вологда) Северная деревня в начале петровских реформ (1690—1700-е гг.) (2020. Вып. 26, с. 24—43).

73. *Черкасова М. С.* К изучению хлебного бюджета Спасо-Прилуцкого монастыря в начале XVII века (2021. Вып. 27, с. 38—53).

74. *Черкасова М. С.* Северная деревня на раннем этапе церковной реформы (вторая половина XVII века) (2022. Вып. 28, с. 15—24).

75. *Черкасова М. С.* О хозяйственной структуре Троице-Сергиева монастыря по Описи 1641/42 года (2023. Вып. 29, с. 4—14).

76. *Черкасова М. С.* О хозяйственной структуре Троице-Сергиева монастыря по Описи 1701—1702 г. (2024. Вып. 30, с. 21—31).

77. *Черников С. В.* Изменения в родовом составе дворянства и структуре собственности в Новгородском уезде в конце XVII — середине XVIII века (2021. Вып. 27, с. 54—64).

78. *Шевельков А. И.* Политика государства в развитии подсобных предприятий и промыслов в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине XX века (2020. Вып. 26, с. 260—274).

79. *Шевельков А. И.* О вкладе академика РАН В. В. Милосердова в аграрную науку, сельскохозяйственное производство и аграрную историю страны (2021. Вып. 27, с. 229—246).

80. *Шевельков А. И.* Документы федеральных архивов о формировании аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР в первой половине 1970-х годов (2023. Вып. 29, с. 162—169).

81. *Шустов К.Б.* Статистическая характеристика крестьянского движения в российской деревне в начале XX века (2020. Вып. 26, с. 213—225).

ОБ АВТОРАХ

Александров Николай Михайлович, канд. ист. наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль.

E-mail: dreem10@mail.ru

Багрянцева Екатерина Александровна, канд. ист. наук, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна.

E-mail: ea.suvorova@mail.ru

Баринова Екатерина Петровна, д-р ист. наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара.

E-mail: rfz25@yandex.ru

Бершадская Ольга Владиславовна, канд. ист. наук, Краснодарский филиал ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Краснодар.

E-mail: berscholl@mail.ru

Дианова Елена Васильевна, д-р ист. наук, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск.

E-mail: elena-dianowa@yandex.ru

Иванов Владимир Иванович, д-р ист. наук, Краснодарский социально-экономический институт, Краснодар.

E-mail: ivanovst@mail.ru

Кабытов Пётр Серафимович, д-р ист. наук, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара.

E-mail: don kabytov2012@yandex.ru

Логунова Инна Викторовна, канд. ист. наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, Липецк.

E-mail: inna.logunova12@gmail.com

Наухацкий Виталий Васильевич, д-р ист. наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону.

E-mail: naoukhatskiy@rambler.ru

Никулин Валерий Николаевич, д-р ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: nikuliny@mail.ru

Соколова Наталья Викторовна, канд. ист. наук, Институт славяноведения РАН, Москва.

E-mail: natalia_sokolova@outlook.com

Степанова Лилия Геннадиевна, д-р ист. наук, Кубанский государственный университет, Краснодар.

E-mail: liliya_stepanova@list.ru

Черкасова Марина Сергеевна, д-р ист. наук, Вологодский государственный университет, Вологда.

E-mail: mscherkasova@mail.ru

Научное издание

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 30

Под редакцией
Никулина Валерия Николаевича

Редактор *О. И. Бессчастнова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 19.11.2024 г.
Дата выхода в свет 28.11.2024 г.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 10,4
Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Заказ 132

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14